

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ФИЛИАЛ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
И ПРАКТИКА

Материалы

Международной научно-практической конференции

(18 апреля 2013 г., г. Волгоград)

Волгоград
2013

УДК 343.131
ББК 67.410.2
А 43

Редакционная коллегия:

докт. юрид. наук, доцент *М. Т. Аширбекова*
канд. юрид. наук, профессор *В. С. Посник*
канд. юрид. наук, доцент *В. Н. Тронева*

Тексты статей печатаются в авторской редакции
Точки зрения редакционной коллегии и авторов могут не совпадать

А 43 **Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика: международная научно-практическая конференция (2013; Волгоград):** Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика», 18 апреля 2013 г.: [материалы] / редкол.: В. Н. Тронева [и др.]. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. – 208 с.
ISBN 978-5-7786-0508-4

18 апреля 2013 г. на базе Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная актуальным проблемам обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. В рамках конференции были проведены пленарное заседание, круглый стол и заседания научного студенческого кружка.

В данном сборнике опубликованы предоставленные в редакцию работы участников.

УДК 343.131
ББК 67.410.2

ISBN 978-5-7786-0508-4

© Волгоградский филиал
ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА	
<i>Аширбекова М. Т.</i> О сокращенной форме дознания.....	8
<i>Вологина Э. А., Голоманчук Э. В.</i> Охрана и защита социально-экономических прав личности в уголовном процессе.....	13
<i>Голоманчук Е. А.</i> Актуальные проблемы применения принудительных мер медицинского характера.....	17
<i>Днепровская М. А.</i> Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые проблемы применения.....	21
<i>Зайцева Е. А.</i> Некоторые аспекты обеспечения прав участников проверочных мероприятий.....	27
<i>Евдокимов А. Г.</i> Пути решения проблемы ликвидации медицинских вытрезвителей на примере Волгоградской области.....	31
<i>Зотова С. А.</i> Апелляционный приговор как вид судебного решения суда второй инстанции.....	35
<i>Косарев В. Н., Косарева Л. В., Макогон И. В.</i> Проблема обеспечения прав личности на возмещение вреда, причиненного преступлением.....	39
<i>Кравченко Д. В., Хазиев Ш. Н.</i> Актуальные проблемы развития судебно- экономической экспертизы с точки зрения защиты конституционных прав личности.....	44

Люблин В. Д.	
Особенности деятельности субъектов административно-правовых отношений в информационной сфере.....	48
Мальцев В. В.	
Норма о малозначительности деяния как гарантия обеспечения прав личности в уголовном праве.....	52
Мелихов П. А.	
Идеальный УПК: миф или панацея?.....	58
Некенова С. Б.	
Право на разумный срок уголовного судопроизводства как элемент справедливого судебного разбирательства.....	63
Омарова А. С.	
Неоднократность новой кассации.....	69
Печников Г. А.	
Права личности в состязательном процессе. УПК РФ и объективная истина.....	75
Пикуров О. Н.	
Роль прокуратуры в защите конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве.....	83
Посник В. С., Шевчук И. В.	
К вопросу об опознании по признакам голоса и речи.....	87
Решетников В. М., Родин А. Ф.	
Институт понятых – проблемы и перспективы.....	92
Сенцов А. С., Волколупова В. А.	
Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств как одно из средств обеспечения прав и законных интересов участников судопроизводства.....	96
Сергачева О. А.	
Гражданско-правовая ответственность за действия коррупционного характера в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд по законодательству Италии.....	101
Симонова С. С.	
Развитие системы защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве.....	104
Тащишин И. Б.	
Социальное обеспечение граждан Украины: административно-правовой аспект.....	108
Тронева В. Н.	
Гарантии защиты прав подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых применяется мера пресечения в виде заключения под стражу.....	112

Шабунин В. А.	Проблемы реализации полномочий руководителя следственного органа в условиях расширения судебного контроля на досудебных стадиях процесса.....	119
Шамонова Т. Н.	Обеспечение прав личности на стадии возбуждения уголовного дела.....	124

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Афони娜 Н. О.	Отвод переводчика как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется производство по уголовному делу.....	132
Байгончокова Н. А.	Гарантии прав личности при производстве судебных экспертиз в уголовном процессе России и Кыргызстана: сравнительно-правовой аспект.....	137
Белова Н. Т.	К вопросу о понятии подозреваемого и о моменте его появления в уголовном процессе.....	141
Бобко У. П.	Защита трудовых прав осужденных, работающих в исправительных учреждениях с помощью коллективных договоров.....	143
Высоцких С. С.	Момент возникновения права на защиту в уголовном процессе РФ.....	145
Гончарова Е. А.	Ювенальная юстиция и проблемы защиты прав несовершеннолетних.....	149
Гуторов Н. А.	К вопросу о возмещении морального вреда юридическому лицу в уголовном судопроизводстве.....	152
Дробышев М. Ю.	Право потерпевшего на отказ от уголовного судопроизводства.....	156
Кобзева О. Г.	Эволюция сокращенных производств в России в Советский период.....	159

Ковалев М. А.	
Правоохранительная деятельность таможенных органов.....	162
Лавнов М. А.	
Особенности прекращения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц.....	165
Немашкалова Е. В.	
Роль института понятых в обеспечении прав человека в уголовном процессе.....	170
Несмачная Н. В.	
Правовое регулирование выдачи лица для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора.....	175
Пагава Т. Л.	
Осуществление прокурорского надзора за соблюдением прав человека и гражданина.....	180
Спесивов Н. В.	
О понятии международных стандартов прав человека.....	183
Челядина М. А.	
Охрана прав личности при возбуждении уголовного дела.....	187
Шевченко А. А.	
Презумпция невиновности как гарантия защиты прав личности в уголовном судопроизводстве России.....	191
Юшин М. В.	
Нарушения прав участников процесса при производстве осмотра трупа и эксгумации.....	196
Ягнакова Е. А.	
Справедливость наказания и право на жизнь.....	198
УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ.....	201
ФОТОГРАФИИ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ.....	204

ВВЕДЕНИЕ

18 апреля 2013 г. на базе Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная актуальным проблемам обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве. В рамках конференции были проведены пленарное заседание, круглый стол и заседания научного студенческого кружка.

В работе конференции приняли участие сотрудники прокуратуры Волгоградской области, судьи и помощники судей, Волгоградского областного клинического наркологического диспансера, представители адвокатуры, ученые из Москвы, Саратова, Иркутска, Волжского, Элисты и других городов России, а также представители науки Украины.

В активном обсуждении проблем, обозначенных в научных докладах, принимали участие более 35 научных и практических работников, а также более 20 студентов, магистрантов и аспирантов России и Украины.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

М. Т. Аширбекова

О СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

**Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте России»**

Отчетливой тенденцией продолжающейся реформы уголовного судопроизводства является дифференциация процессуальной формы, в том числе и формирование отдельных видов процессуального производства по уголовному делу. Одним из видов процессуального производства выступает сокращенная форма дознания, регламентированная нормами гл. 32.1 УПК РФ, введенная Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1].

Анализ норм гл.32.1 УПК РФ дает представление о критериях дифференциации форм дознания, которые одновременно выступают и основными элементами модели сокращенного дознания, проявляющими его сходство и отличие от общего порядка дознания по нормам гл. 32 УПК РФ.

На наш взгляд, наиболее устойчивыми, а потому непеременимыми критериями для дифференциации всех видов процессуальных производств выступают: предмет – преступление той или иной категории (ст. 15 УК РФ), особенности субъекта преступления, выступающего в процессуальном статусе подозреваемого, сложность уголовного дела. В этом плане не стала исключением и дифференциация новых форм дознания – общей и сокращенной.

Думается, что по своему содержанию названные критерии можно различать как уголовно-правовые и процессуально-криминалистические.

Предмет процессуального производства, понимаемый как конкретные составы преступлений определенной степени общественной опасности и характера, – критерий уголовно-правового характера. Однако анализ норм

гл.32 и 32.1 УПК РФ обнаруживает одну особенность: общий порядок дознания и сокращенная форма дознания не различаются по указанному признаку.

Предмет производства для этих форм дознания – единый. Закон к предмету дознания относит 97 составов преступлений, относящихся к категории небольшой и средней тяжести (ч.ч. 1 и 2 ст. 15 УК РФ, п.1 ч.3 ст. 159УПК РФ). Именно эта общность предмета дает возможность перехода производства по делу из режима сокращенного дознания в режим общего порядка, если подозреваемый, обвиняемый, потерпевший или его представитель заявят ходатайство о прекращении сокращенной формы (ч.3 ст. 226.3 УПК РФ).

В то же время надо отметить, что есть и небольшое отличие по предмету. Так, из содержания п.2 ч.3 ст. 150 УПК РФ вытекает, что иные преступления небольшой и средней тяжести, за исключением указанных в п.1 ч.3 ст. 150 УПК РФ, относятся к предмету только общего порядка дознания. Но это отличие связано не с категорией преступлений, а с конкретными составами, которые, однако, в законе не перечисляются. Закон содержит лишь оговорку о том, что по указанию прокурора по ним проводится дознание.

К уголовно-правовым критериям дифференциации относятся и свойства субъекта преступления, выступающего в качестве подозреваемого.

Во-первых, он должен быть непременно совершеннолетним лицом, так как закон прямо указывает, что сокращенная форма дознания исключается, если подозреваемый – несовершеннолетний (п.1 ч.1 ст. 226.2 УПК РФ).

Во-вторых, он не должен иметь признаков, которые дали бы основание полагать, что он страдал во время совершения общественно опасного деяния психическим расстройством, ставящим под сомнение его вменяемость, либо страдает ими на момент производства по делу. Иными словами, не должно быть оснований для производства о применении принудительных мер медицинского характера в связи с обстоятельствами, указанными в п.п. «а», «б» и «в» ч.1 ст. 97 УК РФ.

Указанное производство само по себе выступает обособленным видом процессуального производства, специально предназначенного как гарантия прав и интересов лиц, указанных в п.п. «а», «б» и «в» ч.1 ст. 97 УК РФ.

Но есть и свойства уголовно-процессуального характера, связанные с личностью обвиняемого (подозреваемого). Так, значимым свойством, связанным с субъектом преступления, является не владение подозреваемым языком судопроизводства. Не владение подозреваемого языком судопроизводства является обстоятельством, исключающим сокращенное дознание (п.5 ч.1 ст. 226.2 УПК РФ). Но это свойство вряд ли может пониматься как общий критерий для дифференциации видов процессуальных производств. Скорее всего, в сокращенном дознании такой запрет выступает гарантией прав и интересов подозреваемого.

Внимания заслуживает положение закона (п.3 ч. 1 ст. 226. 2 УПК РФ) о том, что сокращенная форма не допускается, если подозреваемый принадлежит к категории субъектов, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный гл. 52 УПК РФ. Конечно, этот признак характеризует субъекта, выступающего в качестве обвиняемого (подозреваемого). И он, безусловно, является критерием дифференциации видов производства. Однако, такой вид производства уже определен в гл 52 УПК РФ. Допущение же сокращенного дознания в отношении лиц, указанных в ст. 448 УПК РФ, означало бы дифференциацию этого, ставшего уже особым, производства и делало бы его бессмысленным.

Процессуально-криминалистическими критериями для выделения сокращенного дознания являются позитивное посткриминальное поведение подозреваемого и сложность уголовного дела.

Надо сказать, что понятие «сложность уголовного дела» вошло в ткань уголовно-процессуального закона сравнительно недавно. Так, о «фактической сложности уголовного дела» как критерия оценки разумности сроков судопроизводства указывается в ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ.

Понятие «сложность/несложность уголовного дела» – оценочное. Потому законодатель не может детально прописать, какое именно дело сложное, а какое – нет. Не углубляясь в эту проблему, повторимся, что сложность или несложность уголовного дела понимается нами не в уголовно-правовом плане, хотя она и связана с предметом производства.

«Сложность / несложность уголовного дела» как процессуально-криминалистическое явление связано с рядом ситуационных факторов. Такие факторы многообразны.

По крайней мере, к ним можно отнести следующие: совершено преступление в условиях очевидности или совершившее его лицо не установлено на момент возбуждения уголовного дела; многоэпизодное преступление или нет; совершено ли оно в соучастии – группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией); совершено несколько преступлений, вменяемых в вину обвиняемому (подозреваемому).

Применительно к сокращенному дознанию о несложности дела свидетельствуют следующие положения.

Так, на несложность уголовного дела указывает п.1 ч.1 ст. 226.1 УПК РФ, устанавливающий, что условием сокращенной формы дознания является возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица. В переводе на ситуацию это означает, что сокращенное дознание производится в отношении уже установленного лица.

На несложность уголовного дела указывает также позитивное посткриминальное поведение подозреваемого. Оно выражается в том, что подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного пре-

ступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п.2 ч. 1 ст. 226.1 УПК РФ).

Понятно, что при таких обстоятельствах расследовать преступление намного проще, чем, если бы имело место активное противодействие расследованию.

Обращает внимание, что сокращенное дознание производится по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п.1 ч.3 ст. 150 УПК РФ. Это вытекает из смысла положений п.1 ч.2 ст. 226.1 и п.4 ч.1 ст. 226.2 УПК РФ, что говорит о том, что приведенное условие не характеризует уголовное дело как сложное.

В то же время сокращенное дознание не производится, если только одно из этих преступлений относится к преступлениям, указанным в ч.3 ст. 150 УПК РФ. Данное положение предусмотрено п.4 ч.1 ст. 226.2 УПК РФ и нацелено на «чистоту» предмета производства.

Однако закон умалчивает о том, возможна ли сокращенная форма дознания в отношении нескольких подозреваемых? Видимо, по количеству подозреваемых – соучастников уголовное дело должно пониматься как сложное.

Таким образом, можно сделать вывод, что представленная в гл. 32.1 УПК РФ сокращенная форма дознания, выделилась в основном по критериям, связанным с субъектом (подозреваемым) и с тем, что он, признавая свои вину и соглашаясь с выдвинутым подозрением, облегчает доказательственную деятельность дознавателя.

Приведенные положения, кроме прочего, указывают на проявление диспозитивных начал, характеризующих поведение подозреваемого. Однако такое поведение будет иметь формообразующий эффект только в том случае, если потерпевший не возражает против производства дознания в сокращенной форме (ч.6 ч.1 ст. 226.2 УПК РФ). Позиция потерпевшего при условии, что он не возражает против указанной формы дознания, есть, по сути, его согласие с позицией подозреваемого. Она снимает обостренность ожидаемого для состязательного процесса противоборства сторон.

Приведенные положения указывают на упрощение предпринимаемой дознавателем фактоустановительной деятельности и правовой оценки установленных обстоятельств дела.

Очевидно, что законодатель под понятием «сокращенная форма» имеет в виду не столько краткие сроки дознания, сколько деятельностную сторону – упрощение производства за счет изъятий в доказывании.

К таковым относятся положения ч.3 ст. 226.5 УПК РФ, позволяющие для дознавателя:

- возможность не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

- возможность не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

- возможность не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением случаев, указанных в п.п. «а», «б», «в» п.3 ч.3 ст. 226.5 УПК РФ;

- возможность не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ.

- возможность не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям норм УПК РФ, предъявляемым к доказательствам.

Очевидно, указанные упрощения в доказывании – путь рационализации дознания, компенсируемый в целом стандартным уровнем соблюдения прав и интересов сторон, а также интересов правосудия.

Но такой рациональный подход за счет значительных упрощений был известен советскому, а затем и российскому уголовному процессу. Это – протокольная форма досудебной подготовки материалов дела, введенная Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г. в УПК РСФСР (гл. 34).

По сути, она была схожа с досудебной проверкой, проводимой для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела. Однако ее недостатком было положение о том, что само уголовное дело должно было возбуждаться судом, что понятно, не могло прижиться в состязательном процессе. Но это форма, несомненно, имела достоинства. Не случайно профессор права Сент-Луисского университета (США) С. Тейман, проанализировав российский уголовный процесс и сравнив его с судопроизводством других стран, писал: «В России так называемая протокольная форма досудебной подготовки материалов дел (ст.ст. 414-419 УПК) является важным первым шагом для того, чтобы избежать или упростить громоздкое российское предварительное следствие. Из опыта других постинквизиционных европейских систем правосудия можно извлечь дополнительные пути сокращения процедуры в простых, более или менее не спорных уголовных делах... Ведь в

большинстве уголовных дел доказательства собираются в течение нескольких часов после совершения преступления. Такие дела решаются просто, и нецелесообразно откладывать день приговора только для того, чтобы соблюсти сомнительный, псевдонаучный инквизиционный принцип, который мало-помалу исчезает со сцены правосудия» [2, с. 36-37].

Библиографический список

1. Российская газета. – 2013. – 6 марта. – № 48.
2. *Тейман, С.* Сделки о признании вины или сокращение формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? [Текст] / С. Тейман // Российская юстиция. – 1998. – № 11.

Э. А. Вологина, Э. В. Голоманчук

ОХРАНА И ЗАЩИТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Проводимые в России социально-экономические и политико-правовые реформы позволяют сделать вывод о том, что в стране происходят коренные изменения места, роли и значения государства и органов исполнительной власти в сфере организации обеспечения общественной безопасности.

Коренным образом преобразились взаимоотношения государства и гражданина: человек, его права и свободы провозглашены Конституцией Российской Федерации в качестве высшей ценности (ст. 2), что потребовало сосредоточения первоочередного внимания общества и государства на обеспечении безопасности личности, организации общественной безопасности и охраны общественного порядка на улицах и в других общественных местах.

Это обусловило необходимость нового концептуального подхода к проблемам организации обеспечения общественной безопасности, защиты жизни и здоровья, прав и законных интересов граждан от преступных и иных противоправных посягательств на строго научной основе [3, с. 29-30].

Защита личности - задача, которая разрешалась в разное время различными средствами и способами. Под гарантиями прав личности принято понимать средства или способы, при помощи которых гражданам обеспечиваются возможности практического использования принадлежащих им прав. Гарантии обвиняемого заключаются в том, что он способен уголовно-правовыми средствами защищаться от обвинения, реализовывать свои права не только в судебном, но и досудебном производстве [6, с. 54].

Органы внутренних дел – это государственные органы, входящие в состав исполнительной власти. Они организационно объединяют в себе полицию, Федеральную миграционную службу и внутренние войска МВД России. МВД России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в том числе в сфере миграции. В числе задач МВД России, в пределах установленных полномочий, – государственное управление в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, охраны правопорядка, обеспечения общественной безопасности и непосредственное руководство органами внутренних дел и внутренними войсками МВД России, организация их деятельности [2].

Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации строится в соответствии с принципами уважения прав и свобод человека и гражданина, законности, гуманизма, гласности, на основе планирования, сочетания единоначалия в решении вопросов оперативно-служебной деятельности и коллегиальности при их обсуждении, персональной ответственности каждого сотрудника, работника органов внутренних дел, подразделений и организаций за состояние дел на порученном участке и выполнение отдельных поручений, а также взаимодействия с другими органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными объединениями и гражданами. Таковы базовые принципы функционирования всей системы МВД. Однако ни среди задач, ни среди обязанностей полиции Закон о ней не называет неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Органы внутренних дел реализуют свою компетенцию по обеспечению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в следующих основных направлениях или видах деятельности: административной, оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной [4, с. 127].

Прямое указание ст. 2 Конституции РФ на то, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, подчеркивает, что во взаимоотношениях человека, общества и государства приоритет принадлежит правам и законным интересам человека. В соответствии с положениями ст. 7 Конституции, Российская Федерация является социальным государством. Главная задача социального государства – достижение такого общественного прогресса, который основывается на закрепленных правом принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. Юридическая природа и отдельные особенности социального обеспечения и мер социальной поддержки в Российской Федерации отражают конституционную обязанность государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, создавать надлежащие материальные, политические, правовые и иные условия для осуществления этих

прав и свобод, их воплощения в реальной жизни. Государство обязано соблюдать эти права и свободы (то есть не нарушить их и создавать все условия для их надлежащей реализации) и защищать всеми доступными, разрешенными законом способами.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, социальное назначение полиции заключается в создании состояния защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина.

Оперативно-розыскная деятельность также выступает важным направлением работы органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод человека и гражданина и представляет собой вид деятельности, осуществляемый гласно и негласно оперативными подразделениями органов внутренних дел в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. При этом оперативно-розыскная деятельность является непроцессуальной и зачастую сотрудники органов внутренних дел при ее осуществлении нарушают права и законные интересы граждан в целях раскрытия преступлений. Лицо, полагающее, что действия органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, привели к нарушению его прав и свобод, вправе обжаловать их в вышестоящий орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, прокуратуру или суд. Однако доказать эти факты, как показывает практика, бывает очень сложно – в силу допроцессуального характера деятельности, ее негласных методов и многих других факторов.

Уголовно-процессуальная деятельность органов внутренних дел является ведущей в процессе обеспечения прав и свобод граждан. Можно также выделить меры профилактики преступлений и правонарушений, но это направление деятельности органов внутренних дел реализуется на крайне низком уровне.

Сотрудники органов внутренних дел, реализуя свой правовой статус в виде обязанностей и прав, тем самым участвуют в обеспечении исполнения как прямых обязанностей человека и гражданина, предусмотренных Конституцией РФ, так и тех некоторых обязанностей, которые сформулированы в связи с предоставлением им прав и свобод [5].

При обеспечении прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе важную роль играет обоснованность ответственности, под которой понимается, во-первых, объективное исследование обстоятельств дела, сбор и всесторонняя оценка всех относящихся к делу доказательств, аргументированность вывода о том, было ли совершено правонарушение, виновно ли в этом лицо, привлеченное к ответственности, подлежит ли применению

предусмотренная законом санкция; во-вторых, определение конкретной меры наказания, взыскания, возмещения вреда в точном соответствии с критериями, установленными законом.

Законодательством определены специальные гарантии конституционной законности в деятельности правоохранительных органов, предупреждающие и пресекающие выход за рамки закона, злоупотребления и ошибки при применении материально-правовых норм (неправильная юридическая квалификация деяния, определение наказания или взыскания вне пределов санкции) и норм процессуальных (нарушение процедуры рассмотрения дела, исследования доказательств, принятия решения, порядка его обжалования и реализации и т.п.). Вся система действий органов внутренних дел и каждое отдельное действие производятся в предусмотренном законом порядке. Этот порядок (процессуальная процедура) обязателен для всех; именно он обеспечивает конституционную законность, права, интересы и свободы лиц, участвующих в деятельности правоохранительных органов, создает гарантии обоснованности и справедливости принимаемых решений.

Эффективность деятельности аппарата публичной власти, ее слаженность во многом зависят от правильного определения компетенции органов их структурных подразделений, должностных лиц. Урегулированность осуществления публичной власти системой правовых норм о компетенции, реализация и строгое следование этим нормам – важнейшие условия правового регулирования защиты прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция РФ: офиц. текст (с изм. от 31 декабря 2008 г.) // Российская газета. – 2009. – 21 января.
2. Российская Федерация. Президент (2000-2008, 2012–; В. В. Путин). Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ: от 19 июля 2004 г. // СПС «КонсультантПлюс».
3. *Агалабаев, М.И.* Гносеологическая интерпретация понятия безопасности как общенаучной категории [Текст] / М. И. Агалабаев // Российский следователь. – 2009. – № 4.
4. *Бутылин, В.Н.* Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел (организационно-правовые аспекты) [Текст]: курс лекций / В. Н. Бутылин, И. В. Гончаров, В. В. Барбин. – М.: «Академия управления МВД России», 2007.
5. *Гончарук, Е. В.* К вопросу о роли ОВД в обеспечении конституционных обязанностей человека и гражданина в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/pravo/0403/2.html>.
6. *Чепрасов, М. Г.* Деятельность суда по обеспечению прав и законных интересов обвиняемого в досудебном производстве [Текст] / М. Г. Чепрасов // Администратор суда. – 2009. – № 1.

Е. А. Голоманчук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

ООО «Юридическая фирма Вологин и К» (г.Волгоград, Россия)

Следственно-судебная практика, судебно-психиатрические экспертизы, проведенные для установления вменяемости либо невменяемости привлекаемого к уголовной ответственности лица, научные исследования свидетельствуют, что немалое число лиц, признанных вменяемыми в момент совершения ими общественно опасного деяния, все же имели определенные аномалии психики (различные формы психопатий, неврозы, легкие формы слабоумия и т.д.). В соответствии с Уголовным Кодексом Российской Федерации [1], такие лица являются вменяемыми и подлежат уголовной ответственности. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, выступает лишь в качестве условия, способствовавшего совершению преступления, тогда как при общественно опасном деянии, совершенном в состоянии невменяемости, именно психическая болезнь или иное болезненное состояние психики явились причиной действия (бездействия) лица.

Продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера осуществляются судом по представлению администрации учреждения, осуществляющего принудительное лечение, на основании заключения комиссии врачей-психиатров.

Лицо, которому назначена принудительная мера медицинского характера, подлежит освидетельствованию комиссией врачей-психиатров не реже одного раза в шесть месяцев для решения вопроса о наличии оснований для внесения представления в суд о прекращении применения или об изменении такой меры. Освидетельствование такого лица проводится по инициативе лечащего врача, если в процессе лечения он пришел к выводу о необходимости изменения принудительной меры медицинского характера либо прекращения ее применения, а также по ходатайству самого лица, его законного представителя и (или) близкого родственника. Продление принудительного лечения должно иметь место и в тех случаях, когда суд, не соглашаясь с позицией учреждения, осуществляющего принудительное лечение, об отмене такого лечения, отказывает в представлении администрации. Изменение принудительной меры медицинского характера возможно тогда, когда эта мера назначена правомерно.

Изменение или прекращение применения принудительной меры медицинского характера осуществляется судом в случае такого изменения психического состояния лица, при котором отпадает необходимость в применении ранее назначенной меры либо возникает необходимость в назначении иной принудительной меры медицинского характера.

В случае прекращения применения принудительного лечения в психиатрическом стационаре суд может передать необходимые материалы в отношении лица, находившегося на принудительном лечении, органам здравоохранения для решения вопроса о его лечении или направлении в психоневрологическое учреждение социального обеспечения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о здравоохранении. Применение принудительных мер медицинского характера осуществляется под судебным контролем. Ст. 102 УК РФ определяет порядок продления, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера, в соответствии с которой такие решения принимает только суд по представлению администрации учреждения, осуществляющего принудительное лечение. Такое представление направляется в суд на основании заключения комиссии врачей-психиатров.

При решении вопроса об изменении принудительной меры медицинского характера суд может принять решение как о смягчении типа психического стационара, так и о его ужесточении, поскольку законодатель ввел на этот счет ограничения с учетом того, что психическое состояние здоровья лиц может как улучшиться, так и ухудшиться при проведении лечения.

В случае если комиссия врачей-психиатров придет к выводу о необходимости прекращения принудительной меры медицинского характера в отношении лица, указанного в ст. 97 УК, суд в зависимости от стадии производства по уголовному делу (досудебной и судебной) принимает соответствующее решение. Если уголовное дело было приостановлено на стадии досудебного производства в связи с временным расстройством психической деятельности лица, суд прекращает в связи с выздоровлением этого лица принудительную меру медицинского характера и направляет уголовное дело прокурору для дальнейшего производства. В случае, когда лицо было временно освобождено от отбывания наказания в силу временного расстройства его психической деятельности, суд, принимая решение о прекращении применения принудительной меры медицинского характера, направляет такое лицо для отбывания наказания.

При принятии решения о прекращении принудительной меры медицинского характера суду следует иметь в виду, что под понятием «выздоровление лица» следует считать такое состояние его психической деятельности, которое не исключает его способности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [2, с. 29].

Закон выделяет два вида амбулаторной психиатрической помощи: консультативно-лечебная помощь или диспансерное наблюдение. При этом консультативно-лечебная помощь оказывается врачом-психиатром только при самостоятельном обращении лица, страдающего психическим расстрой-

ством, по его просьбе или с его согласия. Что же касается диспансерного наблюдения, то оно устанавливается только за лицом, страдающим хроническим и затяжным психическим расстройством с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями. Соответственно, если лицо, совершившее общественно опасное деяние, нуждается в амбулаторном принудительном наблюдении и лечении у психиатра, но не отвечает вышеуказанным критериям, принудительное лечение данного лица невозможно.

Что касается лечения в психиатрическом стационаре, то процедура принудительной госпитализации лица, совершившего общественно опасное деяние небольшой тяжести, выглядит следующим образом. Судья обязан отказать в удовлетворении ходатайства следователя о применении в отношении такого лица принудительных мер медицинского характера и отменить избранную в отношении него меру пресечения (в том числе содержание в психиатрическом стационаре). Затем судья направляет копию постановления в соответствующий орган здравоохранения для того, чтобы его работники вновь водворили лицо, совершившее общественно опасное деяние, в психиатрический стационар и обратились с заявлением в этот же или другой суд (только в порядке гражданского судопроизводства) для решения вопроса о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар.

Представляется, что в данном случае имеет место неоправданная волокита, излишняя трата рабочего времени медицинских работников, сотрудников милиции, прокуратуры (прокурор участвует и в уголовном судопроизводстве в качестве государственного обвинителя, и в гражданском – в качестве лица, участвующего в деле) и денег налогоплательщиков.

Неполучение пациентом показанного ему необходимого и научно обоснованного лечения или прекращение такого лечения представляет собой явление, нежелательное в практике оказания психиатрической помощи. Оно может привести к отрицательным последствиям: обострению и прогрессированию болезненных проявлений, нарастанию их тяжести и продолжительности, увеличению частоты приступов, существенному снижению вероятности благоприятного исхода, нарушению социальной адаптации, временной или стойкой утрате трудоспособности и т.п. В ряде случаев они чреваты возникновением поведения, представляющего опасность для больного и окружающих его лиц [4, с. 53]. При этом никто не может гарантировать, что отпущенное судом на свободу лицо вновь не совершит аналогичное или более тяжкое общественно опасное деяние. Решение вопросов, указанных в ст. 102 УК РФ, осуществляется судом на основании ст. 445 УПК РФ и оформляется постановлением.

Следует также рассмотреть зачет времени применения принудительных мер медицинского характера. Законодатель использует понятие

«зачет», однако в законе определение такого понятия отсутствует. По смыслу закона (ст. 103 УК РФ), уголовно-правовой зачет представляет собой включение в срок наказания времени пребывания в психиатрическом стационаре лицам, совершившим преступление в состоянии невменяемости.

В случае излечения лица, у которого психическое расстройство наступило после совершения преступления, при назначении наказания или возобновлении его исполнения время, в течение которого к лицу применялось принудительное лечение в психиатрическом стационаре, засчитывается в срок наказания из расчета один день пребывания в психиатрическом стационаре за один день лишения свободы.

Положения ст. 103 УК РФ распространяются на лиц, у которых расстройство психической деятельности наступило после совершения ими преступления. При этом применяются сроки давности уголовного преследования, установленные ст. 78 и 94 УК РФ. При назначении таким лицам наказания, не связанного с лишением свободы, суд руководствуется положениями ст. 72 УК РФ. В случае отмены принудительной меры медицинского характера в отношении лица, у которого расстройство психической деятельности наступило уже после вынесения приговора, но до отбывания назначенного ему наказания, суд засчитывает ему в срок отбывания наказания время нахождения в психиатрическом стационаре. И в случае если это время превышает срок назначенного ему наказания, суд наряду с отменой такого лечения, освобождает такое лицо от наказания за его отбытием. В случаях, предусмотренных ч.2 ст. 99 УК РФ, принудительные меры медицинского характера исполняются по месту отбывания лишения свободы, а в отношении осужденных к иным видам наказаний – в учреждениях органов здравоохранения, оказывающих амбулаторную психиатрическую помощь.

При изменении психического состояния осужденного, требующем стационарного лечения, помещение осужденного в психиатрический стационар или иное лечебное учреждение производится в порядке и по основаниям, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации о здравоохранении [3, с. 34].

Прекращение применения принудительной меры медицинского характера, соединенной с исполнением наказания, производится судом по представлению органа, исполняющего наказание, на основании заключения комиссии врачей-психиатров.

Необходимо также отметить, что применение принудительных мер медицинского характера, при которых контроль предлагается обеспечивать путем надзора, что предполагает пребывание пациента в психиатрических стационарах специализированного типа органов здравоохранения, может быть возложено на специальные подразделения уголовно-исполнительной системы по обеспечению безопасности в таких учреждениях. Подобных подразделений в настоящее время не существует, хотя они необходимы.

Исполнение принудительных мер медицинского характера, при которых методом контроля за лицом, которому такие меры назначены, является охрана (что предполагает их интернирование в психиатрической стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением органов здравоохранения), целесообразно возложить на специальные подразделения уголовно-исполнительной системы по обеспечению охраны и безопасности указанных стационаров. Такие подразделения в настоящее время созданы во всех регионах, где дислоцированы психиатрические больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением органов здравоохранения, однако их функции ограничены обеспечением безопасности и охраны указанных учреждений¹.

Таким образом, применение принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания, предусмотрено в отношении двух категорий лиц, совершивших преступления – страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости и признанных нуждающимся в принудительном лечении от алкоголизма и наркомании.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс: федер. закон: от 13 июня 1996 г. (ред. от 16 октября 2012 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. *Базаров Ю. Р.* Принудительные меры медицинского характера [Текст] / Ю. Р. Базаров, С. А. Дробот, К. В. Михайлов. – Челябинск, 2008.
3. *Минязева, Т. Ф.* Правовая охрана здоровья осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях [Текст] / Т. Ф. Минязева // Журнал российского права. – 2005. – № 1.
4. *Ортиков, Е.* Применение принудительных мер медицинского характера [Текст] / Е. Ортиков // Законность. – 2009. – № 4.

М. А. Днепровская

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Восточно-Сибирский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»

Федеральным законом от 29.06.2009 г. № 141-ФЗ в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ были включены нормы, устанавливающие институт «досудебного соглашения о сотрудничестве»

¹ В Санкт-Петербурге, Республике Татарстан, Волгоградской, Костромской, Смоленской, Орловской, Калининградской областях, однако их функции ограничены обеспечением безопасности и охраны указанных учреждений.

обвиняемого или подозреваемого со стороны обвинения, выполнение условий которого влечет значительное смягчение ответственности за совершенное преступление. Указанный институт был неоднозначно воспринят как учеными, так и правоприменителями.

Дискуссионными и широко обсуждаемыми вопросами стали следующие: возможность заключения досудебного соглашения с несовершеннолетними; возможность заключения соглашения о сотрудничестве с обвиняемым, если по своему уголовному делу он привлекается к ответственности один, в отсутствие соучастников; безопасность лица, заключившего соглашение; возможность заключения досудебного соглашения при производстве дознания; как действовать суду, если ходатайства о заключении досудебного соглашения поступили от нескольких соучастников; учет мнения потерпевшего и обеспечение его прав; целесообразность включения условия о полном возмещении ущерба потерпевшему при заключении досудебного соглашения и другие.

Судебная практика не может найти ответы на поставленные вопросы, поскольку количество уголовных дел, по которым состоялось досудебное соглашение, невелико.

Отсутствие судебной практики, сложность и неоднозначность данной новеллы вызвали необходимость и своевременность подготовки Пленумом Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2012 г. постановления № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (далее сокращенно – Постановление о досудебном соглашении)

Остановимся на некоторых аспектах применения норм, регламентирующих досудебное соглашение о сотрудничестве.

Инициатива заключения досудебного соглашения о сотрудничестве исходит от подозреваемого или обвиняемого: подозреваемый или обвиняемый подает на имя прокурора соответствующее ходатайство. Однако УПК РФ вообще не предусматривает разъяснения подозреваемому и обвиняемому права на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, его существа и правовых последствиях. Вместе с тем, разъяснение правовых последствий заключения досудебного соглашения о сотрудничестве уже на первом допросе повысит вероятность возникновения у подозреваемого и обвиняемого мотивации к сотрудничеству со следствием и сообщения сведений, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, и в целом эффективность рассматриваемой новеллы.

Следует отметить, что в ст. 172 УПК РФ, регламентирующей порядок предъявления обвинения и в ст. 223.1 УПК РФ, регламентирующей порядок уведомления о подозрении, не содержатся требования о разъяснении обвиняемому и подозреваемому их права на заключение досудебного

соглашения о сотрудничестве. В этой связи, представляется внести соответствующие дополнения в УПК РФ. Дополнение следует внести в ч. 5 ст. 172 УПК РФ, ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ, в которых указано на необходимость разъяснения, соответственно, обвиняемому и подозреваемому их права, предусмотренные ст. 47 УПК РФ и 46 УПК РФ, где право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве не упомянуто. Следует согласиться с позицией авторов, которые считают, что ст. 46 и ст. 47 УПК РФ должны быть дополнены положением о том, что следователь должен разъяснять подозреваемому и обвиняемому право на подачу ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, его сущность, значение, правила оформления, порядок и последствия его подачи [1, с.15-16; 2, с.10; 3, с. 85]. Следовательно, ч. 4 ст. 46 УПК РФ, ч. 4 ст. 47 УПК РФ дополнить следующим положением: «заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Кроме того, следует внести соответствующие дополнения в порядок первого допроса подозреваемого и обвиняемого, а именно: в ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ и в ст. 173 УПК РФ, касающиеся выяснения того, желает или нет подозреваемый или обвиняемый заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Указанные лица владеют ценной информацией, которая может стать полезной именно на начальных этапах предварительного расследования.

Как было отмечено, интересным остается вопрос о том, как действовать подозреваемому, обвиняемому в случае, если прокурор отказывается заключать с ним досудебное соглашение о сотрудничестве? Возможно или нет обжалование такого решения в судебном порядке по правилам ст. 125 УПК РФ?

Возможно несколько вариантов ответа, предлагаемых процессуалистами.

Первый. Установить запрет на обжалование отказа прокурора заключать досудебное соглашение. Однако подобный запрет ущемляет конституционные права обвиняемого: право обжалования действий и решений должностных лиц.

Второй. Допустить обжалование только в случае нарушения прокурором процедуры вынесения соответствующего решения. Например, если отказ был осуществлен ненадлежащим прокурором.

На наш взгляд, представляется обоснованной позиция законодателя. В соответствии с требованиями гл. 40.1 УПК РФ постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано лишь в ведомственном порядке. Т. е., постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителем следственного органа (ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 317.2

УПК РФ постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано следователем, подозреваемым или обвиняемым, его защитником вышестоящему прокурору.

Исходя из этого видно, что законодателем в данной главе УПК РФ не предусмотрен судебный порядок обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ. Постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения не относится к числу решений, подлежащих обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ. Заключение досудебного соглашения является правом, а не обязанностью прокурора (равно как и следователя).

Необходимо также учитывать и то, что соглашение предполагает добровольное волеизъявление двух сторон, в данной ситуации – стороны обвинения, представленной прокурором, и стороны защиты, представленной обвиняемым. В случае признания отказа необоснованным в результате обжалования прокурору вменяется в обязанность заключить такое соглашение. Таким образом, признавая отказ прокурора необоснованным, суд вмешивается в дискреционные полномочия одной из сторон процесса, отдавая предпочтение стороне защиты. В этой связи, Верховному Суду Российской Федерации следует дать четкие разъяснения по этому вопросу.

В свою очередь законодателю необходимо установить основания для отказа в удовлетворении ходатайства подозреваемого, обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку УПК РФ оставил не урегулированным этот вопрос. В силу публичного характера сотрудничества заявление подозреваемого или обвиняемого о намерении оказать содействие следствию в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе ранее не известных правоохранительным органам, должно отклоняться только по мотивам его очевидной ложности или недостоверности либо ввиду явной запоздалости, когда преступление полностью раскрыто, все соучастники выявлены и изобличены.

Следующий вопрос, ответ на который судебная практика пытается найти: возможность заключения соглашения о сотрудничестве с обвиняемым, если по своему уголовному делу он привлекается к ответственности один, в отсутствие соучастников. При толковании ст. 317.1 УПК РФ закон говорит о возможности заключения досудебного соглашения в целях изобличении других соучастников преступления. К этому утверждению приводит и содержание пояснительной записки к закону, дополнившему УПК РФ главой, в которой указано, что институт досудебного соглашения вводился для борьбы с организованной преступностью и коррупцией, т.е. групповых преступлений.

Процессуалисты, приходят к выводу о том, что соглашение о сотрудничестве не должно заключаться и особый порядок рассмотрения дела

в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не должен применяться по делу о преступлении, совершенном единолично подозреваемым, обвиняемым [6].

Следующие моменты, вызывающие интерес при изучении некоторых приговоров. Требуется или нет изучение доказательств по делу в судебном заседании и приводить доказательства преступного деяния в приговоре, как это имело место по одному из уголовных дел.

Прежде следует отметить, что подсудимый согласен с предъявленным обвинением и поэтому настаивает на рассмотрение дела в «особом порядке», предварительно заключив досудебное соглашение о сотрудничестве. При согласии подсудимого с предъявленным обвинением и заявлении соответствующего ходатайства уголовное дело рассматривается по правилам ст. 316 УПК РФ.

Обратимся к п. 1 ст. 317.7 УПК РФ, согласно которому судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, т.е. суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу.

Кроме того, согласно п. 6 ст. 317.7 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, а также выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

По смыслу положений указанных норм следует заключить, что поскольку доказательства судом не исследуются в общем порядке, приводить их в приговоре нет необходимости. Суду необходимо удостовериться в соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако опять же возникает вопрос, каким образом судья устанавливает соблюдение условий, предусмотренных п. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ для принятия решения о рассмотрении уголовного дела в особом порядке?

Верховный Суд Российской Федерации полагает необходимым исследовать документы, в том числе относящиеся к другим уголовным делам, возбужденным в результате сотрудничества с подсудимым (материалы оперативно-розыскной деятельности, материалы проверки сообщения о преступлении, копии постановлений о возбуждении уголовного дела и (или) о предъявлении обвинения, копии протокола обыска, документа, подтверждающего факт получения потерпевшим похищенного у него имущества, и другие.

Представляется, что суд исследовать должен именно те документы, которые бы подтверждали факт сотрудничества обвиняемого со следствием

и результаты такого сотрудничества, в противном случае ценность рассматриваемого института можно поставить под сомнение.

Полагаем, что суд не должен ограничиваться лишь указанием на то, что условия досудебного соглашения о сотрудничестве обвиняемым соблюдены и обязательства выполнены. Представляется, что в приговоре необходимо отразить, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства досудебного соглашения в полном объеме, а также указать на действия, совершенные в рамках соглашения и результат такого сотрудничества. Например, с участием подсудимого было установлено лицо, которое сбывает наркотические средства, в отношении которого было возбуждено и расследовано уголовное дело, которое направлено в суд.

В этой связи правомерен и представляет интерес другой вопрос, если обвиняемый в рамках досудебного соглашения изобличает соучастника преступления, какой статус он приобретает по уголовному делу в отношении соучастника, учитывая, что в целях применения судом предусмотренного ст. 317.7 УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство.

Фактически получается, что в «своем деле», виновный в совершении преступления является подсудимым, а по «другому делу», находящемся на стадии предварительного расследования – свидетелем? Как поступить в такой ситуации: необходимо ли выносить приговор по делу, находящемуся в суде, или необходимо дождаться принятия решения по другому делу?

Кроме того, следует признать обоснованным замечания ученых о том, что не совсем ясна ситуация с преюдициальным значением приговора (ст. 90 УПК РФ) в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в связи с тем, что дело в отношении такого лица рассматривается в особом порядке и доказательства в том числе и показания обвиняемого в судебном заседании не исследуются [4, с. 29; 5].

Изложенные выше вопросы при реализации норм, регулирующих применение досудебное соглашение о сотрудничестве, требуют своего законодательного разрешения или разъяснений со стороны Верховного Суда Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Апостолова, Н. Н.* Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо совершенствовать [Текст] / Н. Н. Апостолова // Российский судья. – 2010. – № 1.
2. *Артамонова, Е. А.* Кто должен разъяснить обвиняемому право на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве? [Текст] / Е. А. Артамонова // Российский следователь. – 2011. – № 2.

3. *Гричаниченко, А. В.* Особый порядок принятия судебного решения: сравнительный анализ содержания главы 40 и главы 40.1 УПК РФ, проблемы их применения [Текст] / А. В. Гричаниченко // Уголовное право. – 2010. – № 1. .

4. *Дробинин, Д. В.* Некоторые проблемы уголовного судопроизводства при заключении обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст] / Д. В. Дробинин // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 3.

5. *Медведко, С. А.* Проблемы применения норм, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков [Электронный ресурс] / С. А. Медведко // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

6. *Саркисянц, Р. Р.* К вопросу о реализации условий досудебного соглашения при расследовании уголовного дела [Электронный ресурс] / Р. Р. Саркисянц // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

Е. А. Зайцева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОВЕРОЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России»

Поиски оптимальных путей регулирования уголовно-процессуальных отношений в досудебном производстве продолжают: тому свидетельством выступают масштабные изменения регламентации проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела и введение новой формы предварительного расследования – «дознания в сокращенной форме» [1].

Расширение арсенала средств доказывания на стадии возбуждения уголовного дела – давняя мечта правоприменителей и объективная необходимость, обусловленная вызовами современной преступности и задачами правоохранительных органов на данном этапе развития уголовного судопроизводства. Законодатель предпринял попытку не только увеличить процессуальные возможности субъектов доказывания на стадии возбуждения уголовного дела, но и закрепить ряд гарантий прав лиц, участвующих в проверочных мероприятиях на первоначальной стадии уголовного процесса.

При анализе новых законоустановлений, введенных в ст. 144 УПК РФ Федеральным законом № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г., сразу можно обратить внимание на различные термины, использованные в тексте этого нормативно-правового акта для обозначения лиц, вовлеченных в проверочную деятельность на указанной стадии: законодатель их именует «участниками досудебного производства», «участниками проверки сообщения о преступлении», «лицами, участвующими в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении». Безусловно, первый термин

ввиду подразумеваемого чрезмерно широкого круга лиц является недостаточно точным, т. к. включает в себя всех участников уголовно-процессуальных отношений, возникающих как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования. Объем понятия «участники проверки сообщения о преступлении» значительно уже: под ними подразумеваются участники процессуальных отношений на стадии возбуждения уголовного дела в целом.

Что же касается термина «лица, участвующие в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» – то он, по логике, используется для обозначения только тех лиц, которые непосредственно участвуют в процессуальных действиях проверочного характера на стадии возбуждения уголовного дела.

В связи с вышеизложенным возникает ряд вопросов:

1) действительно ли законодатель закладывал такое содержание в примененные термины при формулировании новелл Федерального закона № 23-ФЗ от 4 марта 2013 г., либо они обозначают один и тот же круг лиц?

2) достаточны ли по своему характеру закрепленные данным законом гарантии прав лиц, участвующих в проверочных мероприятиях?

Относительно первого вопроса, полагаем, что законодатель использовал для обозначения участников проверочных мероприятий различные названия в синонимичном значении. Такой вывод вытекает из принципиальных положений о необходимости уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ). В силу прямых требований закона лица, осуществляющие уголовное производство, обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Необходимо помнить, что ввиду скоротечности стадии возбуждения уголовного дела (максимальный срок проверочных мероприятий согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ составляет 30 суток), стоящих перед стадией задач и определенного «информационного голода» в период доследственной проверки в процессуальные отношения вступает круг лиц, чей статус еще формально не закреплен: заявители, не являющиеся реально потерпевшими от преступления; очевидцы и иные обладающие информацией о событии и его участниках лица; лица, потерпевшие от преступлений, лица, в отношении которых осуществляются проверочные мероприятия на предмет их причастности к совершению преступления.

Именно для этих категорий законодатель формулировал новеллы о том, что если они участвуют в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, то им:

1) разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ;
2) делается предупреждение о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ;

3) обеспечивается возможность осуществления прав, предусмотренных УПК РФ, в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы:

а) право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ;

б) пользоваться услугами адвоката;

в) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном главой 16 УПК РФ;

г) требовать обеспечения безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Применительно к этим категориям участников проверочных мероприятий срабатывает именно этот комплекс прав, перечисленный нами в п.п. «а»-«г» – ввиду достаточной определенности предписаний законодателя. Что касается фразы «разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом», то ее необходимо расценивать в контексте следующих законоустановлений – этим лицам «обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы». Т. е., перечень прав участников проверочных мероприятий, закрепленный в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не является исчерпывающим, на это указывает и языковая связка, примененная законодателем – «в том числе» – которая подтверждает, что перечисленные права входят в число иных прав, «предусмотренных настоящим Кодексом».

К ним, например, можно отнести «универсальный комплекс прав участника следственного действия», вытекающий из предписаний ч.ч. 4-6 ст. 164, ч.ч. 5-10 ст. 166, ст. 167, ч. 2 ст. 18 УПК РФ. Естественно, что этими правами лицо наделяется в случае участия в производстве конкретного следственного действия.

Относительно же закрепленного в ч. 1 ст. 144 УПК РФ «базового» комплекса прав участника проверочных мероприятий можно отметить, что он касается, прежде всего, конституционных гарантий, таких, как:

- право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом – ст. 51 Конституции РФ;

- право на получение квалифицированной юридической помощи – ч. 1 ст. 48 Конституции РФ;

- право на судебную защиту и обжалование решений, действий (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц – ст. 46 Конституции РФ;

- право на жизнь – ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. Данное положение, отмечают авторы комментария к Конституции РФ, «... предполагает не только непосредственно действующий запрет произвольного лишения жизни государством, а также любыми другими субъектами, но и позитивную ответственность государства за защиту жизни индивида. ... Признание такой ценности в качестве конституционной и отнесенной к высшим ценностям (ст. 2 Конституции) диктует максимально широкие контуры государственных обязанностей по защите жизни. В них вписывается обеспечение всей системы конституционных гарантий, в частности путем принятия и исполнения законов, направленных на устранение рисков для жизни, возникающих в связи с любыми, в том числе преступными, посягательствами на нее...» [2].

В силу положений ч. 3 ст. 56 Конституции РФ права и свободы, предусмотренные статьями 20, 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46-54 Конституции Российской Федерации не подлежат ограничению ни в каких ситуациях, они неотчуждаемы и являются непосредственно действующими.

Таким образом, законодатель в ч. 1 ст. 144 УПК РФ сделал акцент на конституционных правах и свободах участников проверочных мероприятий. Такой законодательный прием отчасти понятен: в анализируемой нами норме речь идет о неопределенном круге лиц, чьи интересы могут быть затронуты в той или иной мере проводимыми проверочными мероприятиями. Тем не менее, полагаем, законодателю следовало бы продумать гарантии прав лиц, в отношении которых проводятся судебные экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении. Дело в том, что комплекс прав, предусмотренный ст.ст. 198 и 206 УПК РФ существенно отличается от «универсального комплекса прав участника следственного действия», проанализированного нами выше. Закрепление в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ предписания об обязательном удовлетворении ходатайства сторон о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, если экспертиза проводилась до возбуждения уголовного дела, нельзя признать действенной гарантией обеспечения прав участников проверочных мероприятий.

С учетом вышеизложенного, полагаем, содержание ст. 144 УПК РФ в части прав участников проверочных мероприятий должно быть уточнено.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: от 4 марта.2013 г. // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 9. – Ст. 875.

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) [Текст] / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.]; под ред. В. Д. Зорькина. – 2-е изд., пересмотренное. – Москва: Норма, Инфра-М, 2011.

ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЛИКВИДАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ ВЫТРЕЗВИТЕЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУЗ «Волгоградский областной клинический наркологический диспансер»

История вытрезвителей в России начинается 7 ноября 1902 г. в Туле, когда был открыт «Приют для опьяневших». Он был организован врачом Ф.С. Архангельским и содержался за счет городской казны. Основной целью приюта было спасение замерзающих тульских оружейников. Спустя несколько лет тульскую инициативу подхватили по всей России. К сожалению, после революции 1917 г. все приюты были упразднены.

Первый советский медицинский вытрезвитель был открыт в Ленинграде 14 ноября 1931 г. Приказом наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии от 04.03.1940 № 00298 медицинские вытрезвители были выведены из Наркомата здравоохранения и подчинены НКВД. С той поры вытрезвители находились в ведении правоохранительных органов. Основными документами, регламентирующими деятельность медицинских вытрезвителей в СССР, являлись Положение о медицинском вытрезвителе и Инструкция по оказанию медицинской помощи лицам, доставляемым в медицинские вытрезвители, утвержденные приказом МВД СССР от 30.05.1985 г. по согласованию с Минздравом, Минюстом, Генпрокуратурой, Минфином СССР [1]. Удаление пьяных с улиц проводили наряды милиции, состоящие из двух милиционеров и водителя. Нарядам было запрещено участвовать в разборе семейных конфликтов и доставлять пьяных домой.

В положении о медвытрезвителе, в частности, было отмечено:

- медицинский вытрезвитель является специализированным учреждением милиции, выполняющим функции пресечения нарушений антиалкогольного законодательства, появление на улице и в других общественных местах граждан в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность и оказания медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения;

- при обнаружении на улицах и в других общественных местах пьяных лиц, находящихся в бессознательном состоянии, с симптомами острого отравления, наркотического опьянения, психоза, с травмами черепа и иными опасными телесными повреждениями, а также с другим явно выраженным тяжелым состоянием здоровья нарядом немедленно вызывается на место скорая медицинская помощь. Доставка таких лиц в медицинский вытрезвитель категорически запрещено;

- женщины с явными признаками беременности, инвалиды с явными признаками инвалидности направляются в лечебные учреждения.

Таким образом, на тот период времени уже существовал дифференцированный подход к гражданам, находящимся в состоянии опьянения и одновременно нуждающимся в медицинской помощи, которые доставлялись в ближайšie медицинские учреждения.

В 1991 г. был принят Федеральный закон «О милиции», согласно которому в обязанности милиции уже не входила доставка пьяных в медицинские вытрезвители. Постановлением Правительства РФ от 17.09.1992 № 723 на Минздрав России были возложены «обязанности по руководству работой медицинских вытрезвителей, сохранив при этом за органами МВД России обязанности по доставлению граждан в медицинские вытрезвители и обеспечению в них общественного порядка».

К сожалению, идея медицинских вытрезвителей была полностью дискредитирована в основном неправомерной деятельностью работников правоохранительных органов и поступлением большого количества жалоб о нарушении прав граждан. В обществе сформировалось негативное отношение ко всему, что связано с медицинскими вытрезвителями. При этом тот факт, что нахождение в медицинском вытрезвителе не позволило многим гражданам в состоянии опьянения совершить какие-либо противоправные действия, а также избавило их от возможных обморожений и смертельных исходов в зимнее время, в средствах массовой информации по непонятным причинам умалчивался.

В итоге более чем вековая история российских вытрезвителей пошатнулась в январе 2010 г., когда вступил в силу Приказ №71 МВД РФ от 31 января 2009 г. отменяющий применение приказа №106 от 1985 г., а закончилась в марте 2011 г., когда было закрыто последнее из 12 работавших в системе МВД заведений [2, Ст. 900]. После чего в медицинские учреждения стали доставлять лиц при наличии лишь факта опьянения и нарушения ими общественного порядка. Довольно часто поведение доставляемых граждан не соответствует этическим нормам, а их состояние не требует неотложной медицинской помощи. Однако сопровождающие сотрудники правоохранительных органов настаивают на выдаче справок о психофизиологическом состоянии человека и его возможности пребывания в отделении полиции. Поскольку вытрезвление не является лицензионным видом услуг, оказываемых учреждениями здравоохранения и на медицинские организации, не возлагаются функции по изоляции лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Подобная практика организации работы с лицами в состоянии опьянения дезорганизует деятельность лечебных учреждений, нарушает лечебно-охранительный режим, создает опасность для медицинского персонала и пациентов. Нормативными документами не предусмотрены структурные подразделения и штатные должности для обслуживания населения по поводу вытрезвления [3]. Следовательно, в медицинские организации должны доставляться лица, находящиеся в со-

стоянии опьянения только в случаях необходимости оказания им медицинской помощи, а не в случаях наличия у них факта опьянения и нарушения этими лицами общественного порядка.

Медицинская помощь необходима чаще всего лицам, находящимся в состоянии выраженного опьянения, дезориентированным в окружающей обстановке или неспособным самостоятельно передвигаться. Законодательством Российской Федерации предусмотрены необходимые мероприятия для оказания им медицинской помощи [4, Ст.8; 5, Ст. 6724]:

С 1 марта 2011 г. вступил в силу Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Согласно п. 14 ст. 13 закона полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляются следующие права:

- доставлять в медицинские организации граждан, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке;
- доставлять по письменному заявлению граждан в медицинские организации либо в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции находящихся совместно с ними в жилище граждан в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, если есть основания полагать, что они могут причинить вред жизни и здоровью граждан, нанести ущерб имуществу.

Таким образом, в действующем законе о полиции не прописано положение о лицах в состоянии алкогольного опьянения, кроме направления в медицинские учреждения.

К лицам, находящимся в состоянии опьянения, не нуждающимся в оказании медицинской помощи, для пресечения нарушений антиалкогольного законодательства, и, в частности, появления на улицах и в других общественных местах граждан в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность должны применяться меры изоляции в служебные помещения территориального органа или подразделения полиции [6]. Данные инструкции были согласованы с Министром здравоохранения и социального развития Российской Федерации Т. Голиковой 22 декабря 2011 г. В п. 7 документа указано: «При отсутствии медицинских показаний для оказания медицинской помощи в стационарных условиях лица, находящиеся в состоянии опьянения, совершившие правонарушения, доставляются сотрудниками полиции в дежурные части территориальных органов МВД России».

Во исполнение приказа МВД России от 23.12.2011 № 1298 между Министерством здравоохранения Волгоградской области и Главным управлением МВД РФ по Волгоградской области 22 мая 2012 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии (далее – Соглашение).

Данным Соглашением определен порядок взаимодействия сторон при доставлении сотрудниками полиции лиц, находящихся в состоянии опьянения, и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке в государственные и муниципальные учреждения Волгоградской области:

- при выявлении лиц, находящихся в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, а также при подозрении на наличие показаний для неотложной медицинской помощи, сотрудники полиции обеспечивают оказание им при необходимости первой медицинской помощи, организуют незамедлительный вызов на место выездной бригады скорой медицинской помощи;

- при отсутствии возможности прибытия выездной бригады скорой медицинской помощи, обеспечивают доставку лиц, находящихся в состоянии опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться и ориентироваться в окружающей обстановке, в ближайшее медицинское учреждение;

- при наличии медицинских показаний граждане данной категории госпитализируются в медицинские учреждения в соответствии с профилем и показаниями;

- при отсутствии медицинских показаний к госпитализации сотруднику полиции выдается документ, составленный в произвольной форме и содержащий сведения о том, где, когда и кем осмотрен доставленный гражданин;

- при получении направления на медицинское освидетельствование от сотрудника органов внутренних дел в медицинских учреждениях, имеющих соответствующую лицензию, осуществляется в установленном порядке освидетельствование доставленного гражданина на предмет наличия/отсутствия опьянения с оформлением протокола, который в дальнейшем выдается сотруднику органов внутренних дел.

Кроме этого, определен перечень медицинских организаций, в которые сотрудники полиции могут доставлять лиц, находящихся в состоянии опьянения и нуждающихся в специализированной медицинской помощи. Учитывая то обстоятельство, что необходимость оказания медицинской помощи определяется не степенью опьянения, а наличием травм и обострением соматической патологии, в реестр медицинских учреждений были включены многопрофильные стационары Волгограда и Волгоградской области. Составленный список медицинских учреждений был направлен в Министерство внутренних дел Волгоградской области.

В целях совершенствования системы оказания медицинской помощи лицам, находящимся в состоянии опьянения, проводится мониторинг и анализ данной ситуации в регионе, семинары для сотрудников полиции по оказанию первой помощи лицам, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения.

Таким образом, на территории Волгоградской области оказание помощи лицам, находящимся в тяжелой степени опьянения и утратившим способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, организовано и осуществляется в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Библиографический список

1. Союз Советских Социалистических Республик. Министерство Внутренних Дел. Об утверждении Положения о медицинском вытрезвителе при горрайоргане внутренних дел и Инструкции по оказанию медицинской помощи лицам, доставляемым в медицинские вытрезвители: приказ: от 30 мая 1985 г. № 106 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

2. Российская федерация. Законы. О полиции: федер. закон: от 7 апреля 2011 г.] № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

3. Российская Федерация. Министерство здравоохранения и социального развития. Об утверждении рекомендуемых штатных нормативов медицинского и иного персонала наркологических учреждений и наркологических подразделений в составе других лечебно-профилактических учреждений: приказ: от 27 января 2006 г.] № 45 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

4. Российская Федерация. Министерство здравоохранения и социального развития. Об утверждении Порядка оказания скорой медицинской помощи: приказ: от 1 ноября 2004 г. № 179 // Российская газета. – 2004. – 26 ноября. – Ст. 8 (ред. от 30.01.2012).

5. Российская федерация. Законы. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон: № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724 (ред. от 25.06.2012).

6. Российская Федерация. Министерство Внутренних Дел. Об утверждении инструкции о порядке доставления лиц, находящихся в общественных местах в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения и утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, в медицинские организации: приказ: от 23 декабря 2011 г. № 1298 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

С. А. Зотова

АПЕЛЛЯЦИОННЫЙ ПРИГОВОР КАК ВИД СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ СУДА ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ

Волжский городской суд (г. Волжский, Россия)

Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законода-

тельных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» в УПК РФ была введена гл. 45.1, распространившая порядок апелляционной проверки на все не вступившие в законную силу приговоры и иные решения, постановленные судами первой инстанции [1].

Новый порядок апелляционного производства значительно укрепляет гарантии защиты прав и интересов участвующих в деле лиц и, кроме того, способствует повышению качества правореализационной деятельности судов, выступающих в качестве суда первой инстанции.

Более того, новый апелляционный порядок соответствует требованиям о разумном сроке судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ), поскольку суд апелляционной инстанции полномочен непосредственно исправлять ошибки суда первой инстанции по всем уголовным делам и заново разрешать такие уголовные дела по существу с постановлением нового приговора или иного судебного решения.

Видом апелляционного решения, разрешающим уголовное дело по существу, является апелляционный приговор. Нельзя сказать, что постановление приговора судом апелляционной инстанции – новое положение. Такие приговоры выносились районными (городскими) судами в порядке ст.ст. 368, 369 УПК РФ. Однако законодатель не предпосылал им название «апелляционные». В новом же законе такие приговоры прямо называются как апелляционные, что позволяет сделать вывод о том, что приговоры как акты правосудия различаются по видам в зависимости от того, судом первой или второй инстанции они постановлены (п.53.1 ст. 5, ст. 389.28 УПК РФ). Кроме того, в новом законе содержится более детальная регламентация требований, предъявляемых к содержанию апелляционного приговора.

Так, закон определяет в отдельных статьях содержание описательно – мотивировочной и резолютивной частей оправдательного приговора (ст.ст. 389.29 – 389.30 УПК РФ). Таким же образом закон регламентирует содержание описательно - мотивировочной и резолютивной частей обвинительного приговора (ст.ст. 389.31 – 389.32 УПК РФ).

Остановим внимание на регламентации обвинительного апелляционного приговора. В п. 1 ч. 2 ст. 389.31 УПК РФ указывается, что в описательно-мотивировочной части обвинительного апелляционного приговора суд должен указывать существо предъявленного обвинения или описание преступного деяния, признанного доказанным, которые изложены в приговоре суда первой инстанции, либо обстоятельства, которые явились основанием для суда первой инстанции при постановлении им оправдательного приговора, определения, постановления.

В этом положении обращает внимание обязанность суда апелляционной инстанции при постановлении обвинительного приговора излагать обстоятельства, на которых суд постановил оправдательный приговор или иное судебное решение (определения, постановления) суда первой инстанции). Получается, что суд апелляционной инстанции так должен поступить, если он принимает такие решения: 1) об отмене оправдательного приговора и постановлении обвинительного приговора; 2) об отмене определения, постановления суда первой инстанции и постановлении обвинительного приговора.

Между тем, в силу действия запрета поворота к худшему, отраженного в круге решений и полномочий суда апелляционной инстанции в ст. 389.20 УПК РФ, первый вид решения как реализация права суда отменять оправдательный приговор с одновременным постановлением взамен него обвинительного приговора не предусмотрен. При наличии апелляционных оснований при условии внесения представления прокурора либо жалобы потерпевшего суд апелляционной инстанции вправе отменить оправдательный приговор, но с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство (ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ).

В связи с этим требования п. 1 ч. 2 ст. 389.31 УПК РФ отражать в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора обстоятельства, в соответствии с которыми суд первой инстанции постановил оправдательный приговор, теряют свой смысл.

Но второй вид решения как реализация права суда отменять определения, постановления суда первой инстанции и постановлять обвинительный приговор прямо предусмотрен в п. 6 ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ. Однако и в данном случае должно быть учтено правило о запрете поворота к худшему. Очевидно, что постановление апелляционного обвинительного приговора с отменой постановления (определения) суда первой инстанции – ситуация для лица, в отношении которого такое постановление вынесено, худшая.

Думается, что нуждается в совершенствовании регламентация описательно-мотивировочной части оправдательного приговора (ч. 2 ст. 389.29 УПК РФ) и обвинительного приговора (ч. 2 ст. 389.31 УПК РФ). В указанных статьях содержатся одинаковые требования, во-первых, отражать существо предъявленного обвинения или описание преступного деяния, признанного доказанным; обстоятельства уголовного дела, установленные судом апелляционной инстанции; мотивы, по которым суд апелляционной инстанции отверг доказательства, представленные сторонами, или которые приведены в приговоре суда первой инстанции.

Отражение указанных положений в описательно-мотивировочной части апелляционного приговора позволяет сопоставить выводы суда первой инстанции и выводы суда апелляционной инстанции по вопросам факта.

А это означает, что суд апелляционной инстанции должен констатировать, что имели место такие обстоятельства, которые могут быть определены как одно из оснований для отмены – несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела (ст. 289.16 УПК РФ).

Но положения (ч. 2 ст. 389. 29 и ч. 2 ст. 389. 31 УПК РФ) не требуют от суда апелляционной инстанции указывать конкретные апелляционные основания для отмены приговора суда первой инстанции. Но это важно.

Таким же образом в ст. ст. 389.29, 389.31 УПК РФ не содержится прямого требования отражать в описательно-мотивировочной части апелляционного приговора описание существенных нарушений уголовно-процессуального закона, т.е. судебных ошибок в вопросах права. Думается, что четкое отражение в описательно-мотивировочной части апелляционного приговора содержания такого апелляционного основания для отмены приговора суда первой инстанции как существенное нарушение уголовно-процессуального закона необходимо. Важна не только констатация такого нарушения, но обоснование того, что именно оно повлияло или могло повлиять на исход дела (ст. 389.17 УПК РФ). В этом заключается и реализация требования закона о мотивированности приговора, обеспечения его ясности для сторон и других заинтересованных лиц.

Полное и точное обозначение в решениях вышестоящих судов формулируемых законом оснований отмены или изменения приговора со ссылкой на нормы, предусматривающие эти процессуальные санкции, обеспечивает точный выбор процессуальных способов устранения обнаруженных недостатков и способствует предупреждению подобных нарушений [3, с. 72-73].

Конкретные апелляционные основания – и фактическая, и правовая основа апелляционного решения суда об отмене обжалованного приговора или иного решения. Не случайно законодатель требует от заявителей указывать в жалобе, представлении эти основания, что означает саму постановку перед судом апелляционной инстанции вопроса о наличии таких оснований (п. 4 ч. 1 ст. 389.6 УПК РФ). Соответственно и в содержании любого из видов апелляционного решения (ст. 389.28 УПК РФ), в том числе в описательно-мотивировочной части приговора должен отражаться ответ на данный вопрос.

Библиографический список

1. Российская газета. – 2010. – 31 декабря. №297.
2. *Морщакова, Т. Г.* Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) [Текст] / Т. Г. Морщакова, И. Л. Петрухин. – М., 1987.

В. Н. Косарев, Л. В. Косарева, И. В. Макогон

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

НОУ ВПО «Волжский филиал Международного юридического института»

Министерство иностранных дел России

ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России»

Согласно п.п. 1 и 3 ст. 42 УПК РФ «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен, физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации», и «потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением». В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством возмещение причиненного преступлением вреда может осуществляться в форме гражданского иска, реституции, возложения обязанности загладить причиненный ущерб и взыскания его по инициативе самих судебных органов [3, с. 14-18].

Все отмеченные формы возмещения причиненного преступлением вреда находятся между собой в определенном отношении и взаимной зависимости. Наиболее простым и вместе с тем эффективным способом возмещения имущественного вреда является реституция. Но если, к примеру, похищенную вещь не представляется возможным возвратить ее владельцу, то в свои права, как правило, вступают другие формы возмещения материального ущерба, чаще всего исковое производство. Причем инициатором последнего, наряду с лицом, понесшим вред от преступления, должен выступать и прокурор. Две последние из указанных форм возмещения причиненного преступлением вреда могут иметь место лишь при отсутствии реституции и гражданского иска.

Среди всех названных форм возмещения причиненного преступлением вреда (как имущественного, так и неимущественного) первенство неизменно принадлежит гражданскому иску [2, с. 265-266].

«Иск, – указывает С.В. Супрун, – это проявление деятельности, направленной на возникновение процессуальных отношений и облеченной всегда в процессуальную форму» [7, с. 94-97]. Отсюда, считая исковое производство одной из урегулированных уголовно-процессуальным законом форм деятельности по возмещению причиненного преступлением вреда, правильной представляется трактовка гражданского иска в уголовном процессе как «всей совокупности процессуальных действий, уполномоченных законом субъектов, которые возникают при предъявлении, обеспечении и поддержании имущественных и неимущественных притязаний лица или

органа, понесшего от преступления вред, на его возмещение» [8, с. 57-63]. Выраженные в исковом заявлении притязания (требования) есть движущее начало всей такой деятельности. Вместе с тем оно в известной мере выступает в качестве своеобразного ориентира предстоящей деятельности следственно-прокурорских и судебных органов по возмещению причиненного преступлением вреда, определяет ее цель, объем, характер и способ осуществления [9, с. 133-136].

Термин «реституция» в переводе с латинского означает восстановление, привод в первоначальное, исходное состояние. До настоящего времени рассматриваемая категория продолжает использоваться преимущественно применительно к сферам гражданского и международного права. Между тем она уже давно завоевала свое признание и в области уголовно-процессуальных правоотношений (см. работы: С. Александрова, В. Даева, З. Зинатуллина, А. Мазалова, В. Понарина, Н. Якубовича и др.). В уголовном процессе реституция как раз и означает восстановление существовавшего до совершения преступления материального положения пострадавшего от него лица.

Вопрос о том, что входит в содержание реституции, в процессуальной литературе является дискуссионным. По мнению А. Мазалова, реституция сводится только к возврату вещественных доказательств, среди которых основное место занимают непосредственно похищенные в результате преступления материальные ценности. В. Панарин содержание реституции расширяет, полагая, что она может заключаться не только в возврате потерпевшему похищенного у него имущества, но и в возможности замены такого имущества другим, в стоимостном выражении существенно не отличающимся от похищенного, а также денежной компенсацией. С. Александров определяет реституцию как «натурное восстановление материального состояния, нарушенного преступлением». При этом под «натурным восстановлением» подразумевается возвращение только утраченных в результате преступления материальных ценностей.

При определении реституции следует, на наш взгляд, учитывать преследуемую соответствующей деятельностью по возмещению причиненного преступлением ущерба цель, какой является восстановление в полном объеме имущественных прав потерпевшего от любых преступлений. Преимущества реституции перед другими формами возмещения имущественного вреда как раз и видятся в быстроте восстановления уменьшенных преступлением материальных благ потерпевшего. Быстрое и полное возмещение вреда позволяет использовать предметы по своему назначению и извлекать выгоду, получать определенные доходы, особенно, если материальные ценности являются собственностью юридических лиц, деятельность которых связана с выпуском продукции и другой коммерческой деятельностью [1, с. 9-17].

Учитывая изложенное, полагаем, что под реституцией в уголовном судопроизводстве следует понимать не только возврат непосредственно похищенного имущества, но и все случаи возмещения причиненного преступлением имущественного вреда в его натуральном, естественном выражении. Такое понимание реституции полностью отвечает интересам пострадавших от преступлений лиц. Потерпевший, как нам думается, больше заинтересован в том, чтобы его нарушенное право как можно быстрее было восстановлено, чем ждать, чтобы ему возвращалось именно свое, то, что непосредственно вышло из его правомерного владения. Тем более, что если качество данной вещи, как это бывает часто, уже ухудшилось или обесценилось.

Каждая из существующих форм возмещения причиненного преступлением вреда имеет большое значение для успешного осуществления задач уголовного судопроизводства. Причем выполнение данных задач не ставится в прямую и полную зависимость от волеизъявления лиц, потерпевших от преступления, а проводится в порядке обязанности действующих в уголовном процессе специально уполномоченных лиц и органов. Ее содержание характеризуют мероприятия, которые необходимо выполнить правоохранительным органам по возмещению причиненного преступлением вреда [6, с. 77-83].

Под обеспечением возмещения причиненного преступлением вреда необходимо понимать всю совокупность предпринимаемых действий и возникающих при их производстве отношений, призванных гарантировать выполнение соответствующей задачи уголовного процесса. Такая совокупность включает в себя не только наложение ареста на имущество, но и все иные процессуальные действия по отысканию, изъятию, обеспечению сохранности имущества и материальных ценностей как возможных источников возмещения такого рода ущерба. Их разнообразие в каждом конкретном случае зависит от множества факторов, в том числе и от характера совершенного преступления и его последствий, стадии движения уголовного дела, личных качеств следователя, других должностных лиц и т.д. [9, с. 133-136].

Для того чтобы обнаруженные в ходе предварительного следствия и оперативно-розыскной деятельности ценности могли служить источником возмещения причиненного преступлением имущественного вреда, они должны быть вовлечены в уголовное судопроизводство посредством определенной процессуальной формы (протокол осмотра предмета (имущества), постановление о приобщении предмета (имущества) в качестве вещественного доказательства).

Путем производства, как следственных действий, так и оперативно-розыскных мероприятий могут быть установлены и те ценности, которые могут компенсировать причиненный вред в натуральном или стоимостном

выражении. Поэтому в обеспечении права личности, на возмещение причиненного преступлением вреда основное место принадлежит розыску материальных ценностей.

В зависимости от конкретной ситуации любое следственное действие в принципе может быть направлено на обнаружение похищенного имущества (осмотр, задержание, обыск, выемка, опознание, экспертиза и т.д.). Информацию о месте нахождения предметов, подлежащих обнаружению, следователь может получить и в результате проведения допросов, очной ставки, проверки показаний на месте и т.д.

Среди следственных действий, направленных на обнаружение искомых предметов, особое место по праву занимает обыск. Специфической особенностью обыска как меры обеспечения права личности, на возмещение причиненного преступлением вреда является то, что цель его проведения заключается в обнаружении похищенного имущества. Обыск, безусловно, является важным средством обеспечения реституции и других форм возмещения вреда в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем необходимо помнить, что обыск всегда связан с ограничением прав и свобод граждан, закрепленных и гарантированных Конституцией РФ. В связи с этим большую практическую значимость приобретает вопрос об установлении законных оснований для производства обыска и выемки, направленных на розыск похищенного имущества.

Большое значение для обеспечения права личности, на возмещение причиненного преступлением вреда имеет и такое следственное действие, как выемка. Цель выемки, как меры обеспечения причиненного вреда, заключается в том, чтобы изъять подлежащие возврату предметы или ценности, если точно известно, где и у кого они находятся. В отличие от обыска для производства выемки разрешения судьи не требуется, за исключением выемки почтово-телеграфной корреспонденции и документов, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, а также выемки в жилище. Выемка, по сравнению с другими следственными действиями, в большей степени способствует обеспечению сохранности имущества, подлежащего возвращению, поскольку это имущество при выемке обязательно изымается.

Высокая оперативность и своевременность проведения в сочетании с такими тактическими правилами, как активность, планомерность, объективность и полнота производства, сопровождаемые к тому же использованием научно-технических средств обнаружения и фиксации разыскиваемых объектов, в том числе и похищенного имущества, делает осмотр места происшествия весьма эффективным следственным действием по обнаружению и возмещению имущественного вреда потерпевшему [4, с. 5-7].

В установлении обстоятельств, способствующих возмещению вреда незаменимую роль играют показания потерпевшего. Для того чтобы лицо,

которому преступлением причинен имущественный вред или вред деловой репутации, стало бы потерпевшим, необходимо, чтобы было возбуждено уголовное дело, установлен факт причинения вреда в той или иной форме и вынесено постановление о признании его в качестве такового и осуществлен допрос.

Потерпевший, как никто иной, может дать ценные показания по вопросам, связанным с событием преступления и причиненным при этом вредом. Если учесть, что во многих случаях он является очевидцем преступления, то его показания относительно похищенных вещей, лиц, совершивших преступные действия, и по другим обстоятельствам уголовного дела являются важным средством, обеспечивающим возмещение причиненного преступлением вреда.

Потерпевшему закон отводит роль активного участника уголовного процесса, наделяя его широкими правами, которые, в свою очередь, являются и гарантиями обеспечения его прав и интересов при производстве по уголовному делу [5, с. 34-37].

В практике органов предварительного следствия имеют место случаи, когда отдельные следователи затягивают акт признания лица потерпевшим по делу, хотя условия для признания его таковым возникли уже давно. Такая практика является незаконной, так как существенным образом ограничивает права потерпевшего, в том числе представлять доказательства, давать показания относительно причиненного вреда. Считаем необходимым признавать лицо потерпевшим и допрашивать его сразу же по установлению факта причинения преступлением любого вреда.

В заключении необходимо отметить, что в законе, да и в теории уголовного процесса нет единства мнений на вред, причиненный преступлением [10, с. 11-14; 11, с. 12-16; 12, с. 102-104]. Поэтому, считаем необходимым четко прописать в законе, вред (ущерб) как видовое понятие и конкретный вред: физический, имущественный и моральный. В связи с этим, предлагаем следующее определение вреда: «Вред, причиняемый преступлением, – это нанесение потерпевшему любого совокупного ущерба, выражающего в физическом, материальном (имущественном) и моральном эквиваленте».

Библиографический список

1. *Василевич, Г. А.* Коррупция и проблемы возмещения ущерба [Текст] / Г. А. Василевич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 1.
2. *Васяев, А. А.* Исследование доказательств, устанавливающих искивные требования гражданского истца о возмещении имущественного вреда [Текст] / А. А. Васяев // Проблемы в российском законодательстве. – 2010. – № 4.
3. *Грицай, О. В.* Актуальные проблемы исполнения имущественных взысканий, установленных судебным приговором [Текст] / О. В. Грицай // Исполнительное право. – 2008. – № 1.

4. *Иванов, Д. А.* Возмещение вреда деловой репутации юридическим лицам, потерпевшим от преступлений [Текст] / Д. А. Иванов, Г. Р. Крупенин // Российский следователь. – 2008. – № 24.
5. *Кобец, П. Н.* Зарубежный опыт возмещения вреда потерпевшим в уголовном процессе [Текст] / П. Н. Кобец // Российский следователь. – 2011. – № 7.
6. *Ларичев, В. Д.* Вопросы совершенствования уголовного законодательства о мошенничестве [Текст] / В. Д. Ларичев, И. В. Ильин // Современное право. – 2008. – № 5 (1).
7. *Супрун, С. В.* Возмещение поуголовном делу имущественного вреда в порядке регресса [Текст] / С. В. Супрун // Уголовное право. – 2010. – № 3.
8. *Селедникова, О. Н.* Гражданский иск как форма реализации права граждан на возмещение причиненного преступлением имущественного и морального вреда [Текст] / О. Н. Селедникова // Современное право. – 2008. – № 5 (1).
9. *Шанина, Ю. Н.* Характер и размер вреда, причиненного преступлением, в системе обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [Текст] / Ю. Н. Шанина // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 3.
10. *Федосеева, С. В.* Правовая природа отношений по возмещению вреда, причиненного в сфере уголовного судопроизводства [Текст] / С. В. Федосеева // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 4.
11. *Нагиева, Э. Э.* К вопросу о соотношении терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат» [Текст] / Э. Э. Нагиева // Российский следователь. – 2009. – № 18.
12. *Комиссаров, В. И.* Актуальные вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением [Текст] / В. И. Комиссаров, О. А. Славгородская // Аграрное и земельное право. – 2011. – № 1.

Д. В. Кравченко, Ш. Н. Хазиев

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Международный Союз (Содружества) адвокатов (г. Москва, Россия)

За последнее время в России стартовал целый ряд дискуссий, касающихся проблем судебно-экономической экспертизы. Так, в заключении Экспертно-консультативного совета по конституционному законодательству при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества от 02.04.2012 были отмечены проблемы несформированности методической базы экономических экспертиз, наблюдаемой во многих случаях их научной необоснованности [3, с. 65–68]. Практически одновременно по этому вопросу высказалось адвокатское сообщество, также указав в одном из Обобщений правоприменительной практики на несформированность методической и методологической базы экономических экспертиз [2].

Представляется верной постановка проблем, связанных с экономической экспертизой, именно с конституционно-правовых позиций, позволяющих анализировать эти проблемы не только с «технической» и «организационной» сторон, но и с позиций основных правовых принципов, действующих в Российской Федерации и закрепленных в ее Конституции. Принципы правовой определенности, государственной и судебной защиты прав и свобод личности, презумпция невиновности являются именно теми конституционными основами, которые непосредственно применимы к уголовному процессу, и в том числе к вопросам назначения и производства судебно-экономической экспертизы.

Указанные принципы предусматривают, что человек может быть привлечен к уголовной ответственности только в случае установления судом совершения им преступления, четко закрепленного в норме уголовного закона. При этом доказывание совершения им преступления должно основываться на достоверных и достаточных доказательствах. Применительно к экономической экспертизе это означает необходимость наличия общепринятых утвержденных методик экспертиз, а также требование о компетентности эксперта в области поставленных ему вопросов.

Для изучения проблем судебно-экономической экспертизы Международным Союзом (Содружеством) адвокатов была создана специальная экспертная секция [4]. Среди целей деятельности секции называются такие как содействие обеспечению соблюдения конституционных прав и свобод граждан при назначении, проведении и использовании результатов судебно-экономической экспертизы; содействие формированию полной, достаточной, непротиворечивой нормативной правовой базы, регулирующей правоотношения в области судебно-экономической экспертизы; анализ действующей методической и методологической базы судебных экспертиз экономической направленности, классификации видов судебно-экономических экспертиз.

С самого начала этой работы секция поддерживала идею внесения изменений в действующую нормативную правовую базу в целях упорядочения научно-методической основы судебно-экономических экспертиз. Секцией проанализирован целый ряд уголовных дел, как завершенных, так и тех, расследование по которым продолжается. По результатам этого анализа была выявлена важнейшая проблема экспертиз экономической направленности.

Указанная проблема выражается в том, что при постановке вопросов эксперту-экономисту часть этих вопросов не носила экономического характер, а относилась к вопросам управления и принятия управленческих решений. Эксперты в рамках производства экспертного исследования в области экономики делали выводы о целесообразности, экономической обоснованности принимаемых управленческих решений.

Секцией установлено, что на таких заключениях экспертов базируется значительное количество уголовных дел, прежде всего, связанных с мошенничеством и преднамеренным банкротством. Нередко такие дела связаны с утверждением следствия о нецелесообразности привлечения к работе субподрядчиков. Так, по одному из уголовных дел, расследуемых в настоящее время, следствием было установлено, что обвиняемый (директор завода) совершил хищение, выразившееся в том, что завод, являвшийся подрядчиком, не делал работы сам, а привлек субподрядчика, который выполнил работу за сумму, меньшую чем вознаграждение самого подрядчика. Разница между вознаграждениями подрядчика и субподрядчика, таким образом, считается следствием похищенным у заказчика имуществом. В этом деле следствие поставило под сомнение целесообразность принятого подрядчиком управленческого решения и посчитало это управленческое решение мошенническим.

Ответ на подобные вопросы, в частности о том, являлись ли какие-либо действия руководителя организации целесообразными, обоснованными с точки зрения рыночных условий и т.п., не может являться предметом экономической экспертизы. Предметом, например, финансово-экономической экспертизы, в рамках которой на практике обычно и даются ответы на «управленческие» вопросы, является установление финансового состояния субъекта [1, с. 24]. Установление финансового состояния предполагает анализ финансовых показателей организации и формирование на основе этого анализа выводов о финансовом состоянии и событиях, в результате которых финансовое состояние стало неудовлетворительным.

Однако принятие управленческого решения – о передаче имущества (в том числе о его передаче по той или иной стоимости, стоимости выше или ниже рыночной), о заключении и расторжении договоров и т.д. и т.п. осуществляется не только на основании расчетов финансовых показателей, но и на основании множества других факторов (социально-экономическая обстановка, уровень конкурентности рынка, социальная ответственность бизнеса, технологии и т.п.). Так, принятие решения о продаже товара по заниженной стоимости – нецелесообразное с точки зрения эксперта-экономиста, оперирующего финансовыми показателями – может являться вполне оправданным с точки зрения добросовестного управления бизнесом, поскольку приведет к установлению устойчивых взаимоотношений с контрагентом и т.д.

Важнейшим элементом принятия управленческих решений является социально-экономическая обстановка и технологические особенности производства. Так, резкое сокращение работников градообразующего предприятия – «сиюминутно» выгодное с точки зрения «показателей» – может привести в итоге к забастовкам, воздействию регулирующих органов, то есть с управленческой точки зрения опасно. Известно множество случаев, когда производство в том или ином цехе предприятия поддерживается не

потому, что в данный момент приносит прибыль, а потому, что оно будет приносить прибыль в будущем, а его остановка на время осложнит технологические процессы его возобновления.

С учетом этого необходимо отметить, что оценка правильности, целесообразности и своевременности принятия тех или иных управленческих решений требует наличия значительного спектра специальных знаний в области менеджмента, а также в ряде случаев – и смежных знаний (технологии, социологии и пр.). Постановка таких вопросов исключительно с экономической точки зрения не соответствуют предмету собственно экономического исследования и не может приводить к правильным экспертным выводам. В данном случае речь идет о некомпетентном эксперте, заключение которого не может признаваться доказательством по уголовному делу, поскольку не в состоянии преодолеть презумпцию невиновности в порядке, определенном Конституцией РФ.

Таким образом, необходимо поставить вопрос о выделении комплекса судебных экономико-управленческих экспертиз, предметом которых как раз может быть установление целесообразности, своевременности и правильности принимаемых управленческих решений. В данном случае речь необходимо вести о комплексной экспертизе или о комплексе экспертиз, поскольку, как было указано выше, в зависимости от специфики производства и иных факторов, влияющих на принятие руководителем решения, эксперту могут потребоваться специальные знания в иных областях, и тогда возможно назначение и проведение управленческо-технологического, управленческо-социального и т.п. исследования.

Одновременно необходимо отметить, что такие экспертизы, хотя и могут давать ответы на вопросы, связанные с целесообразностью и правильностью действий руководителя организации, также как и все прочие экспертизы, не могут давать ответа на правовые вопросы. Даже в случае установления экспертом экономически нецелесообразного поведения руководителя такое экспертное заключение не может предрешать виновность лица в совершении того или иного преступления. Установление и доказывание умысла, мотивов, целей и иных элементов состава преступления, как уже неоднократно отмечали исследователи, должно оставаться прерогативой следствия.

Упомянутая секция Международного Союза (Содружества) адвокатов в настоящее время видит одной из важнейших своих задач организацию научной дискуссии по поставленному выше вопросу. По мнению ее членов, наряду с совершенствованием методической основы экономических экспертиз необходимо приступить и к разработке методических документов по судебным экономико-управленческим экспертизам и предпринимать все меры для закрепления соответствующих экспертиз в нормативных документах. Данная работа приведет к укреплению и развитию механизмов защиты конституционных прав личности в уголовном судопроизводстве.

Библиографический список

1. Мусин, Э. Ф. Судебно-экономическая экспертиза в органах внутренних дел Российской Федерации [Текст]: учебное пособие / Э. Ф. Мусин, С. В. Ефимов, В. Г. Савенко. – М. 2009. 217 с.
2. Научное обеспечение доказательств по уголовным делам об экономических преступлениях как гарантия защиты бизнеса в России. Обобщение правоприменительной практики [Текст] // под ред. Ш. Н. Хазиева. – М. 2012. 64 с.
3. Кравченко, Д. В. Научное обеспечение экспертиз по «экономическим» преступлениям и использование в уголовном праве терминологии смежных правовых наук с позиций конституционного права (о заседании Экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества) [Текст] / Д. В. Кравченко // Право и экономика. – 2012. – № 7.
4. Сайт Международного Союза (Содружества) адвокатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mcca.su>.

В. Д. Люблин

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

**Львовский национальный университет ветеринарной медицины
и биотехнологий им. С. З. Гжицкого**

Поставленная проблема. Система государственного управления в Украине за последние годы подвергалась многократным и довольно радикальным преобразованиям, которые привели к ряду последствий, при этом некоторые из этих последствий негативны. Так, на данный момент в структуре государственной службы имеется в основном недостаточно компетентная профессиональная и общественная среда, имеет место понижение качества состава кадров и их потенциала. Все это формирует в мнении общества как негативный имидж государственных служащих в целом и государственной службы в целом, так и корыстную мотивировку поступления на государственную службу.

Приведенные выше негативные черты государственной службы в своей основной массе являются следствием недостаточно доработанной кадровой политики, проводимой и функционирующей в системе государственной службы.

Анализ поставленной проблемы. Закон Украины "Об информации" определяет, что субъектами информационных отношений являются

граждане Украины, юридические лица и государство. Субъектами информационных отношений, согласно этому Закону, могут быть также другие государства, их граждане и юридические лица, международные организации и лица без гражданства. В теории права субъект, или субъектный состав правоотношения, определяется как „совокупность лиц, которые принимают участие в правоотношениях (как минимум – двое, правомочный и обязанный)" [1].

С учетом существующего деления власти в государстве на законодательную, исполнительную и судебную ветви, управление информационной деятельностью построено с учетом прямых и обратных связей. При таких обстоятельствах, основное место в общей системе субъектов административно-правового регулирования информационной среды занимают органы исполнительной власти, которые являются его самым важным элементом.

С целью содействия оптимальному использованию трудовых ресурсов страны для реализации национальных интересов с учетом имеющихся нужд экономики, развития регионов и мировых тенденций для обеспечения конкурентоспособности государства на международной арене, государством принимается ряд мер, которые в общем являют собой содержание кадровой политики.

В современном украинском обществе государственная кадровая политика рассматривается как самое важное средство борьбы за власть. Именно поэтому, в сфере организации информационной деятельности целесообразно рассматривать такие рычаги мотивации работников, как механизмы материального поощрения, перспективы профессионального и карьерного роста, другие стимулы и условия работы. При этом следует учесть, что кадровая политика не является лишь инструментом власти, а деятельностью, детерминированной объективным процессом осложнения работы, общественных процессов развития самого человека.

Состояние исследования. Высокая актуальность проблем кадровой политики и кадрового обеспечения административных органов государства в информационной сфере объясняет большое количество публикаций и научных работ, которые посвящены данной теме. Большое внимание отводится, в первую очередь, состоянию самой государственной службы и качества ее кадрового состава. Этому посвященные работы В. В.Цветкова, Д. М. Лукьянца, Н. Р. Нижник, В. Б. Аверьянова, Р. Б. Колиушка и других. Проблемы кадровой политики актуализируются в статьях, которые публикуются в разных сборниках. Изучение кадровой политики как управленческая деятельность основана на обработке теорий деятельности в психологии (С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев), в социологии и философии (В. Б. Голофаст, Г. С. Батищев, Л. П. Буева, В. П.Иванов и др.). Анализирование задач кадровой политики основано на многофункциональных доктринах Г. Спенсера, Е. Дюркгейма, Т. Парсонса и Р. Мертона.

Изложение основных положений. Обеспечение государственной службы кадрами – это определенная система целенаправленных кадровых процессов (по прогнозированию и планированию подготовки управленческих кадров, по восстановлению и сохранению наследственности государственных служащих, их профессионального развития, по стимулированию качества работы и служебного продвижения и др.). В каждом из этих процессов возникают свои связи и отношения, закономерности и тенденции развития.

Механизм кадрового обеспечения государственной службы - это не просто набор принципов, форм, методов кадровой работы, а и определенный порядок, система кадровой деятельности для достижения поставленных целей. Этот механизм создается и запускается с учетом назначения государственного органа, кадровой ситуации, которая сложилась в этом органе [2, с. 252].

Главным субъектом кадрового обеспечения аппарата конкретного государственного органа является руководитель этого органа. Именно он, на основе единоначальственности, осуществляет свою деятельность, которая обеспечивает проведение государственной кадровой политики в органе власти и управление как социальном институте. Анализ деятельности кадровых служб, которые функционируют в этой системе, показывает, что повышение эффективности их работы возможно только на основе четкого определения места и роли кадровых служб как социальных институтов в системе управления персоналом.

При организации кадрового обеспечения информационной деятельности субъекта информационных отношений надо выходить из задач, который стоят перед ними, и их ресурсного обеспечения в целом, а также возможностей маневрирования производственными ресурсами, включая степень их взаимозаменяемости. На современном этапе информационная деятельность, или информационно-аналитическое управление, становится относительно самостоятельным видом деятельности. Вместе с тем, чтобы быть эффективной, информационная деятельность должна осуществляться согласно общим положениям и механизмам управления. С другой стороны, информационная деятельность, как отдельный вид услуг, имеет свои особенности, без учета которых ею невозможно эффективно управлять. Так, исходя из системного подхода в структуре информационной деятельности, можно выделить процессную подсистему, которая создает информационные продукты/услуги и является объектом управления со стороны субъекта – управленческой подсистемы.

Можно выделить четыре основных уровня информационно-аналитического обеспечения органов власти, которые создают полную информационную картину о положении в управляемой области. Сюда следует отнести уровни обеспечения решения политических, стратегических, так-

тических и оперативных задач, которые являются взаимозависимыми. Учитывая это, все больше органов государственной власти в Украине используют в своей работе информационно-аналитические службы.

Информационная деятельность, как отмечено выше, представляет собой полную или частичную цепочку поиска, сбора, преобразования (обработки), хранения, передачи/тиражирования и использования информации. Каждая из этих стадий требует соответствующего подхода к кадровому обеспечению с точки зрения профессионально-квалификационных характеристик рабочей силы и режима ее использования. Самых квалифицированных работников требуют стадии преобразования (обработки) и использования информации, а также процесс организации информационной деятельности государственной власти в целом. Степень кадрового обеспечения именно этих звеньев выступает основным фактором, который может ограничивать всю информационную деятельность управленческих органов государства, поскольку при выполнении сложных работ специалиста высокой квалификации, как правило, невозможно заменить большим количеством работников низкой квалификации [3, с. 63].

Профессиональная компетентность – одна из самых важных сторон профессиональной культуры специалиста, мера профессионализма государственного служащего. Основания для типологизации модели профессионально компетентного служащего могут быть различные: это и уровень общей и специальной культуры, и стиль мышления (инновационный, активнотворческий, пассивно-исполнительский), и управленческие способности.

Среди разных форм и направлений работы, которая содействует повышению профессиональной компетентности, особое место занимают образовательная деятельность и самообразование. На сегодняшний день в Украине есть ряд учебных заведений и центров, которые осуществляют обучение государственным служащим. Как правило, их общим недостатком является оторванность от практической деятельности органов государственной службы и отсутствие конкуренции.

По нашему мнению, следует разработать концепцию целенаправленной комплексной подготовки и переподготовки государственных служащих, адекватную современной ситуации. Касательно этого положительным шагом является подписание Президентом Украины Указа № 806/2010 от 12.08.2010 "О первоочередных мерах по усовершенствованию формирования и реализации государственной кадровой политики" [4]. При этом, проектом "Стратегия государственной кадровой политики Украины", разработанным в исполнение данного Указа, предусмотрены принятие Закона Украины "О последипломном образовании" для обеспечения переподготовки государственных служащих, организаций их непрерывного обучения.

Выводы. Кадровая политика органов государственной службы – это функционально-дифференцированная, социально-управленческая работа

по формированию кадрового состава органа государственной службы, его действенному применению и профессиональному развитию. Главная функция кадровой политики органа государственной службы – использование и поиск мотивации профессиональной деятельности и подъема уровня профессионализма госслужащих. Для увеличения эффективности деятельности кадрового состава государственной службы необходимо многократное и дифференцированное оценивание государственных гражданских служащих с точки зрения их профессиональной направленности. Характерным признаком производительности кадровой политики считается мотивация кадров к профессиональному росту в масштабах их профессиональной направленности, а также мотивированное стремление к продвижению по службе.

Библиографический список

1. Скакун, О. Ф. Теорія держави і права [Текст]: підручник / О. Ф. Скакун. – Харьков: Консум, 2001. – 656 с.
2. Дюжев, Д. В. Информация как объект правового регулирования в современном мире [Текст] / Д. В. Дюжев // Наука. Релігія. Суспільство. – 2006. – № 4.
3. Костецька, Т. А. Актуальні проблеми державно-правового регулювання інформаційних відносин [Текст] / Т. А. Костецька // Часопис Київського університету права. – 2006. – № 4.
4. Украина. Президент (2010–; В. Ф. Янукович). Про першочергові заходи по вдосконаленню формування та реалізації державної кадрової політики: указ Президента України: [подписан 12 августа 2010 г.] // Офіційний вісник Президента України від 19.08.2010 – 2010 р., № 24, с. 19, ст. 787

В. В. Мальцев

НОРМА О МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России»

Положение о высшей ценности прав и свобод человека и гражданина (ст.2 Конституции России) реализуется в Уголовном кодексе РФ 1996 г. (далее УК) по многим направлениям. Прежде всего, конечно, приоритет отдается охране гуманистических ценностей: нормами раздела УП («Преступления против личности») открывается Особенная часть УК и, следовательно, личность как объект охраны признается важнейшим среди других уголовно-правовых объектов, а преступления против личности наиболее тяжкими из всех известных уголовному законодательству.

Вместе с тем в УК достаточно норм, гарантирующих и лицам, совершившим преступления, назначение справедливого и законного наказания, применение иных мер уголовно-правового характера. Уголовный закон как в целом, так и в частностях: ст. 3-7 (принципы УК), 8 (основания уголовной ответственности), 15 (категории преступлений), 43 (понятие и цели наказания), 60 (общие начала назначения наказания), 73 (условное осуждение), гл. 11 («Освобождение от уголовной ответственности»), гл. 12 («Освобождение от наказания») УК и т. д., создает весьма надежную и широкую основу для осуществления идей справедливости и равенства, гуманизма и законности в уголовном процессе. Несколько в стороне от указанных и предполагаемых норм, обеспечивающих права личности в уголовном судопроизводстве, находится норма о малозначительности деяния: *«Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»* (ч. 2 ст. 14 УК). Хотя на практике она применяется гораздо реже из всех упомянутых норм, значение этой нормы, позволяющей под углом приоритета прав личности разрешать многочисленные юридические коллизии, возникающие в правоприменительной деятельности, только возрастает. Особенно же велика ее роль при отграничении преступного и не преступного поведения и как гаранта соблюдения прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. При этом очень важно, что наличие этой нормы создает **законные основания** для разрешения таких коллизий, отводит от правоприменителей упреки в судебно-следственной декриминализации совершенных в действительности и якобы преступных деяний.

Надо подчеркнуть, что определение малозначительности деяния есть не просто констатация возможности исключения из правил, оно органически дополняет понятие преступления определением деяний, которые, несмотря на их кажущуюся уголовную противоправность, преступлениями не являются. Эта норма закрепляет приоритет социального в преступлении, распространяет свои требования не только на деятельность органов, применяющих нормы уголовного закона, но и, что представляется весьма важным, на творчество законодателя в области конструирования составов преступлений. Конечно, хотелось бы, чтобы наличие состава преступления в признаках совершенного деяния всегда предопределяло и наличие адекватной уголовному праву степени его общественной опасности. Однако наше уголовное законодательство далеко от идеала. Необходим длительный период совершенствования законов применительно к изменяющимся социальным условиям, нужна стабилизация российского общества. К тому же, даже совершенное законодательство, адекватно отражающее социальные условия самого преуспевающего общества, вряд ли способно в жестких рамках норм Особенной части УК передать все многообразие общественно

опасных проявлений, наметить абсолютно точную грань между всеми совершаемыми преступлениями и всеми деяниями, являющимися таковыми лишь по форме.

К примеру, по-видимому, на правоприменительном уровне всегда будет существовать проблема признания деяния достаточно опасным и, отсюда, преступным при неоконченной преступной деятельности субъекта и незначительной выраженности объективной стороны в его деянии или при завладении чужим имуществом на малую сумму и т. д. Поэтому норма о малозначительности деяния необходима и для законодателя, фактом ее принятия обязавшегося следовать изложенным в ней требованиям при создании конкретных составов преступлений, и для органов судебной юстиции, которым ею запрещается даже и в редких ситуациях признавать преступными малозначительные деяния.

Первоначальная редакция ч. 2 ст. 14 УК помимо действующего и приведенного выше определения включала в себя и выражение: «*то есть не причинившее вреда и не создавшее угрозы причинения вреда личности, обществу или государству*»². Однако уже Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ эта фраза отсюда была исключена³. Тем самым попытка нормативного определения содержания малозначительности деяния посредством указания на не причинение вреда или на не создание угрозы его причинения объектам охраны была признана законодателем неудовлетворительной. И этому есть весомые основания. Дело в том, что малозначительность деяния может быть двух видов. *Первый вид*, когда деяние, формально содержащее признаки преступления, не представляет общественной опасности. Это случаи, когда похищается, например, коробок спичек, карандаш и т. п. В таких деяниях нет общественной опасности, они по существу не причиняют вреда чужой собственности, охраняемой нормами уголовного права, и не нарушают отношений, урегулированных другими отраслями права. Этот вид малозначительности деяний на практике встречается редко и в силу очевидности затруднений обычно не вызывает. *Второй вид* прямо не предусмотрен уголовным законом, но логически из него вытекает. Это те случаи, когда деяние обладает общественной опасностью, но она невелика и не превышает гражданско-правового, административного или дисциплинарного проступка, в силу чего деяние не может считаться преступным. Этот вид малозначительности сравнительно распространен и довольно труден для понимания. Затруднение состоит в том, как отличить проступок от преступления и какими при этом пользоваться критериями.

Вместе с тем как общественная опасность преступления отличается от общественной опасности проступка, так и вред, значимый в качестве

² Рос.газета. – 1996. – 18, 19 июня.

³ См.: Рос. Газета. – 1998. – 27 июля.

основания для признания деяния преступным, существенно отличается от вреда, причиняемого проступком. Иными словами, деяние может причинять вред, вполне соответствующий по тяжести проступку, но при этом не достигающий вреда, подразумеваемого в ч. 2 ст. 14 УК для преступления.

Надо полагать, что именно с таким затруднением и столкнулись правоприменительные органы при обращении к первой редакции ч. 2 ст. 14 УК. Ведь деяний, вообще не причиняющих вреда объектам охраны и даже не создающих угрозы его причинения в жизни практически не встречается. Поэтому и законодатель был вынужден исключить из нормы о малозначительности упомянутую фразу, которая фактически превращала предусмотренную ч. 2 ст. 14 УК норму в «мертворожденную».

Тем не менее, содержательное определение малозначительности деяния нужно, ибо отсутствие такового ничем не лучше его наличия, пусть и в не совсем точном выражении. И то, и другое максимально ограничивает сферу использования ч. 2 ст. 14 УК – нормы, выступающей, образно говоря, последним барьером на пути несправедливого, хотя и внешне законного, привлечения лица к уголовной ответственности. В этом определении должен быть отражен основной критерий, разграничивающий общественную опасность преступления от общественной опасности проступка, который заключается в значимости именно для состава конкретного преступления вреда, наносимого личности, обществу или государству, в отличие от незначимого в этом аспекте вреда, причиняемого проступками разных отраслей права. Тем более, что выяснение в пограничных ситуациях соответствия вреда признакам совершенного преступления, станет дополнительной и весьма эффективной гарантией от нарушения прав и свобод человека и гражданина в уголовном праве.

Итак, ч. 2 ст. 14 УК следует дополнить выражением следующего содержания: *то есть не причинившее значимого для состава такого деяния вреда и не создавшее угрозы его причинения личности, обществу или государству.*

Точное установление содержания, социального значения и тяжести причиняемого или угрожаемого объекту охраны вреда, таким образом, предопределяет и обоснованность применения нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 14 УК. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ с учетом положений ч. 2 ст. 14 УК отменила приговор Ноябрьского городского суда, по которому Е. был признан виновным в незаконном приобретении и хранении охотничьего ружья и патронов к нему и осужден по ч. 1 ст. 222 УК. При этом при прекращении уголовного дела ею было указано, что действия Е. в силу малозначительности не представляли общественной опасности, поскольку, как установлено по делу, Е. не имел цели приобретения ружья и патронов для себя, а пытался предотвратить самоубийство В., который получил тяжелую травму позвоночника

и высказывал мысли о самоубийстве. В связи с чем жена В. попросила Е. временно хранить ружье у него. Действия Е. не представляли опасности для общества и не создавали угрозы причинения вреда личности, обществу или государству⁴.

Уже само по себе использование нормы, предусмотренной ч. 2 ст. 14 УК, есть проявление принципа законности в сложной насыщенной многими коллизиями сфере уголовно-правового применения. Ее применение соединено и с реализацией содержательных принципов уголовного права. Прежде всего, в этом плане следует указать на принцип равенства перед законом и судом, ибо именно он предполагает определение *единого, равного, адекватного* социальным реалиям *масштаба* криминализации и пенализации в уголовном законодательстве и при применении его норм. В законе не очерчен круг преступлений, которые могут быть в определенных условиях малозначительными. В принципе действие ч. 2 ст. 14 УК распространяется на все категории преступлений. Однако для признания деяния, допустим, формально подпадающего под признаки тяжкого преступления (ч. 4 ст. 15 УК), малозначительным, помимо не причинения вреда объекту посягательства требуется наличие дополнительных обстоятельств, например незначительности развития объективной стороны (обычно это лишь приготовительные действия), степени вины или участия в преступлении и т.д. Конечно, чаще проблемы разграничения общественно опасных и не представляющих общественной опасности деяний возникают при применении норм об ответственности за совершение преступлений небольшой тяжести. Поскольку законодательная оценка общественной опасности покушения на преступление заметно ниже, чем оконченного преступления (*срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за оконченное преступление*, – ч. 3 ст. 66 УК), наиболее вероятно применение ч. 2 ст. 14 УК при покушениях на совершение преступлений небольшой тяжести, допустим, при нарушении неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 139 УК), подкупе участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ч. 1 ст. 184 УК) и т.п. К тому же в санкциях большинства этих норм вообще отсутствует лишение свободы и самым строгим видом наказания является арест сроком до трех месяцев. При всех различиях ареста как вида уголовного наказания (ст. 54 УК) и ареста как вида административного наказания (ст. 3.9.КоАП) их расположение в качестве мер воздействия на виновных в санкциях норм разных отраслей права свидетельствуют об очень близком по общественной опасности значении соответствующих деяний (преступлений и проступков).

⁴См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 9. С. 15.

Нередко не представляющими общественной опасности признаются и оконченные преступления. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ удовлетворила протест заместителя Генерального прокурора РФ по делу Демина (осужденного по ч. 2 ст. 218 УК РСФСР 1960 г. за незаконное ношение холодного оружия – охотничьего ножа – при следующих обстоятельствах. Демин и его отец А. Демин были охотниками. Сумку с курткой, патронами и ножом Демин вез отцу, чтобы вернуть: возвратившись с охоты, отец часть вещей, в том числе и нож, оставил в его доме, так как их тяжело было везти) и уголовное дело в отношении его прекратила, указав при этом, что хотя в содеянном формально и усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 218 УК РСФСР, однако в силу малозначительности они не представляют общественной опасности⁵. Военная коллегия Верховного Суда РФ по тем же основаниям прекратила уголовное дело в отношении Потапова, осужденного по п. «а» ст. 246 УК РСФСР за самовольное оставление части продолжительностью свыше трех суток. Как было установлено, Потапов самовольно оставил часть с целью навестить больного отца-инвалида, находившегося в то время на стационарном лечении. Учтено также было, что перед этим Потапов неоднократно обращался к командованию с просьбами о предоставлении ему краткосрочного отпуска, но ему было в этом отказано: самовольно он находился вне части непродолжительное время и самостоятельно возвратился к месту службы, в содеянном чистосердечно раскаялся, за время службы характеризовался положительно⁶.

Наконец, по протесту Генерального прокурора СССР был отменен обвинительный приговор в отношении супругов С.: С. должен был ехать на охоту, но опоздал к автобусу и с заряженным ружьем возвращался домой через заказник «Пригородный»; был задержан егерем К., который составил акт о незаконном нахождении С. на территории заказника и отобрал ружье. Чтобы избежать ответственности за формальное нарушение правил охоты и сообщения об этом на работу, С. просил егеря не предавать огласке этот факт. С этой же целью жена С. оставила по месту жительства К. бутылку коньяка, бутылку водки и банку консервированных помидоров. В протесте указывалось, что действия супругов С. формально содержат признаки покушения на дачу взятки, но с учетом совокупности обстоятельств дела их нельзя признать преступными. Все содеянное явилось результатом случайного стечения обстоятельств, растерянности перед случившимся. Стоимость переданного К. имущества незначительная. Никаких вредных последствий не наступило⁷.

⁵ Законность. 1995. № 9. С. 59-60.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1993. № 4. С. 12-13. Кстати, УК 1996 г. предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности, *«если самовольное оставление части явилось следствием стечения тяжелых обстоятельств»* (прим. к ст. 337).

⁷ Социалистическая законность. 1987. № 12. С. 66.

Таким образом, незначительная выраженность объективных и субъективных признаков (низкая степень вины Демина, Потапова и супругов С.) и отчасти данные о личности осужденных (Демин, как и супруги С., характеризовался положительно, в связи с чем отмечалось, что «его личность социально опасной не является») выступили критериями признания деяний (к слову, по п. «а» ст. 246 УК РСФСР предусматривалось наказание от одного года до пяти лет лишения свободы, то есть тогда это деяние относилось к преступлениям средней тяжести; по ч. 2 ст. 15 (покушение на преступление) и ч. 1 ст. 174 (дача взятки) УК РСФСР - от трех до восьми лет, то есть это деяние относилось к категории тяжких - ч. 2 ст. 7' УК РСФСР) малозначительными, что в свою очередь послужило достаточным основанием для обоснованного, справедливого и законного обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве.

П. А. Мелихов

ИДЕАЛЬНЫЙ УПК: МИФ ИЛИ ПАНАЦЕЯ?

ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный аграрный университет»

Проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве традиционно являются объектом пристального внимания не только ученых-юристов или практических работников, но и политических руководителей, общественных организаций, да и всего общества в целом. Особенную актуальность данная проблема обрела именно в последние годы на фоне «резонансных» случаев грубейшего нарушения прав и свобод личности работниками правоохранительных органов. В этой связи совершенствование механизма защиты прав человека, проблема соблюдения прав, свобод и достоинства личности в уголовном судопроизводстве приобретает особую значимость.

В попытках сформировать научную базу и разработать практические рекомендации правоприменителю, большинство исследователей сходится к мысли о необходимости глубокого реформирования действующего уголовно-процессуального законодательства. Созданию некоего «идеального» УПК, способного стать совершенным, выверенным и безошибочным набором инструментов для обеспечения законности в деятельности всех субъектов уголовного судопроизводства: следователей, адвокатов, судей, подследственных и подсудимых. По мнению практических работников, только такой, «совершенный» закон может (и должен) стать главной гарантией соблюдения прав личности. Своеобразной «манной», или, выражаясь иначе, «панацеей» от всевозможных бед, несоответствий и нарушений за-

конности в сфере уголовного преследования, расследования преступлений, судопроизводства и применения уголовного наказания.

Зададимся, однако, вопросом: а возможно ли в принципе создание такого закона? И даже если его удастся создать, станет ли это гарантией того, что правоприменители перестанут допускать нарушения и этого совершенного закона? Ответ на этот вопрос очевиден: никакие законы, сколь совершенны бы они ни были, не в состоянии гарантировать отсутствие нарушений, могущих повлиять на всесторонность и полноту исследования обстоятельств уголовного дела, правильность уголовно-правовой оценки содеянного, на обеспечение прав всех участников уголовного судопроизводства.

На наш взгляд любой, даже самый безупречный правовой акт (коим действующий УПК, безусловно, не является) не в состоянии учесть «человеческий фактор» в полной мере. Но он может и должен свести этот фактор к минимуму. Представляется, что именно точные, недвусмысленные формулировки, выверенность и логичная последовательность построения УПК, системность уголовно-процессуальных норм позволят избежать проблем субъективного характера [1].

К числу наиболее значимых положений УПК, гарантирующих права и свободы личности в уголовном процессе, в первую очередь относится статья 11 «Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве», согласно которой «Суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления этих прав...».

При всей однозначности и недвусмысленности положений данной статьи уголовно-процессуального закона, непосредственное применение их вызывает ряд вопросов.

Во-первых. Каким образом, и на какой стадии производства по делу должно производиться разъяснение? Действующий УПК не дает однозначного ответа на этот вопрос. Ясно, что лицо должно узнать о своих правах, обязанностях и ответственности сразу после ознакомления с решением о признании за ним соответствующего процессуального статуса. С другой стороны, должны ли разъясняться участнику процесса его права при проведении конкретного следственного и иного процессуального действия с его участием? Напомним, что особенной частью УПК предусматривается такое разъяснение при проведении целого ряда следственных и процессуальных действий. Однако в некоторых случаях УПК не содержит упоминания о необходимости разъяснения лицам их прав и обязанностей. В частности, в УПК прямо не предусмотрена обязанность следователя разъяснять потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их

представителям их права и обязанности при вынесении решения о признании за ними соответствующего процессуального статуса, а также при окончании предварительного расследования. Каким образом следует понимать данное разноточение? С одной стороны ст. 11 предписывает необходимость разъяснения, а с другой – целым рядом статей особенной части (например, ст.ст. 215-218) такое разъяснение не предусматривается.

Представляется, что права участникам уголовного судопроизводства должны разъясняться и в тех случаях, когда за ними еще формально не признан какой-либо процессуальный статус. Обоснованность данного вывода нашла свое подтверждение и в документах высших судебных органов. Так, например, Конституционный Суд в Постановлении от 27.06.2000 № 11-П указывает на то обстоятельство, что разъяснение прав является обязательным как в случае формального признания за участником процесса соответствующего процессуального статуса, так и в других случаях, предусмотренных Конституцией РФ. В частности, как указывается в Постановлении, право «задержанного», «подследственного» и т.п. на помощь адвоката (защитника) является конституционным и не может ограничиваться какими либо иными федеральными законами.

Во-вторых. Как стоит оценивать невыполнение лицом, ведущим процесс, своей обязанности по разъяснению участникам процесса их прав, обязанностей и ответственности? По мнению ряда ученых «...неразъяснение судом, прокурором, следователем, дознавателем прав участникам процесса – физическим лицам, выступающим как на стороне обвинения, так и стороне защиты, которые могут и не знать эти права сами, должно рассматриваться как посягательство на принцип равенства сторон...». Следовательно, полученные с такими нарушениями доказательства должны быть признаны недопустимыми, а все последствия такого неразъяснения – юридически ничтожными. К такому выводу, например, приходят А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский [2].

Пользуясь юридической метафорой Верховного суда США такие доказательства являются «fruit of the poisonous tree» своеобразными «плодами ядовитого дерева». Следует признать, что европейская судебная практика неоднозначно относится к американской доктрине «fruit of the poisonous tree» и допускает возможность использования в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных с нарушением уголовно-процессуальных норм. Так, например ст. 6.1 Европейской конвенции о защите прав человека не содержит указанной доктрины, а требует лишь «...чтобы при любых обстоятельствах дела, включая обстоятельства при которых были получены доказательства, процесс в целом был справедливым» [3].

Еще одним немаловажным фактором, влияющим на гарантирование прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве, является юридическая терминология. Что понимается под термином «разъяснить», «обеспе-

чить» и т.п.? Обобщая смысл этих понятий, можно утверждать применительно к рассматриваемому вопросу, что суд, следователь, прокурор или дознаватель обязаны объяснить участникам уголовного судопроизводства права и обязанности, предусмотренные процессуальными и иными законами, сделать их ясными и понятными. Кроме того, эти должностные лица и суд обязаны создать условия, когда применение прав и выполнение обязанностей участниками досудебного и судебного производства будут вполне возможными, реально выполнимыми, действенными. То есть должностное лицо (к примеру, судья) обязано в понятной и достаточно полной форме устно изложить для участника судебного процесса содержание прав и обязанностей. Затем необходимо выяснить, понял ли гражданин это разъяснение, при необходимости в еще более доступной форме повторить, отобрать подпись по результатам разъяснения прав и обязанностей [4].

Другим фундаментальным принципом, обеспечивающим защиту прав и свобод участников уголовного процесса, являются установления ст. 16 УПК «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту». Законодателем специально выделяется обязанность суда, прокурора, руководителя следственного комитета, следователя и дознавателя обеспечить им возможность защищаться всеми не запрещенными законодательством способами и средствами. Выделение таких прав в отдельную норму закона для данной категории граждан из прав других участников уголовного судопроизводства обусловлено тем обстоятельством, что именно в отношении этих лиц применяются различные процессуальные меры, которые можно рассматривать как существенные ограничения в правах и свободах: заключение под стражу, домашний арест и иное. Именно они привлекаются к уголовной ответственности, и в случае вынесения обвинительного приговора суда, что происходит, как правило, неотвратимо последует назначение наказания.

В этой связи учеными и практиками уже на протяжении нескольких лет высказывается вполне здравая мысль о необходимости разработки соответствующей процедуры разъяснения прав участникам уголовного процесса. Частично эта проблема решается путем вручения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и признании потерпевшим. Однако этого явно недостаточно. Не каждый гражданин, тем более не имеющий юридического образования, способен удерживать в своей памяти достаточно специфичные тексты, содержащие информацию о правах. Трудно рассчитывать, что после беглого прочтения (при ознакомлении с соответствующим протоколом) перечня своих прав и обязанностей человек сможет полноценно их вспомнить, проанализировать, сделать вывод о необходимости применения этих прав в какой-то ситуации. Необходимо также учитывать, что и для лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и для

потерпевших сама по себе ситуация, вызванная происшествием, возбуждением уголовного дела, расследованием – это стрессовая ситуация и рассчитывать на адекватное восприятие гражданином достаточно сложных юридических текстов вряд ли возможно. По мнению В. В. Сероштан в уголовно-процессуальный закон требуется внести ряд существенных поправок, касающихся разъяснения прав. В частности, предлагается «...не только разъяснить подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, не только обеспечивать возможность осуществления этих прав, но и вручать каждому из них перед началом любого процессуального события документ, содержащий полное перечисление прав и обязанностей, указанных не только в УПК РФ, но и в других нормативных актах и законах» [1].

Нужно заметить, что такого рода формы процессуальных документов существуют во многих развитых системах уголовно-процессуального права. Например, в США лицам, привлекаемым для дачи объяснений либо показаний, их права не только зачитываются, но и вручается бланк-памятка с перечнем этих прав.

Представляется, что заимствование этого опыта из американского уголовного судопроизводства было бы вполне оправданным. Причем, для каждого отдельного участника уголовного процесса, в зависимости от процессуального положения, следовало бы разработать такую декларацию (памятку) прав и обязанностей, которая бы соответствовала именно данному конкретному процессуальному статусу.

Итак, уголовное судопроизводство требует совершенствования. Этот факт является, на наш взгляд, неоспоримым и вряд ли нуждается в каких-то дополнительных доводах. Другой вопрос, сможет ли решить эту проблему некий «идеальный» уголовно-процессуальный закон? Сможет ли он стать панацеей от всех негативных проявлений в уголовном судопроизводстве, с которым столкнулось российское общество в последние годы?

К сожалению, ответы на эти вопросы по большей части остаются открытыми. Да и рамки данного исследования не позволяют прийти к столь глобальным выводам. Не вызывает сомнения только один факт: для того, чтобы эффективно бороться с проявлением беззакония и нарушением прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве недостаточно одного только совершенства закона. Необходимо совершенствовать всю систему в целом, в том числе и кадровый состав государственных правоприменительных органов. Нужно разрабатывать эффективные механизмы реализации прав и свобод личности в ходе дознания, следствия, судопроизводства и применения уголовного наказания, повышать правовую культуру в обществе и т.п.

Библиографический список

1. *Сероштан, В. В.* Декларация прав участника уголовного судопроизводства [Текст] / В. В. Сероштан // Российская юстиция. – 2008. – № 1.
2. *Смирнов, А. В.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Смирнов, К. Б. Калининский. – Подготовлен для системы «Консультант Плюс», 2012.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.). ETS N 005.
4. *Нарбикова, Н. Г.* Проблемы обеспечения прав обвиняемого (подозреваемого) при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу [Текст] / Н. Г. Нарбикова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2010. – № 2.

С. Б. Неменова

ПРАВО НА РАЗУМНЫЙ СРОК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ЭЛЕМЕНТ СПРАВЕДЛИВОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» (г. Элиста)

Понятие «разумный срок» инкорпорировано в российское законодательство из общепризнанных международных актов. Данное понятие отражено в двух статьях Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В статье рассматривается разумный срок уголовного судопроизводства как один из процессуальных элементов фундаментального положения о праве на справедливое судебное разбирательство.

Право частных лиц – участников уголовного процесса на разумный срок уголовного судопроизводства получило закрепление в ст. 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1].

Само понятие «разумный срок» инкорпорировано в российское законодательство из общепризнанных международных актов, в том числе из Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [2].

Так, ч. 3 ст. 5 Конвенции гласит: «Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд». А в ч. 1 ст. 6 Конвенции указывается, что каждый в случае

спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.

Как видим положения Европейской Конвенции количественную (темпоральную) характеристику процедуры производства по уголовному делу тесно увязывают с требованиями, определяющими, в конечном счете, качественную характеристику содержания такового производства.

В таком контексте право на разумный срок обосновано рассматривать как элемент фундаментального положения о праве каждого на справедливое разбирательство.

Право на справедливое судебное разбирательство – это естественное и неотъемлемое право [3, с. 13], провозглашенное в общепризнанных нормах международных актов, реализация которого зависит от действий должностных лиц и компетентных органов, осуществляющих производство по делу, и «применяемых процедурных правил» [4, с. 6].

Между тем, среди ученых нет единства в вопросе о содержании права на справедливое судебное разбирательство.

Одни авторы придерживаются мнения о том, что право на справедливое судебное разбирательство содержит два компонента: институциональный (независимость, беспристрастность, компетентность суда, срок его полномочий) и процессуальный (справедливость и публичность слушания, равенство участников спора, разумное время рассмотрения дела, доступ к эффективным средствам защиты) [5, с. 93-122; 6, с. 27].

Другие считают, что элементы, из которых складывается право на справедливое судебное разбирательство можно подразделить на четыре группы: органические, институциональные, процессуальные и специальные [7, с. 86; 8, с. 23]. При этом в группу процессуальных элементов включают положения об обеспечении участие лица или же его представителя на всех стадиях судопроизводства, материализацию принципов состязательности и равенства сторон, соблюдение разумных сроков разрешения спора [7, с. 86-87].

Но единство во взглядах ученых видится в понимании соблюдения разумных сроков как элемента процессуального характера в содержании права на справедливое судебное разбирательство.

Это означает признание разумного срока столь же существенным, как и остальные составные элементы права на справедливое судебное разбирательство, вытекающие из смысла содержания ст. 6 Конвенции. Следовательно, обеспечение реализации данного права – одно из обязательных условий обеспечения права на справедливое судебное разбирательство. Однако, данное утверждение нуждается в осмыслении.

Нарушение права на публичное разбирательство или требований презумпции невиновности могут влиять на исход дела, что и позволяет все производство, сопряженное с такими нарушениями определить как несправедливое по своему содержанию. Но влияет ли на справедливое судебное разбирательство нарушение права на разумный срок? Ведь такое нарушение, конечно, станет основанием ответственности субъектов, ведущих уголовный процесс и в целом государства, однако не повлечет отмену процессуальных решений по делу или признание тех или иных доказательств недопустимыми.

Думается, что рассмотрение права на разумный срок как элемента справедливого уголовного судопроизводства вполне имеет основания. Затягивание расследования преступления ведет к утрате доказательств, демонстрирует неактивность субъектов, ведущих процесс, в исследовании обстоятельств дела, что в конечном итоге ведет к неэффективному уголовному судопроизводству.

Характерен следующий пример из практики Европейского суда по правам человека.

Так, в постановлении по делу «Шишкин против России» от 7 июля 2011 г. Европейский Суд отметил, что «в своем ходатайстве о возбуждении уголовного дела, поданном 14 марта 2001 г. в прокуратуру, заявитель жаловался на факт жестокого обращения с ним. На момент рассматриваемых событий результаты его медицинского освидетельствования были уже известны и поэтому его утверждения следовало считать «обоснованной жалобой», которая обязывала национальные власти провести «тщательное и эффективное расследование, которое позволило бы привести к установлению и наказанию виновных лиц».

Между тем «предварительная проверка обстоятельств дела была начата прокуратурой несколькими месяцами позднее и ограничилась допросом некоторых сотрудников милиции, опознанных заявителем. Уголовное дело в конечном итоге было возбуждено в октябре 2001 г., спустя восемь месяцев после подачи заявителем первой жалобы по факту жестокого обращения. По мнению Суда, несвоевременное возбуждение уголовного дела привело в результате к потере ценного времени, что оказало отрицательное воздействие на успех расследования».

Европейский Суд также отметил, что «расследование продвигалось медленно и продолжалось три года... следственные действия были проведены несвоеременно и бессистемно... Дальнейшие задержки продолжались на стадии судебного разбирательства, которое началось в марте 2005 г. и продолжалось более двух лет. В результате таких задержек сотрудники милиции не были осуждены и приговорены вплоть до июня 2008 г., т.е. спустя более чем семь лет после их противоправных действий. Этот подход,

но мнению Суда, является неприемлемым, учитывая серьезность преступления, совершенного сотрудниками милиции и, таким образом, требующего незамедлительной реакции со стороны властей» [9, с. 36].

Итак, Европейский Суд по правам человека определенно интерпретирует содержание права на справедливое судебное разбирательство и в плане максимально возможного сокращения сроков производства по делу, исключая не только состояния «правовой неопределенности» участника процесса, но и возможные потери в результатах доказывания.

Таким образом, по смыслу норм Конвенции положение о разумном сроке судебного разбирательства можно рассматривать и как субъективное право участников процесса, и как элемент процессуального режима, по сути, качества организации процессуальной деятельности субъектов, ведущих производство по уголовному делу.

Игнорирование разумных сроков судопроизводства, которое выражается в волоките при проверке заявлений и сообщений о преступлениях, в необоснованных приостановлениях производства по уголовному делу, отложении судебных разбирательств без достаточных к тому оснований, безусловно, затрудняет доступ граждан к правосудию. Соответственно разрешение уголовно-правового спора отодвигается на долгие годы и, следовательно, восстановление нарушенных прав и законных интересов. В итоге, нарушается и право на справедливое судебное разбирательство, поскольку доступ к правосудию является одним из его компонентов.

Чрезмерно медлительное производство по делу заставляет лиц, к которым применены меры пресечения (например, заключение под стражу), претерпевать долгосрочные лишения, дожидаясь разрешения уголовного дела. Так, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 июня 2012 г. № 83-012-12 было указано следующее.

По приговору Брянского областного суда от 28 марта 2012 г. Д. осужден по п. «е» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111 и ч. 1 ст. 222 УК РФ.

Одновременно по настоящему делу суд вынес частное постановление, которым обратил внимание Генерального прокурора РФ и начальника Следственного управления Следственного комитета РФ по Брянской области на нарушения, допущенные органами предварительного следствия по уголовному делу.

Судом установлено, что в ходе расследования дела было допущено неоправданное затягивание сроков расследования уголовного дела после его возвращения прокурору для устранения препятствий рассмотрения данного дела судом. Этот срок составил 8 месяцев с момента первоначального возвращения уголовного дела прокурору до поступления уголовного дела в суд с обвинительным заключением.

Суд в частном постановлении правильно указал на то, что в течение месяца уголовное дело находилось без движения, в то время как обвиняемый продолжал содержаться под стражей. Следователь Б., приняв 26 сентября 2011 г. уголовное дело к своему производству, не произвел по нему ни одного следственного и процессуального действия, а 7 октября 2011 г. уголовное дело было изъято у него и передано другому следователю, который также не выполнил ни одного следственного действия.

Неоправданным, как указал суд в частном постановлении, является и срок, в течение которого уголовное дело после первоначального возвращения прокурору поступило в орган расследования.

При таких обстоятельствах суд обоснованно констатировал нарушение органами предварительного следствия разумных сроков расследования [10, с. 11].

Беспричинное затягивание производства по уголовному влечет негативные последствия не только для потерпевшего, но и подозреваемого, обвиняемого и других участников процесса.

Включение понятия разумного срока уголовного судопроизводства в национальное законодательство – это бесспорно важный шаг способствующий обеспечению быстрого и качественного правосудия. Процессуальные сроки, закрепленные в уголовно-процессуальном законе, не всегда могут обеспечить разумную продолжительность производства по делу в силу причин объективного и субъективного характера. Несмотря на то, что они достаточно четко определены в законе, на практике огромное количество дел разрешается с нарушением указанных сроков.

Так, в 2012 г. следственными органами Республики Калмыкия было окончено производством 961 уголовных дел. Из них свыше установленного срока расследования – 461, что составило 36% из числа окончанных уголовных дел [11].

Разумный срок предстает как особый вид срока в рамках уже определенных законом временных периодов, в целом предпосланных для производства по уголовному делу во всех стадиях, включая время совершения процессуальных действий, для принятия процессуальных решений. Особенность данного вида процессуального срока заключается в том, что он, отражая количественно продолжительность производства по уголовному делу, стимулирует субъектов, ведущих уголовный процесс, к качественной деятельности, то есть к своевременности, достаточности и эффективности процессуальных действий [12, с. 21-22].

Кроме того, требование об обеспечении разумного срока будет наилучшим образом способствовать достижению справедливого судопроизводства в такой срок и с затратой таких сил и ресурсов, которые соразмерны и адекватны сложности и значению рассматриваемого дела.

Таким образом, вполне оправдано рассматривать разумный срок уголовного судопроизводства как один из элементов права на справедливое судебное разбирательство, а обеспечение реализации права участников, заинтересованных в исходе дела, на разумный срок – одно из обязательных условий обеспечения права на справедливое судебное разбирательство.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на разумный срок судопроизводства или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: федер. закон: от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // Российская газета. – 2010. – 4 мая.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Протоколы к ней [Текст]. Официальный перевод на русский язык в редакции 2001 г. / Сост. Г. В. Игнатенко, Л.А. Лазутин. – Екатеринбург: Информационный центр Совета Европы в Уральском регионе при Уральской государственной юридической академии, 2001. Вступила в силу для России 5 мая 1998 г.
3. *Тиунов, О. И.* Конституционный Суд и международно-правовые акты об обеспечении прав человека [Текст] / О. И. Тиунов // Журнал российского права. – 1997. – № 7. – С. 11-15.
4. *Рабцевич, О. И.* Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. И. Рабцевич. – Казань, 2003. 26 с.
5. *Гротрайан, Э.* Право на справедливое судебное разбирательство [Текст] / Э. Гротрайан // Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Комментарий к статьям 5 и 6. – М., 1997.
6. *Баранов, И. В.* Доступ к правосудию в гражданском судопроизводстве на основе прецедентов Европейского Суда по правам человека [Текст] / И. В. Баранов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2004. – № 3.
7. *Энтин, М.* Справедливое судебное разбирательство по праву Совета Европы и Европейского Союза [Текст] / М. Энтин // Конституционное Право: Восточноевропейское Обозрение. – 2003. – № 3. – С. 85-97.
8. *Афанасьев, С. Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. Ф. Афанасьев. – Саратов, 2010.
9. Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 10. – 2012.
10. Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 1. – 2013.
11. Анализ результатов прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия в Республики Калмыкия.
12. *Аширбекова, М. Т.* «Разумный срок» как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве [Текст] / М. Т. Аширбекова, Ф. М. Кудин // Уголовное судопроизводство. – М.: Юрист. – 2011. – № 2. С.21-25.

А. С. Омарова

НЕОДНОКРАТНОСТЬ НОВОЙ КАССАЦИИ

Волжский городской суд (г. Волжский, Волгоградская область)

Волжский филиал НОУ ВПО «Международный юридический институт»

Новый порядок кассационного производства, урегулированный нормами гл. 47.1 УПК РФ, предназначен для проверки законности вступивших в законную силу приговора и иных судебных решений. Но такие судебные решения являются также предметом проверки и в суде надзорной инстанции (гл. 48.1 УПК РФ). В силу сходства предмета производства процессуальный порядок кассации и надзора испытывают в равной мере воздействие принципа правовой определенности. Конкретно же, это сходство выражается в нормативном определении способов проверки судебных решений, оснований для их отмены и изменения, а также видов решений суда кассационной и надзорной инстанции.

Возникшее сходство новой кассации с надзорным производством не может не вызывать вопроса «о целесообразности «сохранения» надзорного порядка в общем контексте внесенных новелл» [1, с. 48-49].

Однако данный вопрос важен и с точки зрения определения места кассационного производства в новой модели судебно-проверочного производства. В связи с этим должны быть выявлены признаки, отличающие кассационное производство от надзорного производства.

Зримым отличительным признаком надзорного порядка выступает то, что он, даже будучи схожим с кассационным порядком, являет собой эксклюзивное производство по признаку подсудности надзорных жалоб и представлений единственному в государстве суду надзорной инстанции – Президиуму Верховного Суда РФ.

Новый же кассационный порядок воспринял особенность прежнего надзорного порядка – неоднократность проверки приговора и иного судебного решения. Кассационное производство может осуществляться последовательно в системе сменяющихся кассационных инстанций, которыми выступают судебные органы вертикали судов общей юрисдикции – 1) президиум судов уровня субъектов Российской Федерации; 2) Судебная коллегия по уголовным делам и Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации (ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ).

Таким образом, инстанционная неоднократность кассационной проверки приговора или иного судебного решения становится признаком, свойственным только кассационному производству. Данное положение, безусловно, обеспечивает определенный запас прочности результатам кассационного производства и рельефно выделяет его место в системе судебно-проверочного производства.

Однако возможная неоднократность кассационного производства вряд ли свидетельствует о достаточном уважении принципа правовой определенности, который, как известно, должен сдерживать вмешательство в судебные решения, вступившие в законную силу. Несмотря на то, что путем кассации проверяются не вопросы факта, а только вопросы права, по существу такая же проверка может продолжиться и в надзорном порядке при обжаловании кассационных решений указанных судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации.

Принцип правовой определенности (*res judicata*) – один из основополагающих аспектов верховенства права, который требует, чтобы принятое судом окончательное решение не могло быть оспорено. Одним из его смыслов выступает недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела. Этим достигается правовая безопасность и правовая стабильность в обществе, устойчивость и стабильность установленных и зафиксированных в судебном акте уголовно-правовых отношений, признание окончательно исчерпанным конфликта между гражданином и государством по поводу совершенного преступления [2, с. 36-38].

В связи с этим, ни одна сторона дела не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу судебного постановления только с целью проведения повторного судебного слушания и получения нового постановления [3, с. 67-77].

Немаловажно и то, что «двойная» кассация «дробит» стадию кассационного производства на две части. Иными словами, завершение кассационного производства в суде уровня субъекта Российской Федерации не означает для конкретного дела минование стадии кассационного производства, так как решение указанного суда может быть вновь обжаловано в кассационном порядке в вышестоящий суд, что для этого дела означает продолжение стадии кассационного производства.

В связи с этим, интерес представляет теоретический вопрос: возникла ли новая объемная (мега) стадия кассационного производства, вмещающая в себя два вида (по количеству, а не по форме и содержанию) кассационных производств? Если - да, то, как быть с классическими признаками понятия «стадия уголовного процесса»?

Известно, что одним из признаков понятия стадии уголовного процесса является итоговое процессуальное решение, закрепляющее правоприменительные выводы субъекта, ведущего процесс [4, с. 38; 5].

Такое решение как юридический факт либо прекращает уголовно-процессуальные отношения, либо порождает новые уголовно-процессуальные отношения, обеспечивая передвижение уголовного дела в следующую стадию.

Однако решение нижестоящего суда кассационной инстанции, будучи вновь обжалованным, не исключает движения дела в другой выше-

стоящий суд кассационной инстанции, но, тем не менее, оставляет все дело в пределах той же стадии кассационного производства.

Если же брать субъектный состав как признак стадии, то вышестоящий суд кассационной инстанции – новый субъект. В таком случае можно говорить о новой стадии, которая, как и предыдущая, называется кассационной.

Кроме того, стороны и иные заинтересованные лица могут удовлетвориться решением нижестоящего суда кассационной инстанции и не обжаловать решения последнего. И в таком случае нельзя будет утверждать о незавершенности производства в пределах одной стадии.

Как видится, учение о признаках и понятии стадии уголовного процесса трудно совместить с новой моделью кассационного производства.

Выход видится в компромиссе, в теоретическом выделении двух подстадий кассационного производства, соответствующих двум видам кассационного производства, которые различаются только по субъекту – правоприменителю (президиум судов уровня субъектов Российской Федерации; Судебная коллегия по уголовным делам и Военная коллегия Верховного Суда РФ).

В связи с этим, полагаем возможным предложить теоретический вывод о наличии двух подстадий (фаз) в стадии кассационного производства: стадии первоначального кассационного производства (в судах уровня субъекта Российской Федерации) и стадии последующего кассационного производства.

Особенность места такого сложного (буквально - из двух подстадий) кассационного производства в системе судебно-проверочного производства может быть охарактеризовано и тем, что само двухинстанционное производство, очевидно, должно быть обязательным, если стороны и заинтересованные лица намерены в последствие обратиться к резерву надзорного производства.

Однако пересмотр вступившего в законную силу судебного решения в первоначальной стадии кассации (как мы предлагаем определять) с точки зрения уважения принципа правовой определенности достаточен для того, чтобы стороны обрели возможность обращения в Европейский Суд по правам человека.

Таким образом, двухфазность стадии кассационного производства выделяет и место самого кассационного производства в системе судебных проверочных производств. Данное место – обширное в «пространстве» всего уголовного судопроизводства и по субъектам (судам кассационной инстанции), и по времени, которое дается как для обжалования приговора и решения суда первой и апелляционной инстанции, так и для последующего обжалования кассационного решения нижестоящего суда кассационной инстанции.

С учетом места кассационного производства, обусловленного возможной его неоднократностью по одному и тому же делу, сформировалась новая четырех инстанционная система проверочного производства, где каждый приговор и судебное решение суда первой инстанции может быть проверен и пересмотрен по вертикали: апелляция – первоначальная кассация – последующая кассация – надзорное производство (гл. гл. 45.1, 47.1, 48.1 УПК РФ).

В то же время новый порядок судебно-проверочного производства допускает ситуации, когда приговоры и иные решения суда уровня субъекта Российской Федерации могут и вовсе не подпадать под кассационную проверку. Такие ситуации возникают, если указанные судебные постановления были предметом апелляционной проверки в судебных коллегиях Верховного Суда РФ. Как следствие, они пересматриваются непосредственно в порядке надзора в Президиуме Верховного Суда РФ, так как коллегии Верховного Суда РФ, рассмотрев эти решения в порядке апелляции, не могут выступать судами кассационной инстанции (п.п.1,2 ч.3 ст. 412.1 УПК РФ).

Данное обстоятельство придает своеобразию кассационному производству, указывая, что оно не во всех случаях обязательно, а это также характеризует его место в системе стадий уголовного судопроизводства.

Таким образом, может быть сделан вывод о неравномерности «концентрации» кассационного производства в системе судебно-проверочного производства.

В одном случае его место характеризуется тем, что оно с учетом возможной его неоднократностью по одному и тому же делу, участвует в формировании новой четырех инстанционной системы проверочного производства, где каждый приговор и судебное решение суда первой инстанции может быть проверен и пересмотрен по вертикали: апелляция – первоначальная кассация – последующая кассация - надзорное производство (гл. гл.45.1, 47.1, 48.1 УПК РФ); в другом случае – кассационное производство выпадает из системы проверочного производства, где приговор и судебное решение суда, постановленные судами уровня субъекта Российской Федерации по первой инстанции, могут быть проверены по вертикали: апелляция – надзорное производство.

Если говорить о втором случае (вертикаль: *апелляция – надзорное производство*), то заметен разрыв в движении уголовного дела по инстанциям. Но применительно к выделенному случаю, подобный разрыв дает понимание того, что в силу сходства кассационного и надзорного порядка первый порядок безболезненно восполняется вторым.

При «выпадении» кассационного производства, как уже отмечалось, Президиум Верховного Суда РФ вынужден будет пересматривать результаты непосредственно апелляционного производства Судебной колле-

гии по уголовным делам Верховного Суда РФ и Военной коллегии Верховного Суда РФ. Очевидно, что такой порядок на деле уравнивает значимость Президиума Верховного Суда РФ как *единственного* суда надзорной инстанции и судебных коллегий как судов кассационной инстанции, обнаруживает возможность свободной замены последних фактически высшим судебным органом.

Как представляется, смысл проведенной реформы состоял в обеспечении последовательной и доступной системы проверочного производства. А это достигается и путем установления требования инстанционности.

Так, В. А. Давыдов отмечает, что требование инстанционности способствует равномерному распределению жалоб и представлений между судами вышестоящей инстанции, приближает момент восстановления нарушенного права, экономит силы сторон, поскольку разрешив спор в одной инстанции, они могут не обращаться в вышестоящую инстанцию [6].

Разрыв в следовании дела по инстанциям можно избежать, не восполняя кассацию надзорным порядком, а сохранив полномочия Судебной коллегии по уголовным делам и Военной коллегии Верховного Суда РФ как суда кассационной инстанции во всех случаях. Однако для этого необходимо учреждение дополнительного звена в системе судов общей юрисдикции.

До введения в действие нового кассационного порядка в юридическом профессиональном сообществе была высказана идея создания кассационных судов, выделенных из структуры судов уровня субъекта РФ. Так, председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин считает целесообразным учреждение судов кассационной инстанции, которые существовали бы на отдельном уровне судебной системы, в отрыве от судов уровня субъекта Российской Федерации и не были привязаны к государственно-территориальному делению, то есть по типу судебных округов, имевших место до революции 1917 г. [7].

Предлагаемое судебное устройство в виде окружных судебных присутствий могло бы решить обозначенную нами проблему лишь в том случае, если таковые суды (судебные присутствия) выступали только в качестве апелляционных инстанций. В связи с этим полномочия Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и Военной коллегии Верховного Суда РФ могли бы быть ограничены только кассационным производством. При таком устройстве было бы достигнуто решение задачи по обеспечению доступности судебной защиты в виде реализации права на пересмотр приговора и иных судебных решений.

Во-первых, такие суды были бы территориально ближе к судам уровня субъекта Российской Федерации, постановившими приговоры и иные судебные решения, которые обжалуются в апелляционном порядке. Такое устройство способствовало бы экономии времени, что немаловажно в плане обеспечения разумных сроков судопроизводства. Кроме того, оно

снизило бы затраты денежных средств государства и сторон, так как апелляционная проверка фактических и правовых оснований приговора и иных судебных решений предполагает исследование доказательств, в том числе возможность использования новых доказательств, привлечения новых свидетелей, специалистов, назначение и производство судебных экспертиз и других судебных действий.

С учетом пространства нашей страны апелляционная проверка приговора и иных судебных решений, постановленных по первой инстанции судами уровня субъекта Российской Федерации, была бы предпочтительнее в таких судебных присутствиях (органах), чем непосредственно в Верховном Суде РФ. Создавать же кассационные судебные присутствия, где происходит исследование только вопросов права, представляется неоправданно затратным.

Во-вторых, такой порядок разгрузил бы Судебную коллегия по уголовным делам и Военную коллегия Верховного Суда РФ, позволив им сосредоточиться только на кассационной проверке приговоров и иных решений, уже прошедших этап апелляционного производства.

Таким образом, для выхода из ситуации прямой замены кассационного производства надзорным есть смысл в изменении компетенции Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ и Военной коллегии Верховного Суда РФ с одновременным учреждением окружных апелляционных судов по примеру арбитражных апелляционных судов [8].

В этих целях следует дополнить и изменить Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [9], а именно:

1) дополнить ч. 2 ст. 1 названного закона новым пунктом 2.1 – окружные федеральные апелляционные суды;

2) дополнить названный закон новой главой 3.1 «Окружные федеральные апелляционные суды», в которой нормативно определить: конкретные территориальные округа; порядок образования окружных апелляционных судов; структуру окружных апелляционных судов, включающую судебный состав по уголовным делам и военно-судебный состав; полномочия окружного апелляционного суда.

3) изменить п. 2 ст. 20 названного закона, исключив полномочие судебных коллегий Верховного Суда РФ рассматривать уголовные дела в апелляционном порядке.

Соответственно этому следует внести изменения в п.4 ч. 2 ст. 389. 3 УПК РФ, изложив его в следующей редакции: *на приговор или иное итоговое решение верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда - в окружной федеральный апелляционный суд в соответствии с персональной и территориальной подсудностью.*

Библиографический список

1. Ковтун, Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство: изъяны законодательных новелл [Текст] / Н. Н. Ковтун // Уголовный процесс. – 2011. – № 3.
2. Давыдов, В. А. Возобновление судопроизводства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств: теория и практика исправления судебных ошибок [Текст] / В. А. Давыдов. – М., 2012.
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.07.2003 г. по делу «Рябых против России». Жалоба № 52854/99 [Текст] // Европейский Суд по правам человека и Российская Федерация: постановления и решения, вынесенные до 1 марта 2004 г. / Отв. ред. Ю. Ю. Берестнев. – М., 2005.
4. Уголовно-процессуальное право [Текст]: учебник для магистрантов / под общ. ред. В. М. Лебедева. – М., 2012.
5. Уголовный процесс [Текст]: учебник в 3 ч. Ч. 1 / под ред. В. Г. Глебова, Е. А. Зайцевой. – Волгоград, 2009.
6. Давыдов, В. А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам (производство в надзорной инстанции) [Электронный ресурс]. Научно-практическое пособие // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
7. Зорькин, В. Конституционно-правовые проблемы судебной системы РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/judicial_analyst (дата обращения: 19.12.2012.)
8. Российская Федерация. Законы. Об арбитражных судах в Российской Федерации: федеральный конституционный закон: от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 06.12.2011) // Российская газета. – 1995. – 16 мая.
9. Российская Федерация. Законы. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федеральный конституционный закон: от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.

Г. А. Печников

ПРАВА ЛИЧНОСТИ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ. УПК РФ И ОБЪЕКТИВНАЯ ИСТИНА

ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России»

Современный уголовный процесс России основан на состязательной модели процесса. Это означает, что «принцип состязательности и равноправия сторон распространяется на все стадии уголовного судопроизводства» [1, с. 103]. Состязательность определяет все в уголовном судопроизводстве России и она самодостаточна, поэтому исключает объективную истину, поскольку именно состязанием сторон устанавливается сильнейший, победитель правового спора. Все решается в пределах, рамках состязательности.

В состязательном УПК РФ процессуальная форма и права личности противопоставляются объективной истине, достоверному раскрытию преступлений (борьбе с преступностью). Как подчеркнула И. Б. Михайловская: «Приоритет защиты личности от необоснованного осуждения, а также самоценность процессуальной формы (т. е. требования соблюдать нормы уголовно-процессуального закона) выступают ограничителем средств и способов раскрытия преступления и осуждения лица, виновного в его совершении» [2, с. 16]. Это значит, что в УПК РФ нет необходимой общей цели, которая бы выходила за состязательные рамки – все в пределах основного подхода: «состязание для состязания».

До принятия действующего УПК РФ и после его принятия, в частности, 19-20 марта 2002 г. в Институте государства и права на научно-практической конференции на тему: «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» [3] и в последующих научных публикациях на страницах журнала «Государство и право» остро ставилась и вызывала (и вызывает в настоящее время) оживленные дискуссии такая проблема: что важнее – контроль над преступностью или судебная защита прав личности? [4, с. 81]

По мнению известного криминолога В. В. Лунеева, данный вопрос некорректен. Дорогая система уголовной юстиции и в правовом государстве существует для контроля государства над преступностью при строгом соблюдении законности и прав личности. Между разными аспектами вопроса должен быть не разделительный союз «или», а соединительный «и». Причем, по мнению В. В. Лунеева, контроль над преступностью является целью системы уголовной юстиции, а соблюдение прав личности – одним из самых важных средств его достижения [5, с. 90].

Выступая против преувеличения, абсолютизации уголовно-процессуальной формы, В. В. Лунев заметил: «Как бы не относились мы к процессуальным проблемам, процедура никогда не может быть выше искомой истины по делу. Известная сентенция «главное не истина, а процесс ее поиска» непригодна для правосудия. Оно перестает быть нужным и превращается в шоу. Такое шоу слишком дорого обходится людям, обществу, государству» [5, с. 90].

В ответ на это И. Л. Петрухин возразил так: «Процедура законный путь к истине. Истина презюмируется не установленной, если процедура нарушена» [6, с. 114]. Но отсюда логически напрашивается такой вывод: если же процедура не нарушена, то истина презюмируется тогда установленной.

Как видим, при таком подходе истина оказывается не выше процедуры – истина формально ставится в непосредственную зависимость от процедуры, отождествляется, сливается с процедурной формой. При такой постановке вопроса речь, на наш взгляд, может идти лишь о «процедурной»,

«процессуально-формализованной», «юридически вероятной», «формально-юридической» истине, но никак не об объективной истине, которая, как таковая, не может быть тождественна с процессуальной формой, не может быть тем же самым, что и процедура.

Объективная истина как цель уголовного судопроизводства призвана наполнить процедуру объективным содержанием в том смысле, что процедура должна обеспечивать действительное отражение реального положения дел, отражать реальные обстоятельства дела. Диалектически правильно понимаемая процедура должна свидетельствовать, что есть нечто отличное от самой процедуры не сводимое к одной процедуре, т. е. должна быть объективная истина. При этом конечно, и сама процедура должна содержать в себе момент объективности, а объективная истина – содержать момент, элемент процессуальной формы.

При «юридической (вероятной) истине» процедура, процессуальная форма абсолютизируется, идеализируется, по существу, становится содержанием. Тогда как процессуальная форма должна соответствовать реальному содержанию, но не отождествляться, не сливаться с ним.

Объективная истина в уголовном процессе устанавливается, доказывается путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела при диалектическом познавательном движении от незнания к знанию, от вероятности к достоверности, а не презюмируется как «юридическая (вероятная) истина», не ставится в формально-презюмированную зависимость от процедуры.

Если исходить из выше обозначенной альтернативной постановки вопроса: либо судебная защита прав личности (твердое соблюдение процессуальной процедуры в состязательном процессе), либо контроль над преступностью, то надо полагать, что целью уголовного судопроизводства может быть что-то одно. И. Л. Петрухин пишет: «Выдвижение на передний план при формулировании целей судопроизводства защиты прав человека – достоинство, а не недостаток нового Кодекса» [6, с. 114]. Следовательно, контроль над преступностью не может быть по существу целью (передним планом целей) уголовного судопроизводства. Такая логика, как видится, заложена в самой концепции действующего УПК РФ, и И. Л. Петрухин совершенно правильно, адекватно выражает ее суть.

В. В. Лунеев, говоря об УПК РФ, справедливо заметил: «В нем, например, вообще нет речи о борьбе с преступностью, – установлении истины, неотвратимости ответственности и других важных положений» [7, с. 14]. Но еще древние справедливо считали, что главное в борьбе с преступностью – неотвратимость возмездия.

Уголовно-процессуальная процедура должна быть нацелена на нечто отличное от самой процедуры, а не быть замкнутой на себя. Равно как и защита прав человека в уголовном процессе – не ради самой защиты, а в

связи с преодолением преступности путем быстрого и полного расследования, раскрытия преступлений, изобличения реально виновных, обеспечения неотвратимости их ответственности и чтобы ни один действительно невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Говоря о приоритете личности, И. Л. Петрухин подчеркивает, что «в одинаковой мере следует заботиться о правах и интересах как потерпевшего от преступления (сторона обвинения), так и обвиняемого (сторона защиты), что нашло отражение в формулировке ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Но забота о потерпевшем предполагает необходимость раскрытия преступления и наказания виновного (публично-правовой аспект целей уголовного судопроизводства). Этот аспект получил отражение в ч. 2 ст. 6 УПК (назначение виновному справедливого наказания), о чем забывают критики УПК» [6, с. 114].

С этим можно согласиться. Однако ставится ли этот публично-правовой аспект целей уголовного судопроизводства в современном УПК РФ в своем объективно-необходимом, полном объеме, как того требует реальная борьба с преступностью и действительной неотвратимостью ответственности реально виновных? На наш взгляд, не ставится. Названный публично-правовой аспект целей уголовного судопроизводства в УПК РФ ставится и решается, как представляется, в узких рамках процедурных правил «поединочного состязания» сторон и напрямую зависит от исхода судебного разбирательства. А. С. Александров прямо пишет: «Судебное доказывание – это разговор, диалог, назначение которого в том, чтобы переговорить противную сторону, убедить суд в своей правоте» [8, с. 13]. Можно сказать и так: по УПК РФ «раскрытие преступления и «наказание виновного» ставится в непосредственную зависимость от выигрыша состязательного поединка. Формально-юридическая истина на стороне победителя.

Если цели занижены, то и способ действий, приспособленный к ним, также будет занижен.

В либеральном УПК РФ требование об обоснованном обвинении, уголовном преследовании, изобличении и наказании виновных несет на себе, в сущности, оттенок приоритета юридического (формально-процессуального) над фактическим, реалистическим. Итак, что значит «раскрыть преступление» как публично-правовой аспект целей уголовного судопроизводства? С позиции объективной истины – это одно; здесь реалистический смысл, а с позиции юридической (вероятной) истины в состязательном противоборстве сторон – это нечто иное, здесь формально-юридический смысл. По сути, это разный язык. Происходит «подмена понятия». Не установление объективной истины, не процесс диалектического движения от незнания к знанию, от вероятности к достоверности, от версии к объективной истине путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, а формально-юридическое обоснование,

удостоверение надлежащими доказательствами своей правдоподобной версии случившегося стороной обвинения. А это, на наш взгляд, разные вещи.

В. В. Лунеев справедливо отмечает: «Защита прав личности – более широкая цель, осуществляемая не только в процессе уголовного судопроизводства, но и во всех сферах деятельности. Однако без контроля над преступностью, которая в нашей криминальной стране является самой грубой и крайней формой нарушения прав человека, вообще невозможна успешная реализация защиты прав личности» [5, с. 90; 7, с. 14].

Признание Конституцией РФ человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2), а также верховенства закона (ст. 4), на наш взгляд, лишь усиливает актуальность и значимость истины в уголовном процессе. Отказ от истины всегда ведет к неопределенности, стирает необходимую грань между соблюдением прав личности и нарушением прав личности, между законностью и беззаконием. Поэтому мы солидарны с таким утверждением: «Одним из важных направлений в расширении гарантий прав личности... является расширение обязанностей органов государства, ведущих процесс, по установлению истины» [9, с. 81]. Иного мнения придерживается В. С. Шадрин. Критикуя данное суждение, он замечает: «Если здесь действительно имеются в виду гарантии прав личности в уголовном процессе, то это – гарантия прав личности с точностью до наоборот. Ведь установление истины по уголовным делам, под чем обычно было принято понимать и понимается в упомянутом произведении главным образом раскрытие преступлений, отвечает в первую очередь интересам государства, а не интересам обвиняемого» [10, с. 35-36]. Между тем ставить вопрос о гарантиях прав личности в уголовном судопроизводстве вне процесса установления истины, вне истинного раскрытия преступления – значит, ставить его, на наш взгляд, абстрактно, отвлеченно. При системном понимании объективной истины в уголовном процессе истину нельзя отрывать от гарантий прав личности, и наоборот, соответственно. Соблюдение прав личности есть гарантия достижения истины, а достижение истины есть гарантия соблюдения прав личности.

Право на защиту подозреваемого и обвиняемого в УПК РФ следует понимать так, как оно и задумано, в духе состязательного построения уголовного процесса, в духе выигрышного состязания сторон – обвинения и защиты. Это означает, что право на защиту осуществляется, как видится, не в своем необходимо полном объеме, а лишь на состязательно-диспозитивном уровне, когда сторона обвинения, по сути, не обязана доказывать невиновность подозреваемого или обвиняемого, поскольку на стороне обвинения лежит по закону лишь бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, проводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). И когда в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» предусматривается защита личности от незаконного

и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, то эта задача ставится, на наш взгляд, не в своем действительно необходимом требовании, а напрямую зависит от самой стороны защиты, ее возможностей, исходя из принципа: «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Дело в том, что в состязательном УПК отсутствует подлинно публично-правовой аспект защиты, который не сводился бы к состязательно-диспозитивному уровню и интересу сторон в состязательном процессе.

Другими словами, подозреваемый и обвиняемый по-настоящему не защищены на государственно-публичном уровне, поскольку государственные должностные лица, ведущие уголовный процесс (дознатель, следователь и прокурор), сами сведены к стороне обвинения («уголовного преследования») и в этом качестве противостоят в состязании стороне защиты, по сути, поставлены в положение конфронтации стороне защиты. Тут уж не до подлинной защиты подозреваемого или обвиняемого, важно «победить» противоположную сторону – такова сама логика состязательного процесса. Тогда как обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту должно осуществляться не только на уровне состязания, прагматично-выигрышной выгоды, но и на уровне публично-правовой обязанности государства. То есть уголовный процесс должен содержать два уровня защиты: на государственно-публичном (общем) уровне и на уровне состязательно-прагматичного (отдельного) интереса сторон. Именно это, как представляется, отличает научно построенный уголовный процесс.

В действующем же УПК упор делается на абсолютизацию, идеализацию состязательности в уголовном процессе. Это процесс «чистой состязательности».

В таком процессе принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту обеднен, так как осуществляется, как уже отмечено, лишь на формальном уровне состязания и потому носит прагматический характер, что не может не отразиться на самом качестве такой защиты.

Насколько значимы права личности в уголовном судопроизводстве без объективной истины, при яркой, чрезмерно выраженной состязательности процесса? Как представляется, в таком процессе защита подозреваемого или обвиняемого происходит, реализуется настолько, насколько это ей позволит сторона обвинения, и, наоборот, обвинение способно реализовать свои возможности настолько, насколько позволяет это сделать сторона защиты. В результате права личности приносятся в жертву такому состязательному противостоянию обвинения и защиты. В конечном итоге действительно невиновного суд может признать виновным и осудить, а действительно виновный может уйти от законной уголовной ответственности.

Если предварительное следствие исходит из «уголовного преследования», а не из всестороннего, полного и объективного исследования об-

стоятельств дела (не из объективной истины), то чего же ждать от стороны защиты – только адекватной реакции. И это заложено в самом УПК РФ. То есть защита также не будет в такой ситуации (если подходить формально, строго по букве и духу состязательного УПК РФ) ориентироваться на достижение объективной истины, но лишь на выигрыш дела, на прагматический интерес и выгоду, на прагматическое упрощение процесса.

УПК РФ сконструирован не в пользу объективной истины. Обвинение и защита вне объективной истины не занимаются объективным доказыванием, а просто стремятся опровергнуть позицию друг друга.

Диалектика требует антиномически остро формулировать противоположности и не затушевывать различия между ними. Например, законность и беззаконие. «Истинный законодатель ничего не должен бояться, кроме беззакония» [11, с. 132]. В этой связи деятельность участников уголовного судопроизводства должна быть основана на законе, на строгом его соблюдении.

Но существует менее обязывающая, менее определенная норма: суд, прокурор, следователь и дознаватель разъясняют подозреваемому и обвиняемому их права и обеспечивают им возможность защищаться всеми, не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами (ч. 2 ст. 16 УПК РФ)⁸.

Здесь в основе, по сути, лежит принцип: «все, что не запрещено законом, то дозволено» (*что не запрещено явно, дозволено* [12, с. 168]).

Как представляется, позицией: «что не запрещено законом, то дозволено», а равно требованием об обеспечении подозреваемому и обвиняемому защищаться всеми, не запрещенными настоящим Кодексом способами и средствами (ч.2 ст.16 УПК РФ) сглаживается, стирается необходимое различие между законностью и незаконностью (беззаконием), между законными и незаконными способами и средствами защиты. Происходит подмена законности целесообразностью, все-де относительно, условно.

Не запрещено же законом защитнику фактически виновного выставить юридически невиновным; порочить и опровергать истинное обвинение; затягивать процесс; «белое» называть «черным» ради выигрыша процесса; уговаривать следователя прекратить уголовное дело, хотя для этого нет ни фактических, ни юридических оснований, или иными способами и средствами препятствовать объективному ходу расследования и установлению истины по делу, словом, «что не запрещено, то дозволено».

⁸ Для сравнения: в ранее действовавшем законе аналогичная норма требовала не отступать от закона. Государственные органы, ведущие процесс, были обязаны обеспечить подозреваемому и обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами (ст. 19 УПК РСФСР).

Едва ли есть основания спорить по поводу утверждения, что права подозреваемым и обвиняемым могут использовать не только для защиты их законных интересов, но и для уклонения от ответственности за совершенные преступления. Демократическое судопроизводство признает эту ситуацию возможной [5, с. 92].

Действительно, законодатель в состязательном УПК ставит знак равенства между возможностью обвиняемого быть привлеченным к уголовной ответственности и возможностью избежать такой ответственности. Равно как он ставит формальный знак равенства между следователем (стороной обвинения) и обвиняемым (стороной защиты).

По нашему мнению, нормы УПК не ставят вопрос по-публично остро: виновный должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден, невиновного же привлекать недопустимо, а ставят его в духе состязательности: сумеет или не сумеет обвиняемый избежать уголовной ответственности в состязательной борьбе сторон, зависит от него самого и его защитника – как повезет; все относительно. Точно так же в своей основе относительно, на наш взгляд, и различие между «допустимыми» и «недопустимыми» доказательствами (ст. 75 УПК РФ). «Допустимые» и «недопустимые» доказательства легко могут поменяться своими местами. Все зависит от «искусства» стороны обвинения и стороны защиты преподнести доказательства.

Права личности в УПК РФ отказавшегося от объективной истины, носят лишь относительный, условный характер, так как обусловлены его состязательной (выигрышно-проигрышной) концепцией. В таком процессе виновный может выиграть процесс (дело), а невиновный – проиграть. Тогда как, объективная истина называет вещи своими именами: действительно виновного - виновным, а невиновного – невиновным.

Поэтому объективно-истинный тип уголовного процесса более высокий тип процесса, чем состязательный, в котором нет ничего определенного, а все относительно, условно.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П. [Текст] // Вопросы уголовного судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / З. Д. Еникеев, Е. Г. Ежова. – М., 2011.
2. *Михайловская, И. Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе [Текст] / И. Б. Михайловская. – М., 2006.
3. *Тогонидзе, Н. В.* Научно-практическая конференция «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ» [Текст] / Н. В. Тогонидзе // Гос-во и право. – 2002. – № 9/90.
4. *Петрухин, И. Л.* Судебная власть и расследование преступлений [Текст] / И. Л. Петрухин // Гос-во и право. – 2002. – № 9.

5. *Лунеев, В. В.* Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ [Текст]: науч. -практ. конф. / В. В. Лунеев // Гос-во и право. – 2002. – № 9.
6. Права человека и новое российское законодательство (материалы круглого стола) [Текст] // Гос-во и право. – 2003. № 6.
7. *Лунеев, В. В.* Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России [Текст] / В. В. Лунеев // Гос-во и право. – 2004. – № 1.
8. *Александров, А. С.* Язык уголовного судопроизводства [Текст]: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. / А. С. Александров – Н. Новгород, 2003.
9. *Мартыничик, Е. Г.* Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е. Г. Мартыничик, В. П. Радьков, В. Е. Юрченко. – Кишинев, 1982.
10. *Шадрин, В. С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений [Текст]: монография / В. С. Шадрин. – Волгоград, 1997.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
12. *Сухов, Н. С.* Крылатые латинские изречения [Текст] / Н. С. Сухов. – М., 1990.

О. Н. Пикуров

РОЛЬ ПРОКУРАТУРЫ В ЗАЩИТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Прокуратура Волгоградской области

Конституционные права граждан являются одним из наиболее важных предметов надзорной деятельности органов прокуратуры. С учетом этого в уголовном судопроизводстве прокурор является не только государственным обвинителем, но и защитником законных прав и интересов сторон. Правозащитная деятельность в рассматриваемой сфере наиболее заметно прослеживается в трех основных направлениях: надзор за законностью уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности (досудебная стадия уголовного судопроизводства), участие в рассмотрении уголовных дел судами и реализация мер гражданско-правового характера с целью возмещения ущерба, причиненного преступлением. Остановимся на каждой из них подробнее.

В рамках **надзора за исполнением закона на досудебной стадии уголовного судопроизводства** органами прокуратуры Волгоградской области в 2012 году выявлено более 76 тыс. нарушений (в целом по России эта цифра превышает 5 млн.). Первое, на что обращают внимание прокуроры – состояние приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях. При этом задачами прокуратуры являются: с одной стороны – проверка законности возбуждения уголовных дел, пресечение фактов необоснованного уголовного преследования; с другой – обеспечение защиты

потерпевших, недопущение незаконных отказов в возбуждении уголовного дела. В 2012 г. органами прокуратуры Волгоградской области выявлено более 47 тыс. нарушений порядка учета и регистрации преступлений (по России – более 3,4 млн.). При этом отменено 337 незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (по России – более 100 тыс.) и 91 постановление о возбуждении уголовного дела (по России – более 10,5 тыс.). В каждом случае вносились акты реагирования, незаконные постановления отменялись, виновные лица привлекались к дисциплинарной и иным видам ответственности, вплоть до уголовной. Следует отметить, что значительная часть от общего числа нарушений выявлена в рамках так называемой «сплошной проверки», когда пострадавшему гражданину не требовалось специально обращаться в органы прокуратуры с просьбой о защите его нарушенных прав.

Примером может служить одно из уголовных дел, возбужденных в 2012 г. на основании материалов прокурорской проверки по факту халатности, связанной с нарушением учетно-регистрационной дисциплины. В пункт полиции № 8 Управления МВД России по г. Волгограду поступило сообщение о госпитализации в больницу гражданки А. с многочисленными телесными повреждениями (в дальнейшем, уже после возбуждения уголовного дела, они были квалифицированы судебным экспертом как тяжкий вред здоровью). Проведение соответствующей процессуальной проверки было поручено участковому уполномоченному полиции отделения по делам несовершеннолетних К., который вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления. В обоснование принятого решения сотрудник полиции указал на невозможность установления тяжести причиненных А. телесных повреждений. На самом деле он своевременно не истребовал акт судебно-медицинского исследования, а составил рапорт якобы об отсутствии медицинской документации [1]. 3 апреля 2013 г. Красноармейским районным судом К. осужден по ч. 1 ст. 293 УК РФ. В настоящее время уголовное дело находится на стадии апелляции. Подчеркивая важность соблюдения прав потерпевших на своевременную защиту от преступлений, следует обратить внимание на решение Европейского суда по правам человека по делу «Митягины против Российской Федерации» от 04.12.2012. В нем отмечается, что любая неоправданная задержка в возбуждении уголовного дела и в сборе важных доказательств затрудняет перспективу возмещения причиненного вреда при последующем расследовании. В связи с волокитой при возбуждении уголовного дела, непроведением эффективного расследования по факту нанесения побоев Митягиным Европейский суд установил нарушение органами государственной власти процессуального аспекта ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и постановил взыскать в качестве компенсации морального вреда в пользу потерпевших 5 тыс. евро и возместить судебные издержки [2].

Среди других типичных нарушений, выявляемых органами прокуратуры на досудебной стадии – волокита следственных органов, невыполнение необходимых оперативно-розыскных и следственных мероприятий, необоснованное задержание граждан и применение в качестве меры пресечения заключения под стражу, в т.ч. задержание граждан, подозреваемых в совершении преступлений, на основании протоколов об административных правонарушениях.

Рассматривая вопрос об **участии прокурора в рассмотрении уголовных дел судами**, обратимся к данным судебной статистики. В 2012 году в Волгоградской области с вынесением обвинительного приговора рассмотрено более 13,2 тысяч уголовных дел в отношении более 14,6 тыс. лиц. Оправдательных приговоров вынесено 10 в отношении 18 лиц. Сходные пропорции наблюдаются и за предыдущие годы. В целом по России оправдательные приговоры составляют примерно 1%.

Причиной вынесения оправдательных судебных постановлений, как правило, являются нарушения, допущенные на предварительном следствии. Например, по рассмотренному Городищенским районным судом Волгоградской области уголовному делу в отношении Т. по ч. 1 ст. 264 УК РФ повторная автотехническая экспертиза, на основании которой сделан вывод о невиновности подсудимого, была назначена лишь в судебной стадии.

Одним из самых распространенных предметов дискуссий по поводу оправдательных приговоров является вопрос: их малое количество – хорошо или плохо? При этом нередко, упрекая систему правосудия России в обвинительном уклоне, правозащитники восхищаются большим числом оправдательных приговоров в США и ряде стран Европы. Однако нетрудно спрогнозировать, что повышение числа оправданных лиц неизбежно вызвало бы обоснованные претензии противоположного плана: государство обвинялось бы в массовом нарушении прав граждан, незаконно привлекаемых к ответственности. Причем в каждом случае это сопровождалось бы соответствующими исками о компенсации морального ущерба.

Думается, сами по себе цифры не могут характеризовать ситуацию ни с хорошей, ни с плохой стороны. Сравнение с практикой других стран не совсем корректно в связи с различными принципами судебных систем. Там, где следствие осуществляется в рамках судебного разбирательства, логично большее число оправдательных приговоров. В России же каждое такое решение рассматривается как существенное ущемление чьих-то прав, поэтому факты уголовного преследования при отсутствии к тому достаточных должны пресекаться на как можно более ранней стадии. Низкое число оправдательных приговоров можно считать одним из критериев соблюдения основных принципов уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

При этом органы прокуратуры призваны обеспечивать недопущение направления в суд уголовных дел при отсутствии признаков состава преступления. Учитывая, что обоснованность принятого итогового судебного решения зависит от того, насколько качественно собраны материалы уголовного дела, прокуроры при выявлении допущенных в ходе расследования нарушений уголовно-процессуальных норм возвращают дела дознавателям и следователям с указаниями о производстве дополнительного расследования, проведения необходимых экспертиз и иных следственных действий. Государственные обвинители активно участвуют в исследовании и объективной оценке доказательств, представленных как стороной обвинения, так и защиты.

Полноценная защита потерпевших не может обойтись **без реализации мер гражданско-правового характера с целью возмещения ущерба, причиненного преступлением**. Часть 3 ст. 44 УПК РФ предоставляет прокурору право предъявлять гражданский иск в защиту интересов несовершеннолетних, недееспособных лиц, а также лиц, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы.

В порядке уголовного судопроизводства органами прокуратуры Волгоградской области в 2012 году заявлено 470 исков о возмещении ущерба на сумму 34 550 рублей (в целом по России число таких исков превышает 23,5 тыс. на общую сумму более 7,3 млн. рублей). Случаев отказа в удовлетворении таких исков судом за указанный период в Волгоградской области не было (в целом по России отказы носят единичный характер), в связи с чем подобный метод защиты прав жертв преступлений можно назвать вполне эффективным.

Так, например, в ноябре 2012 года по иску прокуратуры Новониколаевского района Волгоградской области суд взыскал с осужденного Ш. в интересах двух малолетних детей моральный вред в размере 60 тысяч рублей. Иск был заявлен в связи с привлечением Ш. к уголовной ответственности по ст. 156 УК РФ за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, связанному с жестоким обращением с ним [3].

Вместе с тем возможности прокуратуры по защите прав потерпевших не исчерпываются предъявлением исков. В частности, в необходимых случаях оперативные и следственные подразделения средствами прокурорского надзора понуждаются к принятию мер по розыску имущества виновных лиц, на которое может быть обращено гражданско-правовое взыскание.

Таким образом, в рамках уголовного судопроизводства основная роль органов прокуратуры – защита интересов общества и государства, конституционных прав потерпевших и обвиняемых. Только при успешной реализации этих функций возможно торжество закона и, как следствие, стабильность в государстве.

Библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volgoproц.ru/newversion/cgi-bin/run.pl?mod=news.mod&dirmod=mod&func=view&id=1487>.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sledcom.ru/legal-information/3179/>.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://volgoproц.ru/newversion/cgi-bin/run.pl?mod=news.mod&dirmod=mod&func=view&id=1414>

В. С. Посник, И. В. Шевчук

К ВОПРОСУ ОБ ОПОЗНАНИИ ПО ПРИЗНАКАМ ГОЛОСА И РЕЧИ

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Предъявление для опознания относится к числу сложных следственных действий, исследование и оценка результатов которых сопряжены со значительными трудностями и требуют учета самых разнообразных факторов, которые существенным образом могут повлиять на итог опознания.

И если трудности возникают при опознании лица по анатомическим признакам (этническая принадлежность, половозрастные особенности, телосложение и т.д.), то более серьезные проблемы неизбежны при опознании по функциональным (динамическим) признакам, таким как голос и речь.

Отметим, прежде всего, несовершенство самой нормы, регулирующей предъявление для опознания. Буквальное ее толкование исключает возможность предъявлять лицо для опознания по вышеупомянутым признакам (голос, речь). В статье 193 УПК РФ говорится о том, что до производства этого следственного действия опознающие допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявляемое для опознания лицо. Однако ни голос, ни речь видеть невозможно, эти признаки можно только воспринимать и дабы исключить неоднозначное толкование вышеупомянутой нормы, ее необходимо скорректировать, заменив термин “видели” на термин “воспринимали”.

Укажем также на неудачную, на наш взгляд, формулировку ч. 4 анализируемой статьи, где идет речь о том, что лицо может предъявляться для опознания вместе с другими лицами, по возможности внешне сходными с ним.

Что значит “по возможности”? А если такой возможности нет или за невозможностью скрываются другие причины (трудности в отыскании сходных объектов, отсутствие времени и т.д.).

Следует ли понимать, что это требование необязательно? Чтобы снять всякого рода сомнения по этому поводу, предлагаем из ч. 4 ст. 193 УПК словосочетание «по возможности» исключить.

Важно отметить, что правильное протекание процессов узнавания происходит только тогда, когда у опознающего есть возможность сличить признаки представленных сходных объектов и прийти к выводу об их тождестве, сходстве или различии.

Игнорирование такого важнейшего правила может привести (да и приводило, об этом свидетельствуют примеры из судебно-следственной практики) к серьезным ошибкам.

Анализируя проблему предъявления для опознания по функциональным признакам отметим, что не все ученые разделяют мнение о том, что голос и речь являются признаками внешности. Так, в свое время, З. Г. Самошина утверждала, что ни голос, ни тем более речь не являются “чертами внешности”, но все же констатировала, что ... “в основании опознания могут быть положены любые признаки (приметы, особенности), если они имеют личный характер, т.е. неотделимы от данного лица, а проявляются вовне, создавая возможность восприятия, запечатления и воспроизведения в ходе отождествления” [1, с. 80].

Интересны в этой связи приведенные В. В. Степановым и Ю. В. Михайловой результаты анкетирования, продемонстрировавшие то, что 67% респондентов относят функциональные признаки к признакам внешности, а вот 33 %, (что в общем-то немало) таковыми их не считают [2, с. 32]. Между тем указанные признаки характеризуют внешний облик лица и включены в криминалистическую систему признаков, именуемую словесным портретом [3, с. 87-89; 4, с. 154].

Следует отметить неоднозначный подход некоторых авторов, исследовавших проблемы предъявления для опознания, к вопросу о возможности и правомерности предъявления для опознания по голосу и речи.

В. Г. Власенко это связывает с серьезными трудностями, возникающими у опознающего в связи с запоминанием и воспроизведением в своей памяти модели голоса и речи [5, с. 83].

Контраргументом такой позиции, и с ней трудно не согласиться, стало высказывание В. В. Степанова и Ю. Н. Михайловой о том, что “... соображение о невозможности воссоздать голос и речь противоречит повседневной житейской практике, заключающейся в том, что люди могут узнавать друг друга даже в условиях редкого и единичного общения” [2, с. 36].

Отрицается допустимость предъявления для опознания по голосу и речи и в связи с возможными изменениями ранее воспринятых признаков.

Следует отметить, что тождества, застывшего в природе не существует. Все объекты материального мира претерпевают различного рода изменения и это не является препятствием для решения идентификационных задач (конечно же, если эти изменения не являются существенными) [6, с. 35-37].

Совершенно справедливо В. В. Степанов и Ю. Н. Михайлова указывают на то, что даже при возникновении новых признаков в абсолютном большинстве случаев полностью не может быть изменен голос. Возможна модификация, которая коснется лишь части признаков. В конечном итоге следовательно, до предъявления для опознания должен выяснить у потенциального опознаваемого не было ли у него (за интересующий период времени) каких-либо травм, заболеваний, хирургического вмешательства, могущих существенно повлиять на изменение признаков голоса, ну а в дальнейшем решить, следует ли, целесообразно ли проводить это следственное действие по данным признакам.

Противоречив довод и тех авторов, которые заявляют о том, что оповещение потенциального опознаваемого о предстоящем предъявлении для опознания по признакам голоса и речи может свести к нулю все результаты опознания, так как опознаваемый, стремясь к тому, чтобы его не узнали будет легко менять привычную манеру голоса и речи.

Именно поэтому В. И. Комиссаров считал, что опознание по голосу и речи носит оперативно-розыскной характер [7, с. 59].

В тоже время большинство исследователей данной проблемы констатируют правомерность производства опознания по признакам голоса и речи, полагая, что при этом необходимо соблюдать все процессуальные требования, относящиеся к его процедуре. А вот нейтрализовать нежелательные последствия можно, используя тактические приемы, разработанные криминалистикой, в частности, это более продолжительная по времени беседа с лицами, предъявленными для опознания, использование видео (звукозаписывающей) аппаратуры, где наглядно отражаются все усилия опознаваемого изменить акустико-фонетические характеристики своего голоса и лингвистические особенности речи, т.к. в этой своей попытке он меняет и привычную для него артикуляцию и мимику лица.

К сожалению, как показывает практика, следователи очень редко (5% случаев от общего числа предъявления для опознания), получив информацию о том, что опознающий слышал речь и голос преступника, оставляют ее без должного внимания, не детализируют и не используют тактические приемы, направленные на актуализацию памяти.

Нам всем хорошо известно, что чем больше следов, связанных с преступным событием будет собрано, тем легче строить доказательственную базу. А поэтому нужно использовать все возможности по обнаружению, фиксации и изъятию таких специфических следов, каковыми являются идеальные следы, запечатлевшиеся в сознании потенциального опознающего в виде мысленных звуковых и речевых образов.

Отталкиваясь от научных основ криминалистической идентификации можно констатировать, что идентификация человека по функциональным признакам (голос, речь) возможна в силу индивидуальности (голоса,

речи человека), устойчивости этих признаков и относительной неизменяемости [6, с. 35-37].

Голос и речь – не тождественные понятия. Они наделены различными признаками и этот факт должен учитываться при подготовке и проведении предъявления для опознания. Голос является звуковым компонентом речи.

А речь, в свою очередь, характеризует интеллектуальный уровень развития человека. Его уникальную способность выражать свои мысли только в его присущей манере, используя при этом авторскую лексику. К особенностям речи так же можно отнести темп и недостатки произношения (местный говор, диалект, картавость, шепелявость, заикание, косноязычие, своеобразие акцента и т.п.).

Следует отметить, что частные признаки голоса чаще всего связаны с индивидуальным строением гортани, дефектами голосового аппарата, заболеваниями горла. По мнению авторов В. В. Степанова и Ю. Н. Михайловой, к основным признакам голоса относятся: тоновой диапазон; сила; окраска и тембр; вибрато.

Сама процедура предъявления для опознания по функциональным признакам организуется в соответствии с требованиями закона, о чем ранее уже упоминалось. Однако специфичность предъявления для опознания по функциональным признакам, предполагает особый подход к подготовке, тактике проведения и фиксации его хода и результатов.

Основные особенности, по-нашему мнению, выражаются в следующем:

1. Подбор лиц, совместно с которыми будет предъявляться опознаваемый, осуществляется с учетом тех признаков голоса и речи, о которых на допросе говорил потенциальный опознающий. Для более полной детализации признаков голоса необходимо воспользоваться фонотекой голосов, что поможет в будущем опознающему актуализировать процессы памяти. Неоценимую помощь при описании признаков, особенно голоса окажет специалист в области фонологии;

2. Предъявление для опознания по рассматриваемым признакам по возможности должно проводиться там, где происходило восприятие признаков голоса и речи. Если же это невозможно, то необходимо, чтобы помещение максимально соответствовало акустическим условиям восприятия. В данном случае важно воспользоваться консультацией специалиста в области речевой акустики;

3. Предъявление для опознания по признакам голоса и речи тактически целесообразно проводить в такой обстановке, когда опознающий и опознаваемый находятся в смежных помещениях, обеспечивающих хорошую слышимость, но исключающих видимость друг друга;

4. Важным моментом при подготовке к предъявлению для опознания является подготовка специального текстового материала. Содержание

текста необходимо хорошо продумать. Информация, содержащаяся в нем не должна касаться обстоятельств совершения преступления, но в ней должны найти свое отражение те фразы, которые воспринимал опознающий в связи с преступным событием и на которые он указывал в ходе допроса, предшествующего предъявлению для опознания.

При выборе наиболее рациональной формы подачи контрольного материала О. М. Коршунова рекомендует привлекать специалиста-психолога, который проконсультирует следователя по возникающим вопросам и окажет необходимую помощь [8, с. 100].

В том, что следователи нуждаются в консультациях подобного рода, показывает и проведенный нами опрос следственных работников, отметивших отсутствие у них достаточного опыта и рекомендаций для проведения опознания по признакам голоса и речи. В литературе предлагаются четыре формы подачи контрольного материала: монолог, диалог, повторение и чтение [9, с. 21-22].

Каждая из предложенных форм имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Какую из них выбрать решает следователь, исходя из сложившейся следственной ситуации.

Грамотный подход к производству предъявления для опознания по голосу и речи, с учетом процессуальной процедуры и криминалистических рекомендаций, позволит улучшить качество расследования преступлений.

Библиографический список

1. *Самошина, З. Г.* Вопросы теории и практики предъявления для опознания на предварительном следствии [Текст] / З. Г. Самошина. – М., 1976.
2. *Степанов, В. В.* Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений [Текст] / В. В. Степанов, Ю. Н. Михайлова. – Саратов, 2003.
3. *Топорков, А. А.* Словесный портрет [Текст] / А. А. Топорков. – М., 1999.
4. Криминалистика [Текст] / под общей ред. Н. П. Яблокова. – М., Юрайт, 2011.
5. *Власенко, В. Г.* Предъявление для опознания живых лиц по голосу [Текст] / В. Г. Власенко // Теория и практика судебной экспертизы. – Саратов.:1978.
6. Криминалистика [Текст] / под общей ред. А. Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2011.
7. *Комиссаров, В. И.* Правомерность и обоснованность предъявления для опознания [Текст] / В. И. Комиссаров // Соц. законность. – 1978. – № 2.
8. *Коршунова, О. М.* Процессуальные и тактические аспекты отождествления личности по признакам голоса и устной речи на предварительном следствии [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук / О. М. Коршунова. – Л., 1990.
9. *Ложкевич, А. А.* Подготовка и назначение фоноскопической экспертизы [Текст] / А. А. Ложкевич, В. А. Снетков, В. А. Чиванов, В. Л. Шаршунский // Методическое письмо № 47 ВНИИ МВД СССР. – М., 1981.

ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ – ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Действию принципов и осуществлению целей и задач уголовного судопроизводства способствуют его многие институты, в числе которых один из старейших, существующий в российском законодательстве с середины XVII века, является институт понятых [1, с. 1].

В современной учебной литературе признается, что «по существу понятые являются очевидцами проведения следственных действий, что позволяет впоследствии допросить их в случае необходимости в качестве свидетелей, например, в судебном заседании для уточнения каких-либо обстоятельств или при возникновении сомнений в соблюдении требований закона при производстве следственных действий» [2, с. 180].

В данной работе мы попытаемся с криминалистических позиций проанализировать не декларируемые, а действительные возможности понятых, выполняющих свои функциональные обязанности, способствовать укреплению законности и, в том числе, обеспечению исполнения положений ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) и возможные пути преодоления возникающих проблем.

На практике существует достаточное количество ситуаций, когда участие понятых в следственных действиях, как минимум, не повышает их результативности, доказательственного значения, а иногда и нарушение тактических рекомендаций и процессуальных правил его производства

В ч. 2 ст. 60 УПК РФ отсутствует запрет на привлечение к участию в следственном действии в качестве понятых лиц, имеющих некоторые дефекты зрения, слуха и пр.; поэтому если, например, такой понятой впоследствии на суде не сможет подтвердить цвет объекта (понятой-дальтоник) – данный факт не является основанием для признания того, что это следственное действие осуществлялось с существенным нарушением порядка его производства.

При проведении отдельных следственных действий требуется большее, чем предусмотрено в УПК РФ, количество понятых. Так, следственный эксперимент на возможность услышать (увидеть) требует привлечения минимум четверых понятых. При обыске в жилище с разнополыми жильцами для их личного обыска также в числе понятых должны быть двое мужчин и две женщины. И проблема состоит даже не в том, что существующие бланки протоколов необходимо заранее переделать под четверых понятых, а в том, что происходит отвлечение от созидательного труда значительного количества лиц и излишняя трата бюджетных денег на оплату за такое отвлечение.

Производство некоторых тактических операций (например, одновременный обыск в нескольких местах) требует разового привлечения значительного числа понятых. Эта организационная проблема, как правило, решается путем привлечения для этих целей студентов юридических вузов. Полагаем, что в этих случаях желательны студенты первых курсов неспециализированных вузов.

Наибольшие тактические проблемы с подбором понятых возникают при подготовке следственных действий, не теряющих отлагательства, чаще всего производимых не в кабинете следователя.

Например, при выезде на место происшествия следователь пытается подыскать их среди соседей, зевак и иных лиц, находящихся рядом с этим местом. Анализ практики показывает, что иногда в число понятых в таком случае попадают две категории субъектов, неприемлемых для этой роли. Это, во-первых, могут быть лица, каким-либо образом причастные к совершенному деянию. Иногда руководство организованных преступных групп специально посылают на место происшествия одного из своих подчиненных «на разведку». Но чаще всего понятыми в этих случаях становятся потенциальные свидетели происшествия, в том числе и очевидцы. На видеозаписи одного из осмотров места происшествия был запечатлен не вполне трезвый понятой к тому же сообщивший следователю, что он первый обнаружил тело потерпевшей.

При проведении предъявления для опознания потерпевшему, находящемуся на стационарном лечении в больнице, следователь пригласил в качестве понятых двух лиц, по виду посетителей. Каково же было его изумление, когда одного из них потерпевший опознал как одного из преступников (как позднее было выяснено, нападавший пришел в больницу, чтобы уговорить потерпевшего забрать заявление о преступлении). Практики могут привести достаточное число таких казусов.

Встречаются случаи прямой фальсификации протоколов, когда в него вписываются фамилии понятых, которые реально не участвовали в производстве этого следственного действия. Это либо полностью вымышленные данные, либо данные реальных понятых, переписанные из других протоколов, либо данные так называемых «записных» понятых, т.е. хорошо знакомых следователю людей, которые его «не подведут и поставят свои подписи там, где нужно».

Но даже, если предположить, что следователь при подборе понятых учел все процессуальные правила и криминалистические рекомендации по этому вопросу, нет гарантий того, что добросовестные понятые, ставя подписи в протоколе по окончании следственного действия, подтверждают **полное** (выделено нами – Авт.) соответствие того, что производилось в их присутствии тому, что отражено в протоколе. Этому есть несколько объяснений.

В учебниках по уголовному процессу справедливо утверждается, что «знания понятыми положений уголовно-процессуального законодательства не требуется, так как они своей подписью в протоколе подтверждают только фактологическую сторону проведенного следственного действия (т. е. только то, что они наблюдали), а не соответствие закону действий лица, проводившего данное следственное действие» [2, с. 180]. Из этого вытекает, что понятые могут не осознавать и не зафиксировать, что кто-то из участников умышленно или по незнанию нарушил какие-либо нормы УПК, несоблюдение которых существенно повлияло на ход и результаты следственного действия.

Вторая причина, по которой понятые не могут подтвердить, что они присутствовали при том или ином действии одного из участников следственно-оперативной группы (например, специалиста-криминалиста, кинолога, оперативного работника и др.), заключается в том, что они находятся, как правило, рядом со следователем, наблюдают, в основном, за его действиями, а действия других участников могут зафиксировать, если те попадают в поле их зрения. Если, например, в ходе осмотра места происшествия специалист-криминалист по заданию следователя обнаружил на объекте какие-либо следы и доложил об этом следователю, о чем была произведена запись в соответствующем протоколе, понятые, принимая на веру слова специалиста, подтверждают факт, которого они сами не наблюдали.

Еще одна ситуация, при которой понятые ограничены в возможности полностью наблюдать за ходом следственного действия может возникнуть при производстве, например, обыска по месту жительства. Так, в соответствии с криминалистическими рекомендациями «войдя в помещение, следователь предъявляет обыскиваемому свое служебное удостоверение, знакомит с постановлением и предлагает удостоверить этот факт своей подписью. Одновременно он поручает оперативным сотрудникам милиции быстро осмотреть все помещение, установить, кто в нем находится, не дать им скрыться или предпринять меры по сокрытию либо уничтожению искомого, собрать всех присутствующих в одном месте и наблюдать за ними» [3, с. 599]. Значит, на какое-то время эти оперативные сотрудники исчезают из поля зрения понятых. Практике известны случаи, когда в ходе таких обысков в присутствии понятых находили пакетик с наркотиком, патроны, на которых отсутствовали следы подозреваемого.

В связи с приведенными примерами попробуем принципиально определить с ролью понятых в расследовании.

Предполагается, что понятые, как незаинтересованные свидетели, своими дополнительными подписями в протоколах некоторых следственных действий подтверждают, что их содержание адекватно отражено в этих протоколах. Проследим, какая из процессуальных сторон, когда и в какой мере нуждается в таких дополнительных свидетелях.

Сторона защиты желает видеть в понятых дополнительную гарантию того, что следователь в присутствии посторонних не допустит безнаказанно явных нарушений прав и законных интересов обвиняемых и подозреваемых.

Сторона обвинения полагает, что наличие понятых – это гарантия от необоснованных со стороны защиты жалоб по поводу нарушений первой каких-либо нарушений закона.

Суд прибегает к допросу понятых, если поступит обоснованное ходатайство обвинения или защиты.

Интересен и не вполне понятен избирательный подход законодателя к определению перечня следственных действий, которые требуют обязательного присутствия понятых. Если предположить, что основанием для очерчивания их круга является повышенный риск нарушения чьих либо прав и законных интересов в ходе их проведения, непонятно, почему допрос не включен в их число. Практика показывает, что число жалоб со стороны допрашиваемых на нарушения закона в ходе допроса не меньше числа жалоб от участников других следственных действий. Кроме того, известно, что задаваемые иногда следователем наводящие вопросы, завуалированные угрозы тем более не находят отражение в протоколе и поэтому остаются для правосудия незаметными. Это не улучшает качество следования.

В ч. 3 ст. 170 УПК РФ указано на некоторые возможности следователя отказаться от привлечения лиц для участия их в качестве понятых в любом следственном действии. Эта возможность ограничена, как конкретными, указанными в статье причинами, так и требованием применения в замену понятых технических средств фиксации хода и результатов этого следственного действия (если это возможно). Полагаем что наличие части 3 ст. 170 УПК РФ в значительной мере сводит на нет обязательность исполнения части первой этой же статьи. Так, при достаточной сообразительности следователя под ее действие подпадают случаи производства следственных действий в сельской, заболоченной или гористой местности, в ночное время, на шоссе, железной дороге, на воде и т.д. И здесь возможны спорные моменты, которые в суде могут трактоваться неоднозначно.

Полагаем, что привлечение понятых для участия в любом следственном действии должно стать не только в случаях, предусмотренных в ч.ч. 1.1, 2, 3 ст. 170 УПК РФ (в ред. от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ), а **во всех случаях** (выделено нами – Авт.) правом, а не обязанностью следователя как представителя стороны обвинения, особенно в ситуациях, когда он ожидает неординарных поступков от иных его участников.

Обвиняемому (подозреваемому), участвующему в следственном действии, не нужны понятые, т.к. рядом находится защитник, обладающий большими, чем понятые возможностями в обнаружении и фиксации всяких

(в том числе и процессуальных) нарушений порядка производства этого следственного действия.

Иные участники (например, потерпевший, свидетель) для этой цели могут привлекать юристов в качестве представителя или адвоката. Полагаем, что в законе должно быть указано об обязанности следователя перед каждым следственным действием с их участием предупреждать их о такой возможности и обеспечивать ее реализацию. В статье 167 УПК РФ уже предусматривается возможность следователю выбора в качестве участника следственного действия защитника, законного представителя, представителя как альтернативы понятым.

Библиографический список

1. *Хитрова, О. В.* Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве [Текст]: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / О. В. Хитрова; Академия МВД России. – М., 1996.
2. Уголовный процесс Российской Федерации [Текст]: учебник / отв. ред. проф. А. П. Крутиков. – М.: Проспект, 2009.
3. *Аверьянова, Т. В.* Криминалистика [Текст]: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Российская; под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М), 2000.

А. С. Сенцов, В. А. Волколупова

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

**Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте России»**

ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России»

Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Охрана субъективных прав и законных интересов граждан и организаций осуществляется в том числе и путем рассмотрения судами административных, арбитражных, гражданских и уголовных дел. Для справедливого разрешения дела и вынесения законного и обоснованного судебного акта необходимо полное и точное установление всех юридически значи-

мых фактических обстоятельств содеянного. Поэтому любые изменение, подделка или искажение доказательств препятствуют установлению объективной истины по соответствующему делу, а также всегда создают угрозу причинения существенного вреда дополнительному объекту посягательства – законным правам и интересам граждан или юридических лиц, являющимися участниками судопроизводства.

Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств предусмотрена в статье 303 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее, если иное не оговорено, – УК РФ). Включение в УК РФ данной статьи было обусловлено необходимостью усиления охраны важнейших принципов судопроизводства, защиты конституционных гарантий правосудия, а также законных прав и интересов судопроизводства.

В последнее время наблюдается динамика роста числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ. Так, в 2008 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 285 фактов фальсификации доказательств, привлечены к уголовной ответственности – 151 человек, в 2009 г., соответственно, – 302 (165), в 2010 г. – 254 (199), в 2011 г. – 396 (255), в 2012 г. – 496 (200) [4]. Нетрудно увидеть, что число выявленных преступлений данного вида значительно больше, чем осужденных «фальсификаторов».

Однако реальное количество фактов фальсификации доказательств значительно больше, но они зачастую игнорируются правоохранительными органами, и данные преступления являются высоколатентными.

Анализ правоприменительной практики показывает, что при квалификации действий, предусмотренных ст. 303 УК РФ, часто возникают трудности в определении круга субъектов рассматриваемого преступления, что обусловлено недостаточной теоретической разработанностью уголовно-правовых аспектов проблемы регламентации ответственности за фальсификацию доказательств.

Статья 74 УПК РФ предусматривает, что доказательствами по уголовному делу признаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном уголовно-процессуальным законом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела по существу.

В качестве доказательств в уголовном процессе допускаются: показания подозреваемого, обвиняемого; показания потерпевшего, свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы [3].

Однако перечень возможных субъектов фальсификации доказательств не исчерпывается названными лицами.

В ст. 303 УК РФ законодатель выделил три самостоятельных, различных по характеру вида фальсификации доказательств. В ч. 1 ст. 303 УК РФ установлена ответственность за фальсификацию доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем.

Ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ предусматривают более строгую уголовную ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, или защитником.

Федеральным законом № 207-ФЗ от 29 ноября 2012 г. [5] в ст. 303 УК РФ были внесены существенные изменения и дополнения, в частности, в ней предусмотрена ч. 4, в которой установлена ответственность за фальсификацию результатов оперативно-разыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-разыскных мероприятий в целях преследования лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Таким образом, в ст. 303 УК РФ указан исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть признаны субъектами данного преступления. На наш взгляд, данный перечень явно заужен. В реальной действительности круг лиц, которые имеют доступ к материалам уголовного дела и фактически способны фальсифицировать доказательства по уголовному делу значительно шире [2, с. 15].

Так, согласно п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ потерпевший по уголовному делу наделяется правом собирать и представлять доказательства органам предварительного расследования и суду. Однако, несмотря на то, что по гражданскому делу потерпевший является субъектом фальсификации доказательств, по уголовному делу он таковым не может быть признан, хотя его вмешательство в ход судебного или предварительного расследования – достаточно распространенное явление.

Кроме потерпевшего участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения являются гражданский истец и представители потерпевшего и гражданского истца. Согласно ч. 4 ст. 44 УПК РФ гражданский истец вправе представлять доказательства. Для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители. В ч. 3 ст. 45 УПК РФ указано, что «законные представители и представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица».

В правоприменительной практике нередко встречаются факты подлога данными лицами официальных документов, используемых в качестве доказательств по делу. В этом случае эти лица будут привлечены к уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ.

На наш взгляд, представляется целесообразным расширить круг субъектов, указанных в ч. 2 ст. 303 УК РФ, и отнести к ним также потерпевшего, гражданского истца и их представителей.

Заслуживает одобрения и поддержки включение в ст. 303 УК РФ новой части 4, предусматривающей уголовную ответственность лиц, уполномоченных на проведение оперативно-разыскных мероприятий. Однако законодатель признал данных лиц субъектом названного преступления лишь в случае фальсификации ими результатов оперативно-разыскной деятельности. Таким образом, фальсификация указанными лицами собственно доказательств по уголовному делу не является основанием привлечения их к уголовной ответственности по ст. 303 УК РФ. Следует обратить внимание на то, что в правоприменительной практике чаще всего фальсифицируют доказательства именно оперативные работники. Обычно данные лица участвуют в фальсификации таких доказательств, как протокол осмотра места происшествия, протокол личного досмотра, протокол обыска.

Представляется, что не следует ограничивать предмет преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ только результатами оперативно-разыскной деятельности, и предусмотреть ответственность оперативных работников и за фальсификацию самих доказательств.

Кроме того, возникает вопрос о том, с учетом каких критериев были определены виды и размеры наказаний, установленных в санкции ч. 4 ст. 303 УК РФ? Согласно ч. 2 ст. 303 УК РФ максимальное наказание за фальсификацию доказательств дознавателем, следователем, прокурором или защитником предусмотрено в виде лишения свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок. Поэтому не вполне понятно, в силу каких причин за фальсификацию оперативным работником результатов ОРД установлена более строгая санкция и возможно максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет (на год больше, чем следователю, прокурору или защитнику за аналогичное деяние).

Довольно распространенными фактами являются фальсификация доказательств судьями. Но количество судей привлеченных к уголовной ответственности за подделку документом составляет единицы. Как правило, применяемые к ним меры ограничиваются дисциплинарной ответственностью в виде досрочного прекращения полномочий. Эти факты подтверждаются тем, что Высшая квалификационная коллегия судей ежегодно прекращает полномочия примерно 50 членов судебного сообщества (мировых судей, судей арбитражных судов и судей судов общей юрисдикции), в том числе выявляя в их действиях факты фальсификации судебных доказательств [1, с. 3].

Согласно ст. 83 УПК РФ протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если

они соответствуют требованиям, установленным уголовно-процессуальным кодексом.

Судья, а также его помощник и секретарь судебного заседания принимают непосредственное участие в оформлении протокола судебного заседания, поэтому целесообразно также включить их в круг субъектов фальсификации доказательств. Следует заметить, что согласно ч. 2 и ч. 3 ст. 295 УК Республики Беларусь судья является субъектом фальсификации доказательств.

К числу лиц, имеющих возможность и способных на фальсификацию вещественных или письменных доказательств и могущих искусственно создавать доказательства по делу, относятся также эксперты и специалисты. При проведении судебной экспертизы или криминалистического исследования у них есть реальная возможность совершить данные действия. Исходя из этого, указанных лиц также следовало бы признать субъектами преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ.

Представляется целесообразным включить в ст. 303 УК РФ новую норму и криминализировать в ней фальсификацию доказательств по административным делам, рассматриваемым в суде, поскольку в новых социально-экономических условиях такие деяния тоже создают реальную угрозу интересам правосудия и способны причинить существенный вред законным правам и интересам граждан, а также охраняемым законом интересам общества или государства.

Таковы основные направления совершенствования уголовно-правовых средств противодействия фальсификации доказательств. Их реализация в законотворческой и правоприменительной деятельности будет способствовать усилению охраны прав и законных интересов участников судопроизводства.

Библиографический список

1. *Благодарь, И. С.* Фальсификация доказательств: ответственность и вопросы квалификации [Текст]: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / И. С. Благодарь. – М., 2008.
2. *Кибальник, А.* Фальсификация доказательств: уголовная ответственность [Текст] / А. Кибальник, В. Майборода // Законность. – 2009. – № 1.
3. *Метельский, П. С.* Привлечение к ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу [Текст] / П. С. Метельский // Уголовный процесс. – 2009. – № 1.
4. Состояние преступности // Статистика // Пресс-центр // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (дата обращения: 27.03.2013).
5. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон: от 29.11.2012 № 207-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 49. – Ст. 6752.

О. А. Сергачева

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННОГО ХАРАКТЕРА
В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ИТАЛИИ**

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Анализируя особенности осуществления публичных закупок (закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд) нельзя обойти вниманием и вопросы, касающиеся ответственности за нарушение правовых норм, регулирующих рассматриваемую сферу. В настоящей статье автор хотел бы остановиться на исследовании особенностей гражданско-правовой ответственности, возникающей в результате действий коррупционного характера должностных лиц, осуществляющих свою профессиональную деятельность в сфере публичных закупок.

Несомненно, что коррупционные, неправомерные действия (и не только при осуществлении закупок для государственных и муниципальных нужд) могут повлечь не только гражданско-правовую, но и административно- и уголовно-правовую ответственность. Между тем, особенный интерес представляет для нас в контексте настоящей статьи именно гражданско-правовая ответственность, проанализировать которую автор предлагает в свете законодательства Итальянской Республики.

Коррупция при осуществлении государственных и муниципальных закупок может породить различного рода нарушения законодательства, в первую очередь, конечно, на стадии подготовки к заключению публичного контракта (при осуществлении процедур отбора контрагента, наилучшим образом отвечающего требованиям, предусмотренным в соответствующей документации – конкурсной, аукционной, и т. д.). Действия коррупционного характера имеют место чаще всего на данной стадии размещения заказа, что обусловлено намерением недобросовестного публичного заказчика заключить контракт с лицом, заведомо не готовым к выполнению условий публичного контракта на должном уровне, за денежное вознаграждение (взятку). В связи с этим следует остановиться на одной из разновидностей гражданско-правовой ответственности, вызывающей в науке гражданского права наибольшее количество дискуссий. Речь идет о преддоговорной (или предконтрактной) ответственности – так называемой, *culpaincontrahendo*. Как следует из названия, рассматриваемый вид гражданско-правовой ответственности возникает до того, как стороны вступили в контрактные

отношения. В итальянской правовой доктрине вопрос о правовой природе такой ответственности не решен однозначно.

Анализируя особенности так называемой «преддоговорной ответственности публичной администрации» – *«laresponsabilità precontrattuale della Pubblica Amministrazione»*, следует отметить, что в итальянской юридической доктрине институт общей преддоговорной ответственности регулируется ст.ст. 1337 и 1338 Гражданского кодекса Итальянской Республики [1]. Ст. 1337 обязывает потенциальных контрагентов действовать в соответствии с принципом добросовестности при ведении переговоров и при заключении контракта. В соответствии со ст. 1338 Гражданского кодекса Итальянской Республики, сторона, которая знает или должна знать о наличии основания, предопределяющего недействительность заключаемого контракта, но не сообщает об этом своему контрагенту, обязана возместить вред, возникший вследствие доверия к действительности сделки.

Положения Гражданского кодекса Итальянской Республики в этом случае распространяются и на публичную администрацию, однако, с некоторыми оговорками. При рассмотрении положений ст.ст. 1337 и 1338 указанного кодекса можно сделать неоднозначные выводы об их применимости к деятельности публичной администрации в процессе заключения публичного контракта.

Когда речь идет о процедурах размещения заказов, сопряженных с прямым заключением публичного контракта, с переговорами заказчика и претендентов, положения ст.ст. 1337 и 1338 ГК Италии применимы в полном объеме: действительно, в ходе таких переговоров публичная администрация обязана следовать принципу добросовестности, и его нарушение становится причиной возникновения преддоговорной ответственности с одновременным появлением права у другой стороны требовать возмещения ущерба в соответствии со ст. 1338 ГК Италии. Что касается действия указанных статей в случае размещения заказов путем проведения конкурентных закупочных процедур, то в этом случае наступление преддоговорной ответственности обусловлено некоторыми особенностями.

В течение долгого времени доктрина отрицала возможность существования преддоговорной ответственности публичной администрации в таких случаях, отмечая, что в процессе осуществления публичных конкурентных закупок Администрация издает акты административного характера, в результате чего контрагент не является стороной, занимающей в этих отношениях равное положение, и, как следствие, речь о гражданско-правовых отношениях на преддоговорной стадии идти не может [2]. Однако в последнее время наметилась общая тенденция к признанию преддоговорной ответственности публичной администрации (с установлением некоторых особенностей).

На сегодняшний день в правовой доктрине Италии принято выделять два вида преддоговорной ответственности при осуществлении публичных закупок [3, р. 402-420; 4, р. 161-167]:

1) «ложная» преддоговорная ответственность (*laresponsabilità precontrattua lespuria*) – может возникать в случае, когда в процессе публичных конкурентных закупок публичная администрация издает не соответствующие закону административные акты, то есть, действует как управленец, тем самым ставя под сомнение всю процедуру отбора контрагентов. В данном случае наступает преддоговорная ответственность, но она не носит гражданско-правового характера, поэтому именуется ложной. Дела из таких нарушений подведомственны административному судье;

2) «истинная» преддоговорная ответственность (*laresponsabilità precontrattua lepura*) или преддоговорная ответственность (*laresponsabilità precontrattuale*) – возникает в случае, когда публичная администрация нарушает в процессе отбора контрагентов требования законодательства (например, инициирует процедуру публичных закупок при отсутствии необходимого финансирования, объявляет о торгах на право возведения здания без предварительного проведения обязательных исследований местности, уклоняется от заключения публичного контракта с победителем торгов в установленные законодательством сроки и т. д.).

В данном случае можно сделать вывод, что, во-первых, преддоговорная ответственность как одна из разновидностей гражданско-правовой ответственности может наступать, в том числе, и за действия коррупционного характера в сфере публичных закупок в Италии, а во-вторых, что такая ответственность корректно должна именоваться «истинной» преддоговорной ответственностью. В целом же вполне очевидно, что «истинная» преддоговорная ответственность органов публичной администрации обладает рядом особенностей по сравнению с институтом общей преддоговорной ответственности.

Библиографический список

1. Codice Civile della Repubblica Italiana. Regio Decreto 16 marzo 1942, n. 262 – Approvazione del testo del Codice civile // Gazzetta Ufficiale (edizione straordinaria) n. 79 del 4 aprile 1942. Testo coordinato ed aggiornato con le successive modifiche ed integrazioni.

2. Conte, R. Nota a Consiglio di Stato, sez. V, 30 dicembre 2011, n. 7000 in tema di responsabilità precontrattuale della P.A. [Risorsa elettronica]. – Modalità di accesso: <http://www.ildirittoamministrativo.it/allegati/NOTA%20A%20CONSIGLIO%20DI%20STATO,%20SEZ.%20V,%2030%20dicembre%202011,%20n.%207000.pdf> (дата обращения 12 августа 2012 года)

3. Caringella, F. Corso di diritto amministrativo [Testo] / F. Caringella. – I, Giuffrè, Milano, 2004.

4. Andreis, M. Responsabilità della pubblica amministrazione: quale giurisdizione? [Testo] / M. Andreis. – Giuffrè. Bergamo, 2010.

С. С. Симонова

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Становление и развитие российского уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних традиционно вызывает большой научный интерес у исследователей. Этот процесс имел в России свою специфику, которую автор характеризует в данной работе. Особого внимания заслуживает эволюция проблемы обеспечения прав несовершеннолетних участников российского уголовного судопроизводства в дореволюционной России.

Проведенный анализ российского дореволюционного законодательства позволил автору выделить несколько этапов развития правовой регламентации прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. Рассмотрим данные этапы.

Первый этап охватывает период с XVII до первой половины XVIII вв. Российское законодательство вплоть до XVII в. не регламентировало вопросы правового положения несовершеннолетних участников уголовного процесса. В соответствии с Соборным уложением 1649 г., родители могли наказывать своих детей без суда. Детям запрещалось жаловаться и обращаться в суд с челобитными на своих родителей. Такие жалобы не рассматривались, а жалобщиков «били кнутом нещадно». Дети за убийство родителей карались смертью «безо всякие пощады», а родители за убийство ребенка подвергались тюремному заключению сроком на один год (тогда как за убийство постороннего человека предполагалась смертная казнь) [7, с. 433].

Единственной гарантией защиты прав малолетних в рассматриваемый период являлась ст. 79 Сысского приказа 1666 г., в которой запрещалось применение смертной казни к лицам, совершившим убийство в возрасте до 7 лет. [4, с. 87]

Источники уголовного права периода правления Петра I (например, Артикулы Воинские 1715 г., Воинский устав 1716 г.), закрепляя в целом курс на ужесточение карательной политики, предусматривали введение положений, развивавших принцип индивидуализации и смягчения наказания, в частности, в отношении несовершеннолетних. Так, малолетство и несовершеннолетие учитывались в качестве факторов, смягчающих либо исключających наказание. В Воинском уставе Петра I 1716 г. в статье 195 отмечено: «Наказание за воровство обыкновенно умалется или весьма оставляется, ежели... вор будет младенец, который, дабы заранее его от сего отучить, может от родителей своих лозами наказан быть» [11, с. 345].

В начале XVIII в. одной из гарантий защиты прав несовершеннолетних являлся запрет пыток в их отношении, закрепленный в ч. 10 гл. 6 «Краткого изображения процессов и судебных тяжб» 1715 года. [3, с. 304-322.]

Сенатским указом Елизаветы Петровны от 23 августа 1742 г. устанавливалось, что «малолетними» как мужского, так и женского пола нужно считать лиц до 17 лет и что таковых нельзя подвергать тем же наказаниям, что и взрослых. Несовершеннолетние преступники вместо смертной казни и кнута наказывались плетьюми и отсылались в монастыри под караул и покаяние. [5, с. 34]

Рассматриваемый период можно считать первым в истории России, когда защита прав несовершеннолетних становится одним из направлений государственной политики и начинает носить целенаправленный характер.

Второй этап развития системы защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве начинается во второй половине XVIII в. и длится до реформ 1860-х гг.

В годы царствования Екатерины II произошли существенные изменения в сфере уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Указ от 26 июня 1765 г. «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними, и о различии наказания по степени возраста преступников» устанавливал следующее положение: «...с лицами, совершившим преступление в возрасте свыше 17 лет поступать по установленным законам, сохраняя при том к поданным матернее милосердие... употреблять в изыскании справедливости больше милосердия, нежели жестокости; к лицам младше 17 лет, не заслуживающим смертной казни и подлежащим телесному наказанию, применять наказание: от 15 до 17 лет плетьюми, а от 10 до 15 лет розгами, а не батожьями, а тех, кому 10 лет и меньше отдавать для наказания отцам, матерям или помещику» [6].

В соответствии с данным Указом, лица младше 17 лет, которые совершили тяжкие преступления, представлялись в Сенат для рассмотрения дела, а малолетние, совершившие преступления в возрасте от 10 до 15 лет, наказывались розгами. Следовательно, при смягчении уголовной ответственности выделялись три возрастных периода: до 10 лет – полная невменяемость, с 10 до 15 лет и с 15 до 17 лет – смягчение наказания соответственно возрасту несовершеннолетнего. При этом устанавливалась обязанность тщательно проверять возраст преступников.

Таким образом, важным итогом рассматриваемых нововведений стало развитие доктрины об ответственности несовершеннолетних, связанной с постепенным признанием в законодательстве деления молодого возраста на периоды.

Важным аспектом совершенствования института защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве явилось принятие 15 августа

1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, вступившее в действие с 1 мая 1846 г. в период царствования Николая I. В Уложении были более четко определены признаки субъекта преступления, касающиеся возраста. Согласно ст. 100 Уложения, дети, не достигшие 7-летнего возраста и не имеющие достаточного понятия о своих деяниях, не подлежали наказанию за преступления и проступки и отдавались родителям, опекунам или родственникам для воспитания и исправления. Субъектом преступления по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в силу ст. 144 признавалось также физическое вменяемое лицо, достигшее 10-летнего возраста. [9, с. 13] Наказание, которое применялось к лицам, совершившим преступление в возрасте от 10 до 14 лет, при этом смягчалось. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 21 года, согласно ст. 145 Уложения, подвергались тем же наказаниям, что и взрослые преступники, только с некоторым смягчением наказания. [8, с. 277-279]

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в статьях 143–150 главы «Об обстоятельствах, уменьшающих вину и наказание», подробно определяло правила назначения и замены наказания несовершеннолетним. При этом закон разделял следующие возрастные группы несовершеннолетних: от 7 до 10 лет, от 10 до 14 лет и от 14 лет до 21 года. Судебному преследованию не подвергались лица, не достигшие 10 лет.

Уложением 1845 г. предусматривался льготный режим уголовной ответственности для несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет, совершивших преступления «без разумения». Лиц же, которые совершили преступление «с разумением», как правило, направляли в исправительные заведения либо в особые помещения, находившиеся при тюрьмах или домах для арестованных (только до 18 лет) [2, с. 35]. Аналогичные возрастные критерии, позволяющие решать вопросы привлечения лица к уголовной ответственности и наказанию, предусмотрены и в Уложении 1885 г.

Свод законов 1852 г. сохранил прежнюю систему уголовной ответственности несовершеннолетних. Анализируемое Уложение с изменениями и дополнениями действовало до начала XX в., и в отношении возраста уголовной ответственности несовершеннолетних за эти годы ничего не менялось.

Таким образом, в период конца XVIII – середины XIX вв. в российской уголовной науке сложился взгляд на наказание несовершеннолетних, отражавший преимущественно его воспитательный, а не карательный характер. Для рассматриваемого периода было характерно развитие принципов индивидуализации наказания, степени и формы вины преступника, учет его возрастных особенностей, которые, несомненно, носили прогрессивный характер.

Третий этап развития системы защиты прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве охватывает период с реформ 1860-х гг. до октябрьской революции 1917 г. Данный период ознаменован развитием

уголовного и уголовно-процессуального законодательства о повышенной защите прав несовершеннолетних по сравнению со взрослыми.

Важным моментом в сфере уголовно-процессуального законодательства рассматриваемого периода стало принятие Устава уголовного судопроизводства 1864 г., в соответствии со ст. 421 которого, в качестве одного из обстоятельств, учитываемых судебным следователем при решении вопроса об избрании меры пресечения, являлся возраст.

В 1897 г. был принят специальный Закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказании». Положения этого Закона ориентировались на общепринятые прогрессивные тенденции в области назначения наказания несовершеннолетним и свидетельствовали о том, что России не чуждо заимствование передового опыта других государств.

В 1903 г. император Николай II утвердил Уголовное уложение. В ст. 40 Уложения было зафиксировано: «Не вменять в вину преступное деяние, учиненное малолетним, не достигшим десяти лет». Ст. 41 Уголовного уложения 1903 г. устанавливала, что «не вменяется в вину преступное деяние, учиненное несовершеннолетним от десяти до семнадцати лет, который не мог понимать свойства и значение им совершаемого или руководить своими поступками» [10, с. 31].

Уголовное Уложение 1903 г., положения которого содержали нормы о дифференциации и индивидуализации наказания (возрастные и психофизические), подчеркивало обязательность наличия специальных «воспитательно-исправительных заведений», а также недопустимость совместного содержания несовершеннолетних с взрослыми осужденными. [1, с. 137]

Особого внимания заслуживает институт ювенальной юстиции, который появился в начале XX в. Центральным звеном ювенальной юстиции стали специальные суды по делам несовершеннолетних, которые действовали вместе с системой попечительского надзора. Первый такой суд был открыт 22 января 1910 г. в Петербурге, а к 1917 г. они функционировали во многих городах страны. Эти суды «отличались следующими признаками: конфиденциальность судебного разбирательства, отсутствие формальной судебной процедуры, в том числе официального обвинительного акта, упрощенное судопроизводство, сводившееся в основном к беседе судьи с подростком при участии попечителя, применение попечительского надзора в качестве основной меры воздействия» [12, с. 43]

Создание российского суда по делам несовершеннолетних получило высокую оценку теоретиков и практических работников в области юстиции того времени и поставило Россию на передовой план в этом направлении. Данный суд отличался эффективностью, помогал снижать подростковую преступность.

Библиографический список

1. *Беляева, Л. И.* Отечественный опыт правосудия в отношении несовершеннолетних (начало XX века) [Текст] / Л. И. Беляева // Журнал российского права. – 2003. – № 1.
2. *Мельникова, Э. Ю.* Из истории российской ювенальной юстиции [Текст] / Э. Ю. Мельникова // Правозащитник. – 1998. – № 3.
3. Отечественное законодательство XI - XIX веков. – Ч. I: XI - XIX века [Текст] / под ред. О. И. Чистякова. – М.: «Юрист», 1999.
4. *Павлов, В. Г.* Субъект преступления [Текст] / В. Г. Павлов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
5. *Павлов, В. Г.* Субъект преступления в уголовном праве [Текст] / В. Г. Павлов. – СПб.: Санкт-Петербургская юридическая академия, «Издательский Торговый Дом Герда», 1999.
6. Полное собрание законодательства Российской империи. – Т. XVII. – № 12424.
7. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Том 3: Акты Земских соборов [Текст] / под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. О. И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1985.
8. Российские законодательство X-XX вв. Тексты и комментарии. В 9 т. – М.: Юридическая литература, 1989. – Т. 6
9. *Скрипченко, Н. Ю.* Развитие законодательства о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних преступников (досоветский, советский и постсоветский периоды) [Текст] / Н. Ю. Скрипченко // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 1.
10. *Титова, О. Н.* Некоторые особенности расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними [Текст] / О. Н. Титова, О. В. Давыдова // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 6.
11. *Таганцев, Н. С.* Русское уголовное право [Текст] / Н. С. Таганцев. – Тула: Автограф, 2001. – Т. 1.
12. *Филиппов, В.* Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспективы [Текст] / В. Филиппов // Российская юстиция. – 2002. – № 7.

И. Б. Таццишин

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН УКРАИНЫ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

**Львовский национальный университет ветеринарной медицины
и биотехнологий им. С. З. Гжицкого (Украина)**

Постановка проблемы. В административно-правовое регулирование социального обеспечения входят три основные группы общественных отношений: имущественные, управленческие, охранные. Основное

место отводится имущественным отношениям, то есть таким, которые связаны с предоставлением физическим лицам различных видов социального обеспечения. Основной составляющей отношений, составляющих предмет права социального обеспечения, являются пенсионные отношения и отношения по обеспечению пособиями. Сегодня перед учеными в области юриспруденции стоит нелегкая задача определить нормы административного права в системе социального обеспечения, учитывая существующую проблематику в разрезе национальной правовой системы.

Анализ последних исследований. Изучение специфики и правовых основ административно-правового обеспечения государственных социальных гарантий требует более тщательного исследования. Частично этот вопрос исследовали В. Б. Аверьянов, А. Ф. Андрияш, Ю. П. Битяк, И. Л. Бородин, И. Голосниченко, И. А. Иерусалимова, А. Т. Комзюк, А.В. Пабат и др. Цель статьи. Основной целью статьи выступает определение административно-правовых норм в системе социального обеспечения граждан Украины.

Изложение основного материала. Возникновение правовых норм, целостную совокупность которых мы сегодня называем отраслью административного права, связанное с управлением. Управление возникает тогда, когда общество достигает определенного уровня развития. Оно является результатом подъема материальной и духовной культуры. Управление имеет длительную историю, сопровождает человека с первых шагов ее социального развития. [1, с. 15]. Административное право в его классическом понимании возникло тогда, когда Французская революция 1789 г. противопоставила всемогуществу государства права человека и гражданина, то есть когда революционные преобразования заменили «подданного» на «гражданина». Административное право – это право, которое регулирует деятельность государственного властного органа по каждому гражданину, причем так, что связывает в одинаковой степени как гражданина, так и орган власти [1, с. 18].

Административное право фактически являлось инструментом ограничения свободного усмотрения администрации, механизмом защиты гражданина перед администрацией. Внедрение этой концепции вело к развитию правового государства, в котором право является основой гражданской свободы и в которой администрация поставлена в определенные правовые рамки. Только с переходом к современным формам демократического государственного устройства завершилось построение области административного права, которое регулирует более сложный комплекс отношений между государством и обществом. Внедрение этой концепции вело к развитию правового государства, в котором право является основой

гражданской свободы и в которой администрация поставлена в определенные правовые рамки [1, с.19].

В настоящее время административное право отделилось от других отраслей права. Существует большое количество определений административного права:

Административное право – это самостоятельная отрасль права, которая регулирует однородные общественные отношения, в основном, в сфере государственного управления, которое отличается от других отраслей права спецификой предмета и метода регулирования [3, с.8].

Административное право регулирует управленческие отношения и, в том числе, в сфере социальной защиты населения. Это право определяет понятие и структуру социальной сферы в целом и социальной защиты населения, в частности, административно-правовой статус субъектов исполнительной власти в сфере социальной защиты населения [2, с.93].

Нормы административного права закрепляют полномочия органов государственной власти по социальной защите населения, в частности: Верховной Рады Украины, Президента Украины, Кабинета Министров Украины, центральных органов исполнительной власти (Министерства социальной политики Украины, Министерства внутренних дел Украины, Службы безопасности Украины и др.), социальных фондов, местных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления [2, с. 94].

Право социального обеспечения – это организационно-правовая деятельность государства по материальному обеспечению, социальному содержанию, оказанию медицинской помощи за счет специально созданных финансовых источников лиц подвергшихся социальному риску, в результате которого потеряли здоровье и средства к существованию и не могут материально обеспечить себя и своих иждивенцев. Социальное обеспечение предусматривает поддержку всех заинтересованных: работников, пенсионеров, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, малообеспеченных и других согласно законодательству.

Нормы административного права предусматривают систему органов социальной защиты населения, порядок выдачи ими актов нормативного и ненормативного характера, актов применения норм права и осуществление организационных действий. [2, с. 94]. К предмету административного права относятся общественные отношения, возникающие при создании, легализации и деятельности объединений инвалидов, ветеранов труда и войны, других социально незащищенных групп населения, осуществление государственного надзора и контроля за их работой. Значительное внимание уделяется правовому статусу граждан как субъектов административного

права. Раскрывается содержание прав и обязанностей физических лиц в сфере государственного управления социальной защитой населения, особенно права на обращение в органы, занимающиеся социальным обеспечением граждан [2, с.94]. В органах социальной защиты населения введены должности государственных служащих.

Административное право предусматривает условия поступления на государственную службу в эти органы, порядок ее прохождения в органах социальной защиты населения, правила пользования служебными документами. [2, с. 94].

Предметом правового регулирования административного права Украины являются общественные отношения, складывающиеся в сфере государственного управления в процессе организации и практического осуществления исполнительных и распорядительных деятельности органов исполнительной власти государства [3, с.9].

Из этого можно сказать к предмету правового регулирования административного права относят осуществление исполнительной властью своих функций по социальному обеспечению населения Украины. В чистом виде автономных отраслей права не существует. Каждая из них содержит нормы другого отраслевого профиля. Не является исключением и право социального обеспечения. Здесь уместно напомнить, что административное право является материнским относительно права социального обеспечения. Именно от него выделились нормы, регулирующие обеспечение пенсиями и пособиями военнослужащих и других государственных служащих, а также пособиями лиц, деятельность которых не была связана с производством. [2, с. 95].

Выводы. Из вышеприведенного можно сказать, что каждая отрасль права в какой-то степени зависит друг от друга, так же как и административное право связано с правом социального обеспечения. Административное право регулирует управленческие отношения по социальному обеспечению населения Украины с выделением полномочий органов государственной власти в этой области правового регулирования.

Библиографический список

1. Административное право Украины. Академический курс [Текст]: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / [Ред. коллегия: В. Б. Авер, Лукьянов (председатель) и др.]. – М.: Издательство «Юридическая мысль», 2004. – 584с.
2. *Сташків, Б. І.* Теория социального обеспечения [Текст]: учеб. пособие / Б. І. Сташків. – М., 2005. – 405 с.
3. *Тацішин, І. Б.* Административное право Украины [Текст]: учеб. пособие /. Львов.: Новый Мир, 2000; 2011. – 307 [1] с.

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЕТСЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

«Проблемы защиты прав человека имеют как внутригосударственный, так и международно-правовой аспекты. Поскольку люди живут и действуют всегда в условиях политического и правового режима того или иного государства, внутригосударственное обеспечение прав человека является непосредственно действующим, а правовые гарантии их осуществления входят в суверенную компетенцию государства». [1, С. 110]

Международный аспект этой проблемы состоит в стремлении гарантировать права человека путем международного сотрудничества и взаимопомощи. Граждане России имеют право направлять жалобы на нарушения их прав и свобод в Европейский Суд по правам человека, но только при соблюдении условия о том, что все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты должны быть исчерпаны.

Признавая конституционное право на неприкосновенность, Российская Федерация определяет содержание, объем, пределы этого права, гарантии его соблюдения, а также обязанности личности. Они являются главным элементом конституционных правоотношений, возникающих между гражданином и государством. Для каждого отдельного человека смысл этих отношений состоит в охране, а при необходимости защите своих прав, а для государства – в обязанности оказать эту защиту. Причем человек вправе не просить, а требовать защиты тех прав, которые государство признало естественными и неотъемлемыми. Отсутствие или недостаточность обеспечения могут свести на нет права, которые останутся лишь декларацией.

Гарантии – это установленные законом специальные средства и способы, обеспечивающие возможность осуществления лицом принадлежащих ему прав и обязанностей. Они связывают воедино правовое и фактическое положение человека в обществе, служат выражением социальной свободы, ответственности и активности граждан.

Следует различать гарантию права от гарантии обеспечения права. Под гарантией права следует понимать установленные законом условия или механизм обеспечения реализации конкретного права. Такими условиями может быть возможность субъекта самому осуществлять право; соответствующие этому обязанности иных субъектов правоотношения; возможность защиты своего права в случае его нарушения.

По своему содержанию правовые гарантии – это права и свободы, имеющие процессуальный характер: реализуя их, гражданин защищает свои основные права. Однако "гарантированность" означает не только то, что у каждого есть права и обязанности, но и то, что права одних лиц одновременно являются обязанностями других. Поэтому под гарантиями обеспечения прав личности понимается не только правовая регламентация во внутригосударственном и международном законодательстве, но и система экономических, политических, духовных и иных отношений, условий, без которых требования личности к обществу носили бы формальный характер. Иными словами, это объективные и субъективные факторы, которые делают реальным правовой статус личности.

Непосредственное обеспечение права на неприкосновенность личности достигается системой юридических (в первую очередь, уголовно-процессуальных) гарантий прав участвующих в процессе лиц и, прежде всего, обвиняемого (подозреваемого), чье процессуальное положение сопряжено с возможностью применения к нему мер принуждения и пресечения.

Система правовых гарантий включает государственно-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, административно-правовые, гражданско-правовые нормы, а также условия и средства защиты неприкосновенности личности, предусмотренные нормами уголовно-исполнительного права.

Правовые гарантии, именуемые конституционными (или государственно-правовыми), расположены во второй главе Конституции Российской Федерации после перечня прав и свобод – тем самым подчеркивается, что они гарантируют неприкосновенность личности, а также основания и условия ее охраны и защиты. Так как основные конституционные права человека непосредственно действуют в сфере уголовного судопроизводства, именно они, а не интересы государства и общества, должны определять содержание и формы уголовно-процессуальной деятельности, процессуальный статус сторон, участвующих в деле. Вот почему одних конституционных гарантий недостаточно для полного и эффективного гарантирования права на неприкосновенность личности.

«Арест, несомненно, есть ограничение личной свободы. Но означает ли такое ограничение, что широкое конституционное право на неприкосновенность личности гражданина после его ареста перестало действовать, отложено в сторону, забыто? Нет, никоим образом. ...Широкие процессуальные права и гарантии личности в уголовном процессе есть конкретизация конституционного права гражданина на неприкосновенность его личности [2, с.156-157].

К отраслевым гарантиям права на неприкосновенность личности относятся многообразные по своему содержанию средства, конкретизируемые нормами уголовно-процессуального права, обеспечивающие воз-

возможность фактически реализовать предоставленные права, использовать установленные способы их охраны и защиты, а также выполнять возложенные на лиц обязанности. Они реализуются в деятельности суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, а также обвиняемого и его законного представителя, защитника.

Качеством уголовно-процессуальных гарантий прав обладают такие обязанности следователя (лица, производящего дознание), прокурора, суда, как:

а) непосредственно корреспондирующие соответствующим правам обвиняемого (к примеру, обязанности должностного лица предъявить обвинение, разъяснить его сущность и уведомлять лицо о любом изменении обвинения соответствует право обвиняемого знать, в чем он обвиняется; допросить лицо немедленно после предъявления обвинения – право обвиняемого давать показания и т. д.);

б) те, которым взаимосвязь с конкретными правами обвиняемого не свойственна, но в силу своего существа служащие защите прав обвиняемого. Это полномочия следователя (дознателя), прокурора, суда совершать по своей инициативе процессуальные действия, необходимые в данной ситуации для обеспечения прав и законных интересов обвиняемого;

в) обязанность указанных должностных лиц разъяснить подозреваемому (обвиняемому) его права.

В основе правового статуса заключенных под стражу лежат следующие принципиальные положения:

1) на этих лиц распространяется презумпция невиновности, а это значит, что ограничения их правового статуса не могут преследовать целей кары или перевоспитания. Цель заключения под стражу – не получение признания, а предупреждение неправомерного поведения обвиняемого (подозреваемого) и обеспечение возможности вынесения справедливого и законного приговора;

2) заключенные под стражу имеют право на гуманное обращение с ними. Личность и ее достоинство неприкосновенны, отсюда – запрещение обращения, связанного с издевательствами и пытками;

3) они продолжают оставаться гражданами своего государства, сохраняют свой правовой статус;

4) могут в полной мере пользоваться правом на защиту.

«Установленный законом порядок ареста является надежной гарантией личной свободы и неприкосновенности ...граждан, исключает какой бы то ни было произвол в применении столь строгой меры пресечения» [3, с. 89].

Содержащийся под стражей обвиняемый (подозреваемый) вправе обратиться непосредственно или через своего законного представителя с жалобой в суд, если считает, что неправомерными коллегиальными и единоличными решениями или действиями (бездействием) государственных

органов и должностных лиц нарушены его права и свободы. К таким действиям закон относит также действия, в результате которых были созданы препятствия в осуществлении прав. Гражданин освобождается от обязанности доказывать незаконность обжалуемых действий (решений); бремя доказывания законности решений возлагается на соответствующие органы и должностных лиц.

Заключение под стражу признается неправомерным, если: 1) при избрании данной меры пресечения или продлении срока содержания под стражей были допущены существенные процессуальные нарушения; 2) если квалификация деяния неверна, а правильная квалификация исключает возможность заключения лица под стражу, поскольку санкция соответствующей нормы Уголовного кодекса РФ не предусматривает лишения свободы свыше трех лет; 3) в судебное заседание не были представлены материалы, подтверждающие законность и обоснованность применения заключения под стражу или продления срока содержания под стражей; 4) истек предусмотренный срок содержания лица под стражей и не получено судебное решение на его продление; 5) данная мера пресечения по мнению судьи не вызвана необходимостью (не обоснована).

Защита прав и свобод человека (особенно при заключении лиц под стражу) может осуществляться Конституционным Судом РФ в процессе рассмотрения запросов о конституционности законов и подзаконных нормативных актов и официального толкования Конституции Российской Федерации (в соответствии со статьями 30 и 125).

Защиту прав подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, также осуществляет Управление по контролю за соблюдением законности и прав человека в деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

С. И. Викторский писал: «Ввиду того, что последственный арест является только необходимой мерой пресечения, а не карательной, он не должен быть режимом, похожим на существующий в местах отбывания наказаний» [4, с. 34]. «Никакие методы исправления или перевоспитания не должны применяться к лицам, еще не осужденным за какое-либо преступление», – гласит ст. 95 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

При заключении лица под стражу обычно ограничиваются право общения, свобода передвижения, тайна переписки и иные правомочия, из которых складывается право на неприкосновенность личности (производятся личный обыск, принудительное дактилоскопирование и фотографирование и др.). Такие ограничения носят вынужденный характер и имеют регламентированные законом пределы. Однако не должны нарушаться провозглашенные российским уголовно-исполнительным и международным законодательством права заключенных под стражу – например, право не работать, заниматься творчеством, играть в неазартные игры и т. п.

Чтобы нейтрализовать возможность вредного влияния заключенных друг на друга, исключить общение между соучастниками, установлены правила раздельного содержания лиц разных категорий. Так, предусмотрено раздельное размещение обвиняемых и подозреваемых в камерах: мужчин и женщин; лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности, и ранее содержавшихся в местах лишения свободы; подозреваемых и обвиняемых по одному делу.

Право на телесную неприкосновенность ограничивается при применении к заключенному средств усмирения (наручников, смирительной рубашки). Эти крайние меры допустимы, когда заключенный ведет себя агрессивно, реально угрожает жизни и здоровью работников СИЗО или другим заключенным, либо покушается на самоубийство. Смирительная рубашка применяется по заключению и в присутствии врача (фельдшера) на срок не более 2 часов, а при продолжении такого поведения – еще на 2 часа, о чем составляется акт.

Максимальный ущерб телесной неприкосновенности может быть причинен в результате применения оружия. Возможно использование оружия лишь при нападении, если другими средствами его отразить не представляется возможным или при побеге лица. Однако запрещено применять оружие в отношении женщин, несовершеннолетних, слепых, глухих, душевнобольных, а также в местах скопления граждан или в направлении огнеопасных складов. При этом бремя доказывания невиновного применения оружия в отношении названных лиц лежит на администрации места содержания под стражей.

Дознаватель, следователь, прокурор и суд обязаны принять меры к охране интересов обвиняемого (подозреваемого) и уведомить его о принятых мерах:

1) при наличии у лица, заключенного под стражу, несовершеннолетних детей, остающихся без надзора, – передать их на попечение родственников либо других лиц или учреждений. Об этом выносится постановление (определение), которое направляется для исполнения местным органам опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних;

2) при наличии у заключенного под стражу имущества или жилища, остающегося без присмотра, – принять меры к их охране. Имущество передается под расписку родственникам, органам местного самоуправления или жилищным службам местных органов исполнительной власти. Жилище опечатывается, а ценные вещи сдаются на хранение.

Дополнительной гарантией законности и обоснованности применения в качестве меры пресечения заключения под стражу является принятие Правительством РФ перечня тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений [6], а также правил медицинского освидетельствования ука-

занных лиц. В материалах уголовного дела должно содержаться медицинское заключение установленной формы о наличии (отсутствии) у лица тяжелого заболевания.

Особое внимание уделяется правовому статусу несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, заключенных под стражу. В Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, закреплено, что содержащиеся под стражей несовершеннолетние «должны содержаться отдельно от взрослых», а также от осужденных несовершеннолетних. Им дополнительно «должен обеспечиваться уход, защита и вся необходимая индивидуальная помощь – социальная, психологическая, медицинская, физическая, помощь в области образования и профессиональной подготовки, – которые им могут потребоваться ввиду их возраста, пола и личности» [5, чч. 13.4 и 13.5].

Формой государственного контроля за исполнением закона в местах содержания под стражей является прокурорский надзор. Он нацелен на своевременное выявление, пресечение и предупреждение нарушений законности и режима содержания, прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрано заключение под стражу, проверяя соответствие постановления следователя требованиям УПК РФ, установленным в ходе расследования обстоятельствам.

Гарантией предупреждения и своевременного устранения нарушений прав лиц, содержащихся под стражей, является систематическое проведение прокурорских проверок в поднадзорных учреждениях, независимо от наличия сведений о нарушениях законности. Так, прокурор должен проверять законность содержания подозреваемых, обвиняемых в изоляторах временного содержания и на гауптвахтах; тщательно изучать доводы подозреваемого и обвиняемого об их невиновности, оказании давления, нарушении права на защиту, а также в необходимых случаях лично допрашивать лицо, подлежащее аресту (а несовершеннолетнего – в обязательном порядке).

В обязанности прокурора включено также обязательное участие в судебном заседании при рассмотрении судом ходатайств об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей. Он обязан обращать внимание на законность и обоснованность избрания данной меры пресечения обвиняемым (подозреваемым), при этом исходить из требований ч. 2 ст. 108 УПК РФ о том, что к несовершеннолетнему заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено только в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и лишь в исключительных случаях ее избрание допускается в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, совершившего преступление средней тяжести. Исключительный характер этих обстоятельств должен быть подтвержден конкретными фактами [7].

Контроль за деятельностью администрации мест содержания под стражей осуществляет также Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации при проверке жалоб и получении информации о нарушениях прав человека. Уполномоченный ориентируется на международные правовые стандарты в области прав человека. Жалобы лиц, находящихся под стражей, направляются к нему в течение 24 часов, не подлежат рассмотрению администрацией мест содержания и не облагаются государственной пошлиной. Однако он наделен правом исследовать и рекомендовать, но не приказывать и обязывать, так как не связан предметом жалобы, не должен принимать запрашиваемые в жалобе меры. Уполномоченный рассматривает жалобы, в которых оспариваются действия и акты, имевшие место не более чем за год до обращения к нему и отказывает в рассмотрении дела, если заинтересованные лица не обращались ранее в административные или судебные органы.

Заключенным под стражу лицам оказывается юридическая помощь в виде консультирования по правовым вопросам, составления процессуальных документов и, конечно, непосредственно защиты, под которой понимается деятельность по охране прав человека от возможных ограничений и нарушений, а также по возмещению ущерба, причиненного правам и свободам человека при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства. Право на защиту обеспечивает обвиняемому (подозреваемому) и его защитнику возможность обжаловать решение о заключении под стражу. Полагаем, что лицо обладает возможностью пользоваться правовой защитой не только от незаконных действий органов государственного и должностных лиц, но и граждан.

Подозреваемый (обвиняемый) имеет право защищать себя лично или посредством выбранного защитника (представителя), а при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника – бесплатно, когда того требуют интересы правосудия. Обязательное участие защитника предусмотрено ст. 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В качестве защитников допускаются адвокаты, а по определению (постановлению) суда – наряду с адвокатом один из близких родственников или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Адвокат допускается к участию в деле по предъявлению удостоверения и ордера. Он не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого.

Механизм гарантированности права на неприкосновенность личности включает в себя общие (экономические, политические, социальные), организационно-обеспечительные и специальные юридические средства, нацеленные на претворение права в жизнь и ограждение лица от посягательств на него. Юридические гарантии подразделяются, в свою очередь, на две группы – средства, нацеленные на обеспечение реализации права на неприкосновенность личности при заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу, и методы, нацеленные на охрану этого права [8, с. 12].

Подводя итог сказанному, смысл взятых в совокупности гарантий прав заключенных под стражу подозреваемых и обвиняемых заключается в создании условий для защиты личности и осознания человеком своей социальной ценности.

Библиографический список

1. *Гулиев, В. Е.* Демократия и достоинство личности [Текст] / В. Е. Гулиев, Ф. М. Рудинский. – М., 1983.
2. *Цыпкин, А. Л.* Система принципов советского уголовного процесса [Текст] / А. Л. Цыпкин // Научные труды Саратовского юридического института. – Вып. 1. – 1957.
3. *Манаев, Ю. В.* Применение мер пресечения следователем (по материалам следственных органов МВД СССР) [Текст] / Ю. В. Манаев, В. С. Посник, В. В. Смирнов. – Волгоград, 1976.
4. *Викторский, С. И.* Русский уголовный процесс [Текст] / С. И. Викторский. – М., 1997.
5. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних: приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г. (г. Пекин).
6. Российская Федерация. Правительство. О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений: постановление: от 14 января 2011 г. № 3 // Российская газета. – 2011. – 21 января (в ред. от 04.09.2012 г.).
7. Российская Федерация. Генеральная Прокуратура. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ: от 02 июня 2011 г. № 162 // Законность. – 2011. – № 11.
8. *Благодарная, В. Н.* Реализация конституционного права на неприкосновенность личности при заключении человека под стражу [Текст]: автореф. дис. ... к.ю.н. / В. Н. Благодарная. – Волгоград, 2004.

В. А. Шабунин

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В УСЛОВИЯХ РАСШИРЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ ПРОЦЕССА

**Грязинский межрайонный следственный отдел следственного управления
Следственного комитета РФ по Липецкой области (г. Липецк, Россия)**

Наиболее продуктивным с точки зрения раскрытия сущности судебного контроля на досудебных стадиях процесса, установления его предмета и пределов (а, значит, и решения вопроса о соотношении с контрольными

полномочиями руководителя СО) является вычленение двух разновидностей данной судебной деятельности: предупредительный контроль (дача судом разрешений на производство процессуальных действий) и последующий (проверка судом законности и обоснованности уже совершенных или совершаемых действий либо решений, принятых в ходе досудебного производства).

В соответствии с положениями ст. 29 УПК РФ, целый ряд процессуальных действий могут быть проведены следователем только по судебному решению (причем их перечень постоянно расширяется законодателем): осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (ст. 176 УПК РФ); обыск и выемка в жилище (ст. 182 УПК РФ); личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных законом (ст. 93, 184 УПК РФ); некоторые виды выемки (ч. 4 ст. 183, ст. 185 УПК РФ); контроль и запись телефонных и иных переговоров (ст. 186 УПК РФ); получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Следователь должен также получить решение суда при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога (ст. 106, 107, 108 УПК РФ); продлении срока содержания обвиняемого под стражей и домашнего ареста (ст. 109 УПК РФ), а также при производстве ряда процессуальных действий (ст.ст. 114, 115, ч. 3 ст. 178, 195, 203 и др. УПК РФ).

Несмотря на то, что в процессуальной литературе высказываются предложения о дальнейшем расширении пределов судебного контроля на досудебных стадиях процесса [8, с. 6], на наш взгляд, ныне предупредительный судебный контроль за предварительным следствием является явно чрезмерным, не обеспечивающим баланса между соблюдением прав граждан при производстве по уголовному делу и эффективностью самого расследования. Как справедливо указывается, судебный контроль за проведением следственных действий часто носит формальный характер, суды практически не отказывают в удовлетворении ходатайств о проведении следственных действий, но длительность процедуры негативно влияет на последующий результат [10, с. 83].

По опубликованным данным, судами удовлетворяется до 98,8 % ходатайств о производстве осмотра, обыска, выемки [7, с. 43]. Результаты анкетирования следователей, проведенного при подготовке настоящего исследования, говорят о том, что в 93 % случаев суды автоматически дают разрешение на проведение следственных действий, не вдаваясь в оценку обоснованности их проведения. «Судьи, как правило, соглашаются с ходатайствами следователей... и штампуют их без проведения исследования. К ходатайствам довольно часто не прилагаются обосновывающие их материалы. В случаях, не терпящих отлагательства (они в законе не указаны),

следователь применяет довольно распространенные меры принуждения (осмотр жилища, обыск и выемку в жилище, личный обыск) без судебного решения... Отказ в удовлетворении ходатайств следователей о применении мер процессуального принуждения – довольно редкое явление в судебной практике, и этот важный институт демократически устроенного судопроизводства фактически бездействует» [9, с. 71].

По нашему мнению, следователь под контролем руководителя следственного органа в состоянии объективно решить вопрос о целесообразности проведения следственного действия по конкретному уголовному делу, тем более, что его законность может быть в последующем оспорена стороной. Наличие же судебного решения практически создает ситуации, когда законность и обоснованность проведения следственного действия является неоспоримой.

Говоря о последующем судебном контроле, некоторые ученые отмечают, что он также зачастую создает неоправданные препятствия в осуществлении производства по уголовному делу, без необходимости ограничивая процессуальную самостоятельность и независимость следователя, так как ныне УПК РФ допускает возможность судебного обжалования практически любого решения и действия следователя. Это не отвечает публичным интересам и создает препятствия для органов предварительного расследования в распоряжении своими процессуальными полномочиями по ведению следствия [3, с. 54].

Правы те авторы, которые считают, что судебный контроль, важность и необходимость которого не вызывает сомнений, вполне может быть эффективным и достаточным, если он будет, главным образом, последующим, проводящимся по жалобам заинтересованных участников уголовного судопроизводства [12, с. 3-5; 5, с.74; 6]. Это не исключает возможности улучшения качества последующего судебного контроля. В частности, речь идет об участии в судебном разбирательстве заинтересованных участников процесса. Ст. 165 УПК РФ не предусматривает участия заинтересованных лиц в рассмотрении судьей ходатайства следователя о проведении следственного действия. Однако, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ, при рассмотрении уведомления о проведении следственного действия без разрешения суда, когда такое разрешение обязательно, в судебном заседании помимо прокурора, следователя и дознавателя могут принять участие лица, конституционные права и процессуальные интересы которых данным следственным действием были нарушены (подозреваемый, обвиняемый, иные лица), а также их защитники и представители [3].

В другом своем определении Конституционный Суд РФ также подчеркнул, что в виду сжатых сроков рассмотрения судьей ходатайства следователя о проведении следственного действия участие граждан в судеб-

ном заседании законом не предусматривается. Вместе с тем не предусматриваются и какие-либо ограничения права лица, подвергнутого обыску, довести до суда свою позицию относительно законности проведенного обыска [2].

По нашему мнению, в процессуальное законодательство целесообразно ввести норму, закрепляющую обязанность суда уведомлять заинтересованных лиц о проверке законности и обоснованности следственного действия. И, даже, несмотря на то, что рассмотрение такой жалобы будет осуществляться постфактум, носить характер последующего судебного контроля, эта форма защиты своих прав и интересов участниками процесса представляется достаточно эффективной.

В целом же, думается, что, исходя из положений Конституции РФ, получение судебного разрешения должно быть сохранено только на производство таких следственных действий, как осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, обыск или выемка в жилище, выемка почтово-телеграфной корреспонденции, контроль и запись телефонных и иных переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. В отношении иных следственных действий предварительный судебный контроль может быть устранен с сохранением возможности обжалования в суд законности и обоснованности производства следственного действия. В крайнем случае, в законе может быть закреплена обязанность следователя уведомлять суд о производстве тех следственных действий, которые сейчас проводятся по судебному решению, как это установлено сейчас ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

Как представляется, последующий судебный контроль за производством предварительного расследования является более эффективным, нежели превентивный. В настоящее время в сферу контроля суда за производством, например, обыска попадает только лишь его обоснованность с точки зрения следователя, поскольку судебный контроль «имеет своим содержанием предупреждение возможных ошибок органов предварительного расследования и исправление допущенных нарушений» [11, с. 24]. Однако вопрос о законности фактического производства следственного действия судьей не рассматривается. Если же судье на проверку будут попадать материалы уже проведенного обыска, то этот вопрос неизбежно будет решаться. На основе документов о проведенном следственном действии можно судить не только об обоснованности, но и о законности проведенного обыска. Как правильно отмечает В. В. Бородин, «потенциал судебного контроля следует использовать не только с целью предупреждения случаев безосновательного производства следственных действий, но также для проверки соблюдения установленных законом правил производства данных действий во всех необходимых случаях, а не только при поступлении в суд жалобы. Это возможно обеспечить посредством обязательного и

немедленного уведомления судьи об исполнении его решения с приложением к уведомлению копий соответствующих процессуальных документов. Кроме того, представляется необходимым указать в УПК, что для проверки соответствия закону действий должностных лиц, производивших следственное действие, судья правомочен получить дополнительную информацию, в том числе путем заслушивания проживающих в данном жилище, а также других лиц, участвовавших в следственном действии» [4, с. 40].

Библиографический список

1. Российская Федерация. Конституционный Суд. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Дементьевой Аиды Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение: от 10 марта 2005 г. № 70-О // СЗ РФ. – 2005. – № 20. Ст. 1917.
2. Российская Федерация. Конституционный Суд. По жалобам граждан Арбузовой Елены Николаевны, Баланчуковой Александры Васильевны и других на нарушение их конституционных прав частями третьей и пятой статьи 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение: от 16 декабря 2008 г. № 1076-О-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 3.
3. Багаутдинов, Ф. Н. О содержании судебного контроля на предварительном следствии [Текст] / Ф. Н. Багаутдинов // Журнал российского права. – 2002. – № 12.
4. Бородинов, В. В. Невостребованный потенциал судебного контроля [Текст] / В. В. Бородинов // Российская юстиция. – 2006. – № 5.
5. Быков, В. М. Правовые основания и условия производства следственных действий по УПК РФ [Текст] / В. М. Быков // Уголовное право. – 2007. – № 1.
6. Быков, В. М. Предварительный судебный контроль за процессуальными решениями и действиями следователя [Текст] / В. М. Быков // Право и политика. – 2012. – № 4.
7. Курченко, В. Н. Судебный контроль за производством отдельных следственных действий [Текст] / В. Н. Курченко // Уголовный процесс. – 2007. – № 3.
8. Петрухин, И. Л. Проблема судебной власти в современной России [Текст] / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 2000. – № 8.
9. Петрухин, И. Л. Реформа уголовного правосудия в России не завершилась [Текст] // Законодательство. – 2006. – № 3.
10. Татьяна, Л. Г. Стратегии следственной деятельности [Текст] / Л. Г. Татьяна // Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» 11-12 октября 2007 г. – СПб., 2007.
11. Трунов, И. Л. Меры пресечения в уголовном процессе [Текст] / И. Л. Трунов, Л. К. Трунова. – СПб., 2003.
12. Якимович, Ю. К. Прокурорский надзор и судебный контроль за предварительным расследованием [Текст] / Ю. К. Якимович // Новое российское законодательство и практика его применения. Материалы конференции. Барнаул, 1997.

Т. Н. Шамонова

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЧНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

**ФГКОУ ВПО «Московский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»**

Становление правового государства, переход к новым демократическим формам судопроизводства протекают в сложных условиях нашей страны, проявляющихся, в частности, в росте преступности и негативных изменениях ее качественных показателей. Это еще более затрудняет решение актуальной и сегодня проблемы обеспечения прав личности в уголовном процессе.

В ст. 6 УПК РФ «Принципы уголовного судопроизводства» представлена система принципов, закрепляя и конкретизируя основные международные стандарты защиты прав и свобод человека и гражданина, отражая уголовно-процессуальную политику государства и правовое положение личности в уголовном процессе. Это закономерно для правового государства. При этом «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», а «в случаях, предусмотренных федеральным законом», или «на основании судебного решения» возможно ограничение того или иного права (ч. 3 ст. 55) [1]. Эти положения Конституции РФ должны стать основополагающими в деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений, в решениях, затрагивающих права личности.

В литературе и публичных выступлениях время от времени обсуждаются вопросы о совершенствовании уголовного судопроизводства, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела. Так, в рекомендациях, обращенных к участникам конференции «Правовое и криминалистическое обеспечение расследования преступлений» в 2011 г., говорилось, в частности, об отказе «от процессуальной формы о возбуждении уголовного дела», а «основанием для начала производства по уголовному делу будет заявление, сообщение о преступлении», санкционируемое «письменным указанием начальника органа дознания, руководителя следственного органа о начале производства по уголовному делу» [2]. Высказывая свое мнение, некоторые авторы ссылались на формируемые процессуальные отношения (ст. 141-143 УПК) еще при приеме заявлений о преступлении. Постановление же о возбуждении дела и есть его начало, необходимость начать следствие, исследуя обстоятельства преступления. Вряд ли, на наш взгляд, руководители дадут резолюцию на каждое заявление, не убедившись, есть ли в нем признаки преступления. Если подобное предложение реализуют, полагали ученые, то это будет явное ограничение, ущемление конституционных прав и свобод граждан России [3. с. 59-65].

Разделяем это мнение: данное предложение противоречит положениям Конституции и принципам уголовного процесса о правах личности. Резолюции руководства – ответственные решения, могут повлечь произвол в отношении граждан, необоснованно подвергшихся уголовному преследованию лишь на основании непроверенных заявлений. С учетом следственного опыта известно: немалая часть заявлений не соответствует реальности или по незнанию людей, что относится к преступлению, или содержит ложные сведения с целью компрометации отдельных лиц. В современном обществе не секрет, что их используют в конкурентной борьбе как способ устранения неугодных в бизнесе.

Нечто похожее, как видим, уже реализовано в уголовно-процессуальном кодексе Украины, где отсутствует проверка заявлений о преступлении, а досудебное производство начинается с момента внесения сведений об уголовном правонарушении в Единый реестр досудебных расследований и уведомления лица о подозрении в совершении уголовного правонарушения [4].

Особого внимания, на наш взгляд, требуют вопросы соблюдения прав личности в ходе проверки (доследственной и др.) заявлений и сообщений о преступлении. Изначально в ней было одно лишь следственное действие – осмотр места происшествия. В действующем УПК не раз менялось содержание данной стадии: в 2007, 2008, 2010 г.⁹. Так, законодатель в ст. 179 УПК (ред. 2008 г.) указал: «В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела» [5]. Это вызвало вопрос юристов по поводу лиц, чей процессуальный статус не был определен («заподозренные», пострадавшие и т.д.). Как защищать их права, могут ли они иметь адвоката? Из опыта известно: в проверке обстоятельств дорожного происшествия его участники могли приглашать адвоката и иных лиц. Нередко с их помощью удавалось возместить ущерб пострадавшим до возбуждения дела.

Еще недавно многие вопросы данной стадии не были решены в законе. И мы рекомендовали освидетельствование пострадавших (и медицинское) для закрепления следов на их теле, одежде всегда проводить, в чем они были заинтересованы [6. с. 77-80]. Но и к пострадавшим в указанных законом случаях возможно принуждение, относящееся, как считаем, и к проверке их заявлений, т.к. эти лица должны участвовать в ее действиях для защиты своих интересов и против своего желания. Ложные же данные влекут их ответственность.

Решения представителей следствия всегда связаны с интересами лиц и могут при этом нанести вред правам граждан: при возбуждении уго-

⁹ В ч. 4 ст. 146 в ходе проверки кроме осмотра места происшествия указывалось назначение экспертизы, освидетельствование, 5.06.2007 №92-ФЗ их исключил.

ловного дела, в дальнейших следственных действиях (освидетельствование осмотры; обыск: личный и в жилище и др.) Поэтому процессуальное принуждение следует применять дозированно и дифференцированно при соблюдении мер, предусмотренных законом. Возможность их реализации, полагают ученые, выступает мерилем зрелости нашего государства и показателем намерений его и законодателя: обеспечить должный уровень свободы для граждан [7. с. 51-58].

Относительно подозреваемых и обвиняемых закон предусмотрел средства, ограничивающие их права, для обеспечения задач уголовного судопроизводства и, что объяснимо природой устанавливаемых государством и гарантированных прав и свобод человека и гражданина. Это «обстоятельство обуславливает неизбежность определенных их ограничений... диктуются, прежде всего, необходимостью уважения таких же прав и свобод других людей... нормального функционирования общества и государства, равно как и любого коллектива» [8. с. 133-134], на что указывают и международные акты.

На стадии проверки заявлений о преступлении вряд ли ограничения в полном объеме допустимы относительно лиц, чей правовой статус еще неясен.

Так, их освидетельствование, на наш взгляд, возможно, если лицо застигли на месте преступления или вблизи него, и при явных его следах (повреждения одежды, кровь и т. п.). В качестве гарантий их прав на освидетельствование следует пригласить врача, иных сведущих лиц, исходя из обстоятельств события. По инициативе следователя возможно участие понятых (ч. 2 ст. 170 УПК). Согласно требований ст. 179 УПК: понятые, специалист (кроме врача), субъект расследования должны быть одного пола с обследуемым; видео- фотосъемка обнаженного лица может производиться лишь с его согласия и др.

Итак, осмотр тела лиц, чей статус предполагается, считаем исключением. Когда в проверке это следственное действие не существовало, то проводилось медицинское освидетельствование. Применимо оно и сейчас в конфликтной ситуации, что может сказаться на ее благополучном разрешении. Если даже после тактического воздействия лицо не согласно на освидетельствование, то его надо провести принудительно. «Принуждение используется для подавления отрицательных волевых устремлений соответствующих субъектов в целях подчинения их воли и внешнего поведения основанным на законе требованиям уголовно-процессуальной власти, отмечал З. Д. Еникеев, для обеспечения принудительного исполнения невыполненных добровольно обязанностей и оказания воздействия на уклоняющихся от исполнения закона ...» [9].

Следовательно, на стадии возбуждения дела принуждение возможно к участникам события, исходя из их будущего статуса. Так, нередко дли-

тельная проверка в отношении лиц, будущих обвиняемых в должностных, экономических преступлениях и взяточничестве (ревизия и др. исследования), но статус лиц, называемых «заподозренными», закон не установил. Им долго не предъявляется обвинение и в уголовном деле, а в следственных действиях они выступают как свидетели, хотя по сути ими не являются. В УПК в ходе проверки не определено и правовое положение пострадавших. На наш взгляд, все это существенно сказывается на их правах. Нередко лишь в конце следствия им разъясняют права и обязанности в постановлении о признании потерпевшим. Иногда дознаватели не делают это, считая подобное не важным, ссылаясь на малый срок дознания.

Изменения уголовно-процессуального кодекса в 2010 г. расширили содержание исследуемой стадии. Однако правовой статус ее участников и здесь не был определен. Так, в п. «а» ч. 1 ст. 144 указывалось: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию... специалистов»¹⁰ [12]. Хотя эти действия опосредованно касаются прав личности, но исследование документов и ревизия в определенной мере затрагивает интересы лиц. Проверяемый (его руководство) мог сам выдать документы (их выемку закон не указывал), а при его отказе проводилось оперативное мероприятие и составлялся «акт изъятия» и т.п., или осмотр места происшествия с изъятием документов. Изменения эти повлекли трудности для следствия и в соблюдении прав личности, а для практики ничего не решали.

От участников проверяемого события: предполагаемых подозреваемых, пострадавших, очевидцев получают объяснения. Вероятность злоупотреблений оперативных сотрудников здесь высока. Часто объяснения получали работники, заинтересованные в раскрытии преступлений настолько, что путем обмана (всякие обещания), угроз опрашиваемых добивались желаемого исхода дела. Известно, что уже на следствии эти лица отказывались от своих объяснений.

В этой проверке «заложено главное противоречие между заявленными целями и реальным положением вещей, - отмечала Л. М. Володина, ...уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок отображения объяснений у различных лиц, правовой статус которых также не определен, они не могут защищать себя и свои законные интересы. Нередко отображение объяснений производится неоднократно. Реальность защиты прав и свобод личности не возможна без четкого определения ее правового положения» [10. с. 128; 11, с. 223].

¹⁰ Указанная норма дана в редакции Федерального закона РФ №19-ФЗ от 9.03.2010г./ Рос.газета от 12.03.2010.

Не все разделяем в этом суждении, но согласны с последним тезисом. И, на наш взгляд, необходимо определить правовой статус лиц в проверке. Однако в законе нереально отразить все детали: именно порядок получения объяснений (и сколько их). И указывать порядок запроса на получение справок, характеристик, иных документов и пр.; и проведения исследований, других процедур (попытку законодателя дать перечень исследований в ст. 144 считаем ненужной). Все действия нецелесообразно (да и невозможно) назвать, как и используемые технические средства. На практике же обычна проверка сигналов о преступлениях не процессуальными мерами, с чем успешно справляются.

Ученые полагают, что Россия сможет достичь в будущем такого уровня обеспечения прав человека, где процессуальный закон будет учитывать интересы и общества в борьбе с преступностью, и интересы, и права личности. Благие же намерения могут остаться, по их мнению, декларацией, если не будут созданы действенные механизмы для защиты прав и свобод [12]. Последнее нам представляется самым трудным, что подтверждают неоднократные изменения УПК России, часто непродуманные и необоснованные.

Значительные изменения рассматриваемой стадии заложены ФЗ №23 2013, где ч. 1 ст. 144 отражает радикально новые положения [13]: «дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование...» и т.д.

Содержание проверки изменилось дополнением следственных действий. Надо сказать, они существенны в практике: здесь учтены многие предложения о совершенствовании УПК, но складывается впечатление, что все это постепенно размывает границы между собственно проверкой и самим уголовным делом.

Ч. 1.1 ст. 144 прямо касается вопросов исследуемой проблемы: «Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 настоящего Кодекса, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознава-

теля... в порядке, установленном гл. 16 настоящего Кодекса...». Рассматривая начальный фрагмент ч. 1.1 ст. 144, возникают вопросы, какие лица участвуют в процессуальных действиях, как-то они должны называться или определенного статуса у них нет? Не ясно, и какие именно права, и обязанности должен каждому разъяснить следователь: потерпевшего, подозреваемого, свидетеля, понятого и др.? Как убеждаемся, здесь не указано правовое положение пострадавшего, «заподозренного» и др. (и специалиста, как и в ст. 58 УПК). Видимо, это определит сам субъект проверки, исходя из принятого заявления.

Затем ч. 1.1 ст. 144 «Участники проверки сообщения о преступлении могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства... безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 настоящего Кодекса, в том числе при приеме сообщения о преступлении». Последнее считаем важным для защиты заявителя, часто – лица, пострадавшего от преступления, так и его очевидцев.

Следует отметить: после приведенного выше, весьма общего по смыслу текста ч. 1.1 ст. 144 о правах и обязанностях участников проверки, далее четко изложены ст.51 Конституции и ссылки на нормы УПК, и услуги адвоката, и т.д. Это относится и к ч. 3 ст. 49 (Защитник). Ее дополнение п. 6 отражает его участие «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 настоящего Кодекса». Несомненно, это важно для защиты прав и интересов участников проверки.

Существенно значение и ч. 1.2 ст. 144: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст.ст. 75 и 89 настоящего Кодекса...». Относительно экспертизы заметим: эксперты МВД РФ долго этого ждали. Они сначала исследовали объекты, их справки служили основанием для возбуждения дела, не имея значения доказательства. Им являлось лишь заключение эксперта (повторное, по сути, исследование) в уголовном деле.

Экспертиза в новой норме касается пострадавших и следов преступления. Подозреваемым, обвиняемым в связи с этим предоставлен значительный объем прав (ст. 195, ч. 1 ст. 198 УПК), а потерпевшим (ч. 2, ст. 198) – меньше, что закон не обосновал. На наш взгляд, в ст.144 преобладает соблюдение интересов лиц, относительно которых проводят проверку (может, и заблуждаемся). Судим об этом по изложению ст. 51 Конституции, услугах адвоката и дополнениях о защите, подаче жалоб на фоне общих суждений о правах, обязанностях в ч. 1.1. Беспокойство об их правах выражают авторы публикаций, СМИ, сети Интернет.

Верно мнение О. И. Андреевой: «очень важно при нормативном регулировании уголовного процесса использовать метод взвешивания ценностей и построения системы приоритетов» [14, с. 28]. Конституционный Суд РФ в своих решениях также обращал внимание законодателя на обеспечение баланса конституционных прав, свобод, законных интересов участников правоотношений.

Итак, несмотря на ряд высказанных замечаний, возможно, субъективных, рассматриваемые изменения норм УПК в целом свидетельствуют о попытке на законодательном уровне решить проблему прав личности на стадии возбуждения дела. Закрепленные в гл. 2 УПК РФ идеи Конституции нашли свое выражение в дополнениях ст.ст. 49, 144 данного кодекса, отразив в осуществлении процессуальной деятельности важность соблюдения основных прав, свобод и охраны личности. Будем надеяться на реализацию данных новелл уже в следственной практике. Насколько это будет успешным, покажет время.

Библиографический список

1. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Всеобщая декларация прав человека: от 10 декабря 1948 г. (ч. 2 ст. 29) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zaki.ru/pagesnew.Php?id=1448&page=4>
2. Рекомендации Всероссийской научно-практической конференции «Правовое и криминалистическое обеспечение расследования преступлений» [Текст]. – М.: Академия управления МВД России. 2011.
3. *Зинатуллин, З. З.* Некоторые размышления о путях совершенствования досудебного производства по уголовным делам [Текст] / З. З. Зинатуллин, С. Ю. Туров // Материалы Межд. научно-практической конференции. – Уфа, 2012. С.59-65.
4. Украина. Верховная Рада. Кримінальний процесуальний кодекс України: Закон України: від 13 квітня 2012 р. // Голос України. – 2012. – 19 травня. Ст. 214 – начало досуд. расследования.
5. В ред. Федерального закона от 2.12.2008 г. №226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» / Российская газета. – 2008. – 5 декабря.
6. *Шамонова, Т. Н.* Об участии специалистов-криминалистов в освидетельствовании [Текст] / Т. Н. Шамонова // Вестник криминалистики. – №2.(4). – М., 2002. С. 77-80.
7. *Зайцева, Е. А.* Ограничение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве: соразмерность целей и средств [Текст] / Е. А. Зайцева, Е. Н. Гринюк // Материалы Межд. науч.-практ. конф. – Уфа, 2012. С. 51-58.
8. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть [Текст] / Отв. ред. Б. А. Страшун. – 3-е изд. – М., 1999. С. 133-134.
9. *Еникеев, З. Д.* Механизм уголовного преследования: учебное пособие / З. Д. Еникеев. – БашГУ, 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kalinovsky-k.narod.Ru/b/enikeev/2002/2-4.htm>.
10. *Володина, Л. М.* Цели и задачи уголовного процесса [Текст] / Л. М. Володина // Государство право. – 1994. – №11.

11. *Володина, Л. М.* Проблемы уголовного процесса [Текст] / Л. М. Володина. – М., 2006.

12. *Еникеев, З. Д.* Совершенство законов и эффективность их применения как важные условия борьбы с преступностью [Текст] / З. Д. Еникеев // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: матер. Всерос. науч.-практ. конф. 95-лет Башк. гос. ун-та. – Ч. I. – Уфа: БашГУ, 2004. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa_20042/enikeev.htm.

13. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: от 4 марта 2013 г. // Российская газета. – 6 марта 2013 г. (вступ. в силу 15.03.2013г.).

14. *Андреева, О. И.* Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса [Текст]: автореф. дисс. ... д.ю.н. / О. И. Андреева. – Томск, 2007.

СТУДЕНЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Н. О. Афонина

ОТВОД ПЕРЕВОДЧИКА КАК ГАРАНТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, НЕ ВЛАДЕЮЩИХ ИЛИ НЕДОСТАТОЧНО ВЛАДЕЮЩИХ ЯЗЫКОМ, НА КОТОРОМ ВЕДЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Научный руководитель Ю. В. Францифоров

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 26) закрепляет положение, согласно которому в нашем государстве каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания и творчества.

Персонифицируя конституционную норму применительно к уголовно-процессуальной деятельности, УПК РФ в ч. 2 ст. 18 устанавливает правило, согласно которому участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом [3, с. 83].

Приведенная норма представляет собой логическое продолжение основных международных правовых актов о правах и свободах человека. В частности, в соответствии с пунктами "а" и "f" ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого Резолюцией 2200 А от 16 декабря 1966 г. (вступил в силу 23 марта 1976 г.), ч. 2 ст. 5, п. "е" ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) каждое лицо должно быть в срочном порядке и подробно

уведомлено на языке, который оно понимает, о характере и основании предъявленного ему уголовного обвинения, а также пользоваться бесплатной помощью переводчика, если оно не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке [7, с. 131-134].

Обязанность разъяснять лицу, которое не владеет или недостаточно хорошо владеет языком судопроизводства по уголовному делу, право пользоваться родным языком возложена на следователя, дознавателя, прокурора и суд. Не владеющим языком судопроизводства считается лицо, которое не в состоянии его понимать и бегло изъясняться на нем по всем вопросам, составляющим предмет судопроизводства [7, с. 131-134].

Иностранные обвиняемые, потерпевшие и свидетели в основной своей массе являются участниками уголовного судопроизводства, нуждающимися в помощи переводчика. В таблице приведены данные о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России за период с 2003 по 2013 год.

Год	Зарегистрировано преступлений, тыс.	Раскрыто преступлений, за исключением преступлений прошлых лет	Преступления, совершенные иностранными гражданами и лицами без гражданства в России		Преступления, совершенные гражданами СНГ в России	
			Тыс.	%	тыс	%
2003	2756,4	1474,0	40,6	2,8	37,3	3,0
2004	2893,8	1524,8	48,9	3,2	45,1	2,5
2005	3554,7	1642,8	51,2	3,1	46,6	2,8
2006	3855,4	1745,4	53,0	3,0	47,5	2,7
2007	3882,5	1718,6	50,1	2,9	45,3	2,6
2008	3209,9	1655,1	53,9	3,3	48,8	2,9
2009	2994,8	1589,1	58,0	3,6	53,1	3,3
2010	2628,8	1370,0	49,0	3,6	44,6	3,3
2011	2404,8	1253,0	45,0	3,6	40,5	3,2
2012	1953,1	1006,9	36,1	3,6	31,7	3,1
2013	556,8	322,3	12,3	2,2	10,5	1,9
Средний показатель				3,2		2,9

Таким образом, по сравнению с показателями 2012 г. количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства возросло на 8,7% и составило 2,9 тыс. преступлений [8].

Переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных УПК РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода.

В УПК РФ подробно регламентируется порядок назначения и участия в деле переводчика, вместе с тем определенные трудности этического и правового характера содержит в себе отвод этого участника судопроизводства.

"Классические" основания для отвода судьи, прокурора, следователя, дознавателя, предусмотренные ст. 61 УПК РФ, распространяются и на переводчика и трудностей в реализации не вызывают. Гораздо сложнее дело обстоит с отводом по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 69 УПК РФ, а именно в случае обнаружения некомпетентности переводчика, причем отвод в подобной ситуации может быть заявлен не только сторонами, но также и свидетелем, экспертом или специалистом.

Компетентность – знание, опыт в определенной области науки, деятельности, жизни [5, с. 452].

По мнению М. А. Джафаркулиева, применительно к деятельности переводчика она означает способность в соответствии со знаниями и опытом обеспечивать необходимый перевод с требуемой полнотой, точностью и в темпе, достаточном для органов расследования и суда [4, с. 114].

Авторы Научно-практического комментария к УПК РФ справедливо отмечают, что некомпетентность переводчика может выражаться в его неумении точно и быстро передавать содержание переводимой информации, в низкой общей грамотности, в обладании ограниченным словарным запасом, в не владении навыками письменного перевода. Само по себе отсутствие у лица, участвующего в деле в качестве переводчика, специального образования и опыта работы в качестве переводчика не может служить причиной его отвода ввиду обнаружившейся некомпетентности [1, с. 156].

Отвод переводчика содержит в себе определенные трудности, не только правового, но и этического характера. Переводимый материал (речь, текст, документ) может содержать профессиональную терминологию, этнические словесные обороты, а иногда и весьма своеобразные, труднопереводимые фразы, в том числе нецензурные, аргоические (как правило, жаргонные) выражения, обусловленные низким культурным и ментальным уровнем самого допрашиваемого, что само по себе снижает скорость и делает невозможной синхронизацию перевода. К тому же – перевод в уголовно-процессуальной деятельности должен быть буквальным, а не интерпретированным [7, с. 131-134].

Отвод переводчика – категоричное решение, но всегда ли этично принятие его единолично следователем, судьей. И всегда ли позиция эксперта, свидетеля, специалиста, заявившего требование об отводе переводчика, является взвешенной? Ситуации перевода таковы, что может иметь

место конфликт между переводчиком и любым из участников процесса. Конфликт нужно вначале попытаться устранить, разрешить "мирным" способом, а не заявлять сразу же отвод переводчику. Примером может служить уголовное дело гражданина М., № 1-89-05\2010. «Работая переводчиком по данному делу и осуществляя перевод, я достаточно долго, с точки зрения прокурора, переводила фразу, где-то в течение 2 минут, прокурор посчитал время, потраченное мной на перевод, чрезмерным и сделал вывод о том, что я консультирую подсудимого и потребовал моего отвода. Проблема была в том, что, несмотря на то, что М. – гражданин России, он не владеет в достаточной мере юридической терминологией и, более того, обладает низким уровнем грамотности, поэтому мне пришлось долго объяснять значение слова «огласить». Суд отказал обвинителю в отводе» [7, с. 131-134]. Обвинить переводчика в некомпетентности легко, но всегда ли это будет законно, справедливо и этично? Ведь нужно оценить не только личные качества переводчика, но и качество самого перевода на предмет адекватности, точности, репрезентативности, грамотности, доступности для понимания, а для этого, прежде всего, нужно знать "оригинал".

В уголовно-процессуальном законодательстве нет определения понятия некомпетентности переводчика. Уровень знания двух используемых в судопроизводстве языков оценивается правоприменителем и участником уголовного судопроизводства.

Как полагает А. В. Гриненко, некомпетентность переводчика выражается в слабом знании им языка, на котором согласно ст. 18 УПК РФ предпочитают изъясняться участники уголовного процесса. Некомпетентность переводчика может проявиться в отсутствии способности адекватно воспринимать слова или выражения, подлежащие переводу, переводить их точно в соответствии со смыслом сказанного, передавать особенности речи и т. д. [3, с. 83].

И. Л. Петрухин охарактеризовал требования, которые могут быть предъявлены к переводчику в уголовном судопроизводстве, следующим образом:

- а) компетентность, свобода владения языками, необходимыми для перевода;
- б) незаинтересованность в исходе дела – как прямая, так и косвенная;
- в) недопустимость функций переводчика с выполнением уголовно-процессуальной обязанности по уголовному делу [2, с. 417].

Последний аспект деятельности переводчика может содержать в себе не только формальную, но и прикладную сторону, особенно когда речь заходит о самой процедуре перевода и его качестве.

М. Ю. Рагинский отмечает, что к переводчикам предъявляются два требования: свободно владеть языками, знание которых необходимо при производстве по делу; не быть заинтересованным в исходе дела [2, с. 417].

Свобода владения языками может выражаться в том, что лицо не испытывает ощутимых трудностей ни при устном, ни при письменном переводе.

А. В. Садилов справедливо указывает на то, что переводчик и его роль в ситуации перевода должны быть как можно более незаметными [6, С. 3-12]. Вместе с тем следует отметить, что оставаться незаметным, осуществляя перевод вопросов допрашивающего и ответов допрашиваемого, фактически являясь лингвистическим посредником между лицами, не понимающими друг друга, весьма сложно. К тому же переводчик не обладает специальными знаниями в области криминалистики, например, касающимися тактики допроса [7, с. 131-134].

Таким образом, отвод переводчика ввиду его профессиональной некомпетентности нуждается в более точной правовой регламентации за счет указания на конкретные критерии такой некомпетентности и процедуры ее установления. Некомпетентность – не единственное основание отвода переводчика. Есть и иные, которые не нашли своего отражения в уголовно-процессуальном законодательстве, несмотря на свою юридическую и этическую значимость.

Представляется, что сама формулировка нормы о переводчике в ст. 59 УПК РФ содержит ряд неточностей, осложняющих применение ст. 69 УПК РФ, и нуждается в корректировке.

Так, например, можно отметить, что уголовная ответственность по ст. 307 УК РФ за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод наступает с 18 лет. В свою очередь, ч. 5 ст. 59 УПК РФ устанавливает, что за неправильный перевод и разглашение данных предварительного следствия переводчик несет ответственность в соответствии со ст. 307 и 310 Уголовного кодекса Российской Федерации. Для реализации положений названных норм необходимо одно условие – совершеннолетие переводчика. Следовательно, имеется еще одно дополнительное основание для его отвода – недостижение на момент производства следственного действия с его участием возраста 18 лет.

Библиографический список

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. В. М. Лебедева; научный ред. В. П. Божьев. – Изд. 2-е, переработанное и дополненное. – М.: Спарк, 2004. 1007 с.
2. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая [Текст] / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов, В. К. Звирбуль и др.; Редкол.: Н. В. Жогин (Отв. ред.), Г. А. Злобин, В. И. Каминская, И. И. Карпец, Г. И. Кочаров, Г. М. Миньковский. – М.: Юрид. лит., 1966. 584 с.
3. *Гриненко, А. В.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / А. В. Гриненко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2007.

4. *Джафаркулиев, М. А.* Язык судопроизводства в многонациональном государстве [Текст] / М. А. Джафаркулиев. – М.: Вердикт, 1992.

5. *Райзенберг, Б. А.* Современный энциклопедический словарь [Текст] / Б. А. Райзенберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцев. – Изд. 5-е, перер. и доп. – М., 2006. .

6. *Садиков, А. В.* Перевод как вид процессуального поведения [Текст] / А. В. Садиков // Тетради переводчика. – М., 1981. – № 18. С. 3-12.

Н. А. Байгончокова

ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И КЫРГЫЗСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Научный руководитель Е. А. Зайцева

ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России»

Производство судебных экспертиз в рамках уголовного судопроизводства в Кыргызской Республике способствует возникновению системы правоотношений как между субъектами судебно-экспертной деятельности (эксперт, следователь, судья), так и другими участниками уголовного процесса (обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец и др.). Законодатель для судебной экспертизы устанавливает особые процедуры, которые в своей совокупности создают особый режим правоприменения, гарантирующий обеспечение прав и законных интересов участников правоотношений в ходе данного следственного действия.

Вместе с тем, следует обратить внимание на тот факт, что далеко не всегда правоприменителями выполняются все предписания закона в части соблюдения прав участников судебной экспертизы, либо они выполняются формально. Зачастую на практике наблюдаются случаи, когда заинтересованные в исходе дела участники процесса фактически лишаются возможности воспользоваться положениями ст. 202 УПК Кыргызской Республики, закрепляющей гарантии прав подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля при назначении и производстве экспертизы. В частности это имеет место при ознакомлении вышеуказанных лиц с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта. Анализ материалов следственной практики показывает, что примерно в 70% случаях следственные работники в процессе расследования уголовных дел предоставляют для ознакомления постановление о назначении судебной экспертизы и заключение эксперта перед отправлением уголовного дела в суд, то есть при ознакомлении со всеми материалами уголовного дела.

Таким образом, формально соблюдая требования о ознакомлении указанных лиц с материалами судебной экспертизы, следователи лишают их реальной возможности своевременно воспользоваться представленными им правами. По сути, можно говорить о нарушении прав обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, изложенных в п.п. 2-5 ч. 1 ст. 202 УПК КР.

Согласно ч. 1 ст. 202 УПК КР обвиняемый, подозреваемый, потерпевший (а также свидетель – в случае, когда экспертиза проводится в отношении него) имеют комплекс прав, с помощью которых они могут эффективно влиять на ход экспертизы с целью отстаивания своих процессуальных интересов:

- 1) знакомиться с постановлением о назначении экспертизы;
- 2) заявлять отвод эксперту или ходатайствовать об отстранении экспертной организации от производства экспертизы, если установлены обстоятельства, ставящие под сомнение незаинтересованность в исходе дела экспертной организации, в которой работает сведущее лицо;
- 3) просить о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц, специалистов конкретных судебно-экспертных организаций;
- 4) представить дополнительные вопросы для получения по ним заключения эксперта;
- 5) присутствовать при производстве экспертизы, давать объяснения эксперту, задавать ему вопросы;
- 6) знакомиться с заключением эксперта [1].

Нетрудно заметить, что реальное осуществление прав, закрепленных в п.п. 2-5 напрямую зависит от своевременности предоставления права указанным лицам на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы, из текста которого видно, где будет проводиться судебная экспертиза (или кем она будет проводиться), какие вопросы будут разрешаться в ходе ее производства.

Ознакомление заинтересованных лиц с постановлением о назначении судебной экспертизы уже после ее проведения делает беспредметными ходатайства об отводе эксперта или экспертной организации, о привлечении к производству судебной экспертизы конкретных лиц, о дополнении перечня вопросов, решаемых экспертом, о возможности присутствовать при проведении исследований.

Каким же образом законодатель формулирует новеллы о правах участников уголовного процесса в связи с назначением судебной экспертизы? Анализ текста закона приводит к неутешительному выводу о том, что именно дефекты законодательной техники порождают неверную следственную практику ознакомления заинтересованных лиц с материалами судебной экспертизы. Из фразы, закрепленной в ч. 1 ст. 202 УПК КР «При назначении и производстве экспертизы подозреваемый, обвиняемый и потерпевший имеют право:...» совершенно не вытекает обязанность следо-

вателя ознакомить участников процесса с постановлением о назначении судебной экспертизы до передачи материалов эксперту или в экспертную организацию.

Косвенно об этом можно догадаться, анализируя содержание ч. 3 ст. 202 УПК КР, в которой предписывается следующее: «В случае удовлетворения ходатайства, заявленного лицом, указанным в частях первой и второй настоящей статьи, следователь соответственно изменяет или дополняет свое постановление о назначении экспертизы. В случае отказа в удовлетворении ходатайства следователь выносит постановление, которое объявляется лицу, заявившему ходатайство, под расписку».

Полагаем, такой способ регламентации важного комплекса прав участников судебной экспертизы не создает достаточных гарантий обеспечения этих прав в реальной жизненной ситуации. Кроме того, нигде в материалах уголовного дела не фиксируется факт ознакомления заинтересованных лиц с постановлением о назначении судебной экспертизы, что представляется не совсем последовательным. Так, об ознакомлении этих лиц с заключением эксперта составляется протокол согласно требованиям ч. 3 ст. 211 УПК КР. Почему законодатель не закрепил аналогичное правило и для ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы – не понятно.

Именно составление протокола с четким указанием даты ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы позволит создать гарантии своевременного обеспечения прав заинтересованных лиц при назначении и производстве судебной экспертизы.

В качестве примера оптимального регулирования рассматриваемой ситуации хотелось бы привести положение п. 1 ч. 1 ст. 244 УПК Республики Казахстан, согласно которой подозреваемый и обвиняемый, их защитник, потерпевший имеют право до проведения экспертизы знакомиться с постановлением следователя о ее назначении и получать разъяснение принадлежащих ему прав, о чем составляется протокол [2].

Весьма прогрессивным видится нам и подход казахстанского законодателя к установлению субъектного состава лиц, на которых распространяются указанные правила: в ч. 2 ст. 244 УПК Республики Казахстан упомянуты: свидетель, подвергнутый экспертизе, лицо, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, если это позволяет его психическое состояние. А если экспертиза проводится в рамках проверочных мероприятий на стадии возбуждения уголовного дела, то перечисленными правами обладают лицо, пострадавшее от совершения преступления, а также лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела. С учетом того, что в Кыргызской Республике до возбуждения уголовного дела разрешено назначение и производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 165 УПК КР), данные положения весьма актуальны.

Однако, полагаем, и этот перечень не является исчерпывающим. Как обоснованно подчеркивает Е. А. Зайцева, при проведении судебных экспертиз существенным образом и непосредственно затрагиваются интересы не только лиц, перечисленных в ст. 198 УПК РФ (подозреваемого, обвиняемого, их защитника, потерпевшего, свидетеля), но и гражданского истца, гражданского ответчика; однако на данных лиц не распространяется охранительное действие комплекса прав, благодаря которому участники процесса могут так или иначе легально влиять на ход экспертизы, отстаивая свои процессуальные интересы [3, с. 138]. Данное высказывание справедливо и для ситуации с обеспечением прав заинтересованных лиц при проведении экспертиз в уголовном судопроизводстве Кыргызской Республики.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 202 УПК Кыргызской Республики:

«(1) При назначении и производстве экспертизы подозреваемый, обвиняемый, их защитники и законные представители, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители имеют право:

1) ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы до его передачи в экспертную организацию или эксперту для производства судебной экспертизы, о чем составляется соответствующий протокол;» – и далее по тексту.

Необходимо ч. 2 изложить следующим образом:

«(2) Права, указанные в части первой настоящей статьи, имеют также свидетель, подвергнутый экспертизе, лицо, в отношении которого ведется производство по применению принудительных мер медицинского характера, если это позволяет его психическое состояние, а на стадии возбуждения уголовного дела перечисленными правами обладает лицо, пострадавшее от совершения преступления, а также лицо, в отношении деяния которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела.»

Именно такое нормативное регулирование, по нашему убеждению, способно обеспечить реальные условия для осуществления прав участников уголовного процесса в связи с назначением и производством судебных экспертиз в Кыргызской Республике.

Библиографический список

1. Кыргызская Республика. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: от 24 мая 1999 г. (ред. от 01.03.2012 г.) [Электронный ресурс].
2. Республика Казахстан. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: от 13 декабря 1997 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakon.kz/law/pravsys/183.shtml>.

Зайцева, Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства [Текст]: монография / Е. А. Зайцева. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010.

Н. Т. Белова

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО И О МОМЕНТЕ ЕГО ПОЯВЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Научный руководитель В. С. Посник

**Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте России»**

Впервые в истории статус подозреваемого появился XIX веке, в указе императора Александра II «Об учреждении судебных следователей» были перечислены основания, в соответствии с которыми лицо признавалось подозреваемым. Многие из этих оснований перешли в действующий УПК РФ, но не все вопросы, касающегося этого участника, разрешены надлежащим образом, что приводит к различному их пониманию в теории и правоприменительной практике. Так, например, согласно п. 2 ч. 1 ст. 45 УПК подозреваемым является лицо, задержанное в соответствии со ст. 91 и 92 настоящего кодекса.

Все как будто ясно, но остается непонятным момент его введения в уголовный процесс. Не проясняет ситуацию и ссылка на п. 11, п.15 ст. 5 УПК. В п. 11 говорится о задержании как мере процессуального принуждения, применяемой органом дознания, дознавателем и следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. А в п. 15 этой же статьи момент фактического задержания связывается с моментом производимого в установленном УПК порядке фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Течение 48 часов срока включает в себя с момента фактического лишения лица свободы передвижения и до момента составления протокола задержания, уполномоченным на то должностным лицом. Ст. 92 УПК устанавливает, что после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания.

Возникает вопрос: эти 3 часа включаются в общий срок задержания, который не может превышать 48 часов. Если да, то получается, что задержание в уголовно-процессуальном его понимании могут производить другие лица.

Например, простые граждане, пресекшие преступные действия злоумышленника и доставившие его в ближайший пункт охраны общественного порядка. А оттуда работники полиции сопроводили всех к дознавателю.

Доставление в орган дознания и составление протокола задержания не позднее 3 часов. А какое время затрачено на доставление нарушителя сначала в опорный пункт, а потом уже в орган дознания? И входит ли это в общий срок задержания?

С правильным определением момента задержания связано не только появление данного участника, но и с разъяснение ему предусмотренных законом прав, с их обеспечением дознавателем или следователем и много других вопросов.

Задержанный в порядке ст. 91, 92 УПК должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания, а не с момента составления протокола задержания.

Так вот, в эти 24 часа должны включатся и 3 часа, а может быть и значительно больше так как в нашей стране с ее огромной территорией орган дознания может находиться на значительном расстоянии от места совершения преступления и соответственно фактического задержания лица. Что тогда делать если доставить лицо в условиях, например, бездорожья, большая проблема? Это еще раз подтверждает мысль о необходимости внесения законодателем большей четкости в этот вопрос.

В ч. 4 ст. 46 УПК предусмотрено право подозреваемого знать, в чем он подозревается, и получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела, либо копию протокола задержания, либо копию постановления о применении к нему меры пресечения. Но ничего не говорится о его праве получить письменное уведомление о подозрении в совершении преступления, о котором идет речь в ч. 1 ст. 223.1 УПК. Представляется необходимым внести в ч. 4 ст. 46 соответствующее дополнение, чтобы устранить отмеченный пробел.

Изложенное выше, подтверждает нашу мысль о том, что момент появления подозреваемого в уголовном процессе нуждается в дальнейшем домысливании, а соответствующие нормы в УПК в дальнейшем совершенствовании.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон: от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. – 2001. – № 52. Ст. 4924.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / Отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – М., 2002. – 1039 с.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

У. П. Бобко

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ, РАБОТАЮЩИХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ С ПОМОЩЬЮ КОЛЛЕКТИВНЫХ ДОГОВОРОВ

Научный руководитель О. И. Остапенко

Львовский государственный университет внутренних дел (Украина)

**Львовский национальный университет ветеринарной медицины
и биотехнологий им. С. З. Гжыцького (Украина)**

Осужденные, которые отбывают наказание и работают на предприятиях исправительных учреждений, имеют значительную часть прав в процессе трудовой деятельности, как и трудящиеся, занятые на предприятиях других типов. Но если для большинства руководства предприятий необходимость соблюдения прав наемных работников четко очерчена правовыми актами и регулируется, в основном, путем заключения коллективного договора между трудовым коллективом и работодателем, то среди заключенных, которые работают на предприятиях, до сих пор не существует институтов, в полномочия которых входила бы защита интересов осужденных-работников. Законодательно не определенным также остается механизм урегулирования защиты трудовых и других социально-экономических интересов и прав осужденных-работников.

Согласно уголовно-исполнительному кодексу Украины (УИК Украины), в статье 118 говорится, что администрация исправительного учреждения обязана создать условия, которые дают возможность осужденным заниматься общественно полезной и оплачиваемой работой [1, с. 4]. Социальный опрос, который был проведен Всеукраинским благотворительным Фондом «Правовая инициатива», показал, что только каждый пятый осужденный, а это приблизительно 21,1 % всех осужденных, считает условия своей работы приемлемыми (отсутствие отопления, раздевалок, спецодежды, душевых, аварийное состояние рабочих помещений и т.п.) [2]. В европейских пенитенциарных правилах существует статья относительно вознаграждения за труд: за свою работу заключенные должны получать справедливое вознаграждение [3, с. 1]. УИК Украины установлено исключение, предусматривающее возможность бесплатного привлечения осужденных к труду. К этим работам осужденные привлекаются поочередно, в нерабочее время и не более чем на два часа в день [1]. Это положение украинского законодательства нарушает требования международных актов и позволяет вообще лишать осужденного свободного времени. Ведь, например, работа по благоустройству возможна в свободное от основной работы время, а ее продолжительность как раз и равна максимально возможной продолжительности свободного времени осужденного. Ряд статей (ст. 68, 82, 132,

145 УИК Украины) предусматривает использование труда осужденных как наказание, что противоречит международным правилам, согласно которых нельзя наказывать осужденных в дисциплинарном порядке работой по обслуживанию самого учреждения.

Важным источником получения информации о соблюдении трудовых прав заключенных-работников на предприятии уголовно-исполнительного учреждения могут быть мониторинги, проверки как государственными органами (прокуратура, Уполномоченный по правам человека), так и общественными организациями.

К примеру, в России был принят Федеральный Закон от 10 июня 2008 г. «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания» [4] который доказал свою эффективность, несмотря на многочисленные попытки препятствовать работе общественных наблюдателей, закон стал своеобразным пробным шаром общественного контроля в России. В Украине общественный контроль по защите интересов осужденных возложен на наблюдательные комиссии, который на наш взгляд, не является достаточно эффективным. В этом мы видим несколько причин: в деятельности таких комиссий не хватает "обратной связи", то есть, нехватка достоверной информации о реальном состоянии соблюдения прав и интересов осужденных; отсутствие полномочий у комиссий в любое время беспрепятственного посещения всех корпусов и помещений исправительных учреждений; комиссии существуют при управлении Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний, финансируются за счет департамента, и, как правило, возглавляются бывшими работниками исправительных учреждений, что делает их существование практически формальным.

Действенным механизмом в защите прав осужденных является постоянный мониторинг и контроль за деятельностью исправительных учреждений со стороны местных властей. В административном праве Великобритании, Грузии определены четкие механизмы участия представителей органов власти разных уровней в протекционизме прав и свобод

Для решения данной проблемы необходимо разработать и внедрить механизм заключения специализированных коллективных договоров, которые должны подписываться на каждом предприятии исправительного учреждения и защищать права осужденных работников. Такой коллективный договор должен быть трехсторонний и заключаться между органами исполнительной власти на местах (области, города, поселки), руководством исправительного учреждения, представителями общественных организаций, которые осуществляют мониторинг соблюдения прав осужденных.

На наш взгляд такой коллективный договор должен отображать в себе:

- механизм участия представителей государственной местной власти при введении коллективных переговоров, полномочия и права по кон-

тролю за исполнением обязательств руководством исправительного учреждения соглашений договора, привлечения виновных к дисциплинарной, административной, криминальной ответственности;

- полномочия и права представителей общественных организаций, правила участия в проверках и мониторинга предприятий исправительных учреждений по соблюдению трудовых, социально-экономических прав осужденных-работников;

- дать возможность представителю от трудового коллектива осужденных-работников систематического беспрепятственного общения с представителями органов государственной власти и общественных организаций. А также принятие во внимание предложений от заключенных во время подписания коллективных договоров.

Примерные формы коллективных договоров должны быть разработаны Управлением юстиции и подлежать подведомственной регистрации в государственных органах исполнительной власти.

Библиографический список

1. Украина. Законы. Уголовно-исправительный кодекс: от 11.07.2003 № 1129-IV // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР). – 2004. – № 3-4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1129-15>

2. Тюремный портал. Общественная правозащитная организация «Донецкий мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ukrprison.org.ua>

3. Европейские пенитенциарные правила от 12.02.1987 // Сайт Верховной Рады Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_032

4. Российская Федерация. Законы. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания: федер. закон: от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/act/right/12160914/>

С. С. Высоцких

МОМЕНТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РФ

Научный руководитель Г. Н. Чекачкова

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Часть 2 ст. 45 Конституции РФ гласит: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом»[1]. Данные положения в полной мере распространяются на подозреваемого.

Неслучайно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ) подчеркивает то, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением не только защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, но и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [3].

Основная цель лица, привлекаемого в качестве подозреваемого по уголовному делу – это цель защититься от незаконного, необоснованного обвинения. Для этого в соответствии с ч. 1 ст. 16 УПК РФ подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту. Содержание данного права раскрывается в ст. 46 УПК РФ, где предусмотрено, в частности, право подозреваемого пользоваться помощью защитника, заявлять ходатайства и отводы, знать, в чем он подозревается и т.д. [3].

Важным является вопрос о том, с какого момента лицо приобретает статус «подозреваемого», который предоставляет ему указанные права. Согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо:

- 1) либо в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, которые установлены главой 20 настоящего Кодекса;
- 2) либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 настоящего Кодекса;
- 3) либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 настоящего Кодекса;
- 4) либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 настоящего Кодекса [3].

Из всех этих положений именно задержание до возбуждения уголовного дела наиболее сильно ограничивает права и свободы человека и гражданина. При этом, необходимо различать фактическое и уголовно-процессуальное задержание. Моментом фактического задержания следует считать слова или действия компетентного должностного лица или его действия, которые повлекли реальное ограничение свободы лица. Уголовно-процессуальное задержание осуществляется позднее, при составлении протокола задержания в порядке, предусмотренном ст. 92 УПК РФ. В результате возникает временной промежуток, в течение которого лицо ограничивается в своих правах, но в то же время не наделяется правами подозреваемого [6, с. 256-257].

С указанной проблемой связано Постановление Конституционного суда РФ от 27.06.2000 по жалобе гр. Маслова, в котором была признана неконституционной практика допуска адвоката-защитника к подозреваемому лишь после составления протокола задержания. Суд, в частности, указал, что «конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным» [2].

Во вновь принятой Конституции указанная позиция получила свое отражение в ч. 2 ст. 48, где закреплялось право задержанного пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания [1]. На реализацию этого права было направлено появление в УПК РФ понятия «момент фактического задержания», определяемое как «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления» (п. 15 ст. 5 УПК). Данный юридический факт лег в основу права подозреваемого (обвиняемого) на помощь защитника. Так, в соответствии с п. 3 ч. 3. ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях предусмотренных ст. 91 и 92 УПК РФ [3].

Следовательно, законодатель признает лицо фактически задержанным не тогда, когда реально ограничивается его свобода, а лишь при условии того, что задержание было произведено в порядке, предусмотренном законом.

Обратимся к порядку задержания предусмотренному ст. 92 настоящего кодекса. Не позднее, чем после трех часов после доставления в орган дознания или к дознавателю подозреваемого, должен быть составлен протокол задержания. В соответствии с ч. 2 настоящей статьи в протоколе указываются дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания.

Фактически до доставления в орган дознания или к следователю для составления протокола лицо может находиться в состоянии фактически задержанного не один час, однако на попытки задержанного и его адвоката указать в протоколе задержания время фактического ограничения свободы следователь неизменно отвечает: «В моем распоряжении 48 часов с момента передачи мне подозреваемого, а где и сколько времени он был до этого – не моя проблема» [7]. Таким образом, и в данной ситуации задержанное лицо признается подозреваемым только в стадии предварительного расследования с момента составления протокола о задержании. До того, пока в соответствии с механизмом возникновения подозреваемого лица не будет принято решение о возбуждении уголовного дела, протокол задержания не составляется, т. е. подозреваемый как участник уголовного процесса, наделенный полномочиями ст. 46 УПК РФ, в стадии возбуждения уголовного дела не появляется.

Кроме того, законодатель дает органу дознания и следователю право на трехчасовой перерыв после доставления к ним задержанного для составления протокола задержания. Однако для его составления не требуется никаких новых юридических фактов. Поэтому данная норма дает широкие возможности для обоснованного ограничения прав задержанного.

Для решения указанных в работе проблем представляется целесообразным обратиться к зарубежному опыту. В связи с этим примечательными являются положения ст. 110 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. Она предусматривает, что немедленно после доставления задержанного в орган уголовного преследования должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, в котором указываются основания, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут), результаты личного обыска, а также время составления протокола [4]. Как указывалось в работе ранее, в УПК РФ орган дознания и следователь в России не обязаны немедленно составлять протокол задержания, для этого им предоставляется три часа.

Согласно ч. 2 ст. 110 УПК Республики Беларусь орган дознания, следователь, прокурор в течение трех часов с момента доставления подозреваемого в орган уголовного преследования принимают решение о задержании, о чем выносятся постановления [4]. Следовательно, в Белоруссии немедленно после доставления составляется протокол, а три часа дается на решение вопроса о самом дальнейшем удержании лица. Представляется целесообразным произвести соответствующие изменения и в УПК РФ, что будет гарантировать права задержанного до возбуждения уголовного дела.

Обратимся к УПК Украины. Согласно ст. 210 уполномоченное служебное лицо обязано доставить задержанное лицо к ближайшему подразделению органа досудебного расследования, в котором немедленно регистрируются дата, точное время (час и минуты) доставки задержанного и другие сведения, предусмотренные законодательством. Кроме этого, в ч. 3 данной статьи отдельно предусматривается ответственность данного служебного лица: «в случае наличия оснований для обоснованного подозрения, что доставка задержанного лица длилась дольше, чем это необходимо, следователь обязан провести проверку для решения вопроса об ответственности виноватых в этом лиц» [5].

Исходя из изложенного в работе, представляется целесообразным закрепить в ст. 92 УПК РФ требование о немедленном доставлении задержанного в органы дознания или к следователю, а также о немедленном составлении протокола задержания. Для решения вопроса о дальнейшем удержании подозреваемого необходимо по аналогии с УПК Республики Беларусь в течение 3-х часов вынести постановление, чего не требуется для составления протокола. Таким образом, фактическое задержание будет максимально приближено к юридическому, и статус подозреваемого лица, ограниченное в правах, будет получать раньше. И это является крайне важным, т. к. задержанное лицо является наименее защищенным участником уголовного процесса. Право на защиту у задержанного должно возникать сразу после ограничения его свободы, иначе он будет лишен возможности надлежащим образом отстаивать свои права.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция РФ: офиц. текст // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. Ст. 445.
2. Российская Федерация. Конституционный суд: постановление: от 27 июня 2000 г. № 11-П // Российская газета. – 2000. – 4 июля.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: федер. закон: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.12.2012) // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.
4. Республика Беларусь. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: от 16 июля 1999 г. № 295-3 (ред. от 13.07.2012) [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.tamby.info/kodeks/yprk.htm>.
5. Украина. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI [Электронный ресурс] // Международная Ассоциация содействия правосудию. – Режим доступа: <http://www.iaaj.net/node/1099>.
6. Уголовный процесс Российской Федерации [Текст]: учебник / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. – Москва: Проспект, 2009. 736 с.
7. *Томин, В. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (вводный) [Текст] / В. Т. Томин, М. П. Поляков. – Москва: Юрайт-М, 2002.

Гончарова Е. А.

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Научный руководитель **В. П. Кудрявцев**

**Волгоградский кооперативный институт (филиал) АНО ВПО Центросоюза
Российской Федерации «Российский университет кооперации»**

Говоря о системе ювенальной юстиции, слушая мнения экспертов, ученых, публицистов можно сделать вывод о том, что вводить институт ювенальной юстиции в Российской Федерации нужно осторожно. На бытовом уровне преобладает мнение, что ювенальная юстиция – это жесткое, вплоть до внесудебного, лишение несовершеннолетнего семьи. Граждане Российской Федерации имеют опасение, что ювенальные служащие будут приходить в семью не с благими намерениями, а с необоснованными, нелегитимными директивными указаниями, дабы разрушить традиционный уклад семьи. В СМИ и научных исследованиях зафиксированы многочисленные факты необоснованных «придинок» к уровню содержания и воспитания детей. Также многие правоведы считают, что система ювенальной юстиции в Российской Федерации будет противоречить конституционным

правам и принципам, в частности, правам на свободу воспитания, на материнство и детство [1].

Стоит отметить, что граждане, которые выступают против ювенальной юстиции, рассматривают эту систему лишь как желание государства вмешиваться в воспитание детей. Не опубликованы проекты и мнения, содействующие улучшению содержания, воспитания, материальной поддержки семьи и детства. К сожалению, лишь малый круг участников дискуссии говорит о ювенальной юстиции как о совершенствовании системы мер правового воздействия и наказания несовершеннолетних и семьи за отклоняющееся поведение или правонарушения. Исходя из статистики преступности в Российской Федерации, каждое двадцать второе преступление совершается несовершеннолетними гражданами, и это лишь число зарегистрированных преступлений [2]. Считается возможным полагать, что в действительности совершаемых преступлений гораздо больше. Это достаточно высокий уровень, и при внедрении ювенальной юстиции, считаем необходимым в первую очередь акцентировать внимание именно на этой проблеме.

По уголовному законодательству уголовная ответственность за большинство преступлений наступает с 16 лет, и только за ряд тяжких преступлений – с 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ) [3]. Стоит учесть, что в условиях современной динамики развития общества и личности, нынешняя молодежь «взрослеет» раньше названного возраста, отмечается разрыв в физическом, интеллектуальном и социальном «созревании». И когда ребенок совершает преступление, то в силу возраста не может быть наказан. Поэтому обсуждается необходимость снизить возраст уголовной ответственности до 10-12 лет [4]. Вопрос дискуссионный, но в ряде стран такое законодательно закреплено. Также считаем уместным разнообразить санкции в отношении несовершеннолетних и родителей (опекунов), в частности, ужесточить их за преступления, которые носят масштабный либо циничный характер причинения материального и физического ущерба, но более внимательно и социально ориентировано реагировать на ситуации, связанные с материальными и педагогическими проблемами семейного воспитания. При вынесении подобных приговоров в первую очередь стоит опираться на психологические особенности развития личности.

В системе ювенальной юстиции есть еще одна глобальная проблема – она касается судебных органов. Стоит отметить, что малое число судей обладает глубокими специальными познаниями и навыками в отправлении правосудия над несовершеннолетними и по делам семьи, опираясь на психолого-педагогические принципы. Судье при вынесении приговора стоит опираться не только на уголовно-процессуальное законодательство, но и на знания психологии и педагогики, а также иметь осведомленность об условиях развития ребенка в семье и среди сверстников. Возможно, стоит

полагать, что государство не в силах обеспечить уровень образования таких судей, так как их профессиональная подготовка в основном базируется преимущественно на уголовно-процессуальном законодательстве и считается затруднительным дополнительное обучение таких лиц – в силу нехватки времени, отсутствия средств и специализированных образовательных учреждений. Поэтому уместно предположить, что отправление правосудия должно осуществляться во взаимодействии судей со специальными «новыми» – ювенальными органами, которые будут восполнять пробелы знаний по работе с несовершеннолетними, и вынесение приговора должно опираться непосредственно на мнение этих новых учреждений и лиц. Это требует серьезного пересмотра всего законодательства – как уголовного, административного, так и гражданского, семейного и четкого формулирования полномочий всех субъектов ювенальной юстиции.

Говоря о создании новых специализированных ювенальных органов, разумно наделить их профилактическими полномочиями, что существенно облегчит работу правоохранительной системы, семьи, социальных служб. Работу по профилактике противоправного поведения считается необходимым проводить с детьми с самого раннего возраста, как и с семьей, поскольку должное воспитание зачастую очень сложно обеспечить образованием родителей и педагогов. Ювенальные служащие, непосредственно участвующие в становлении и развитии детей как добропорядочных граждан, должны иметь узкую детско-юношескую специализацию, а равно компетентно курировать семейные отношения. Как видим, задача сложная.

Таким образом, основная задача ювенальной юстиции видится в нашей стране как комплексная, направленная на совершенствование отправления правосудия в отношении несовершеннолетних и семьи, а равно преодоление социальных проблем, дабы решить одну из основных проблем – снизить преступность в Российской Федерации.

Библиографический список

Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция РФ: офиц. текст: от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – 26 января. – № 4. Ст. 445.

Состояние преступности за январь – март 2013 г. [Электронный ресурс] // Сайт МВД РФ. – Режим доступа: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/925208/>

Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс: федер. закон: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 53 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 50 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: федер. закон: от 5 апреля 2013 г. № 59-ФЗ // СЗ РФ. – 2013. – 8 апреля. – № 14. Ст. 1667.

Бейлин, Б. Снижение возраста уголовной ответственности [Электронный ресурс] / Б. Бейлин // ВестиFM от 24 января 2013 г. – Режим доступа: http://radiovesti.ru/article/show/article_id/77186

Н. А. Гуторов

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Научный руководитель Г. Н. Чекачкова

**Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте России»**

Согласно ст. 42 УПК РФ, потерпевшим в уголовном судопроизводстве признается юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Наделив юридических лиц правом занимать процессуальное положение потерпевшего, законодатель выделил их имущество и деловую репутацию в качестве приоритетных объектов охраны. Подобный выбор детерминирован конституционными предписаниями, которые, исходя из выявленного Конституционным Судом Российской Федерации смысла, распространяются не только на человека и гражданина, но и на юридических лиц в той мере, в какой эти положения могут быть применены к данной группе субъектов [3, с. 16-17].

Вопросы компенсации морального вреда юридическим лицам в процессе производства по уголовному делу до настоящего времени остаются дискуссионными. В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует понятие деловой репутации, да и гражданское законодательство такого понятия не содержит. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 указывается на деловую репутацию как разновидность нематериального блага, подлежащего возмещению в порядке возмещения морального вреда. Ст. 151 ГК РФ устанавливает, что если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права, или посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. А ст. 150 ГК перечисляет виды нематериальных благ, на которые могут посягать. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 29.06.2010 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», где в п. 24 указывается, что вред, причиненный в результате преступных действий, подрывающих деловую репутацию юридического лица, подлежит компенсации по правилам возмещения вреда деловой репутации гражданина, положения п. 7 ст. 152 ГК РФ содержат лишь отсылку о том, что данный вред причиняется по нормам гражданского законодательства [4, с. 1]. По существу данные нормы не регламентируют возможность компенсации морального вреда, причиненного юридическому лицу. По этому пути и идет практика. В частности,

следующая формулировка: юридическое лицо не может испытывать нравственных и физических страданий, поэтому требование о компенсации морального вреда удовлетворению не подлежат, является наиболее распространенным аргументом при отказе в удовлетворении исковых требований юридического лица о компенсации морального вреда.

К возможности возмещения морального вреда юридическому лицу в теории права имеется несколько подходов. По мнению М. Н. Малеиной компенсация морального вреда является способом защиты «любых нематериальных прав юридического лица» [5]. В. Плотникова рассматривая возможность причинения морального вреда юридическому лицу вследствие распространения сведений не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию юридического лица, указывает, что моральный вред в данном случае имеет не субъективное (психическое), а объективное содержание и заключается в отрицательной оценке третьими лицами качества юридического лица и его продукции [6]. А. М. Эрделевский считает, что юридическому лицу принадлежит право требовать возмещения убытков причиненных опорочиванием его деловой репутации [7]. Такие авторы как А. Боннер, К. Голубев, С. Нарижный придерживаются точки зрения, что юридическое лицо никаких физических и нравственных страданий испытывать не может [8]. В. В. Витрянский высказался по этому поводу еще прямолинейнее – ответственность за моральный вред, причиненный юридическому лицу, является недоразумением [9].

По мнению автора, проблема заключается в отсутствии четких видов нематериальных благ, которые имеются у юридического лица, и которые могут быть нарушены, а также за нарушение которых возможно потребовать компенсацию. Автор разделяет точку зрения О. А. Пешковой, которая объединяет нематериальные блага, принадлежащие юридическому лицу в три группы. К первой группе нематериальных благ относятся блага, направленные на формирование индивидуализации юридического лица. К ним относятся фирменное наименование, товарный знак, а также деловая репутация. Вторую группу составляют блага, обеспечивающие автономию субъекта. К ним можно отнести коммерческую, служебную тайну, тайну переписки и телефонных переговоров. Третью группу включают блага, возникающие в результате интеллектуальной деятельности: изобретения, патенты, промышленные образцы и т.д. [10]. Из этого следует, что понятие «нематериальные блага» является понятием собирательным.

С вопросами компенсации морального вреда юридическому лицу связан и институт компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок. Следует отметить, что данное право вполне может быть рассмотрено как нематериальное благо, принадлежащее юридическому лицу. Вызывает определенные трудности определение правовой природы компенсации за

нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок. Действующее законодательство указывает на невозможность компенсации морального вреда в случае удовлетворения требования о компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок. Между тем, если моральный вред взыскивается из установления факта причинения вреда, то компенсация взыскивается и при отсутствии вины. Это и является тем камнем преткновения, который не позволяет определиться с правовой природой компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок. Ч. 3 ст. 1 Закона о компенсации указывает на возможность компенсации и при отсутствии вины лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Заявитель не обязан доказывать вину соответствующих органов и должностных лиц, данная вина презюмируется.

Ч. 1 ст. 1 Закона о компенсации к заинтересованным лицам, имеющим право на обращение с заявлением о присуждении компенсации в уголовном судопроизводстве, относит подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, оправданных, потерпевших, гражданских истцов и ответчиков.

Юридические лица в уголовном процессе могут быть признаны потерпевшими, гражданскими истцами и ответчиками. Таким образом, юридические лица, как участники уголовного судопроизводства, могут вступать в уголовно-процессуальные отношения в части компенсации вреда за нарушение их права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок и более того требовать соответствующей компенсации от государства.

Данную точку зрения подтверждают высказывания ряда практических работников. Так в частности судья Абаканского городского суда Республики Хакасия Е.П. Редько пишет – возмещение имущественного вреда в рассматриваемом случае обусловлено тем, что в соответствии с Конституцией РФ право на судебную защиту принадлежит к разряду основных неотчуждаемых прав. При этом отсутствие имущественного содержания и неразрывная связь с личностью носителя данного права позволяет отнести его к личным неимущественным правам. Следовательно, нарушение этого личного неимущественного права причиняет его обладателю нравственные страдания. Причем потерпевшим может быть как гражданин, так и юридическое лицо, обладающее в силу закона личными неимущественными правами, в том числе правом на судебную защиту, следовательно, способное претерпевать неимущественный вред [11].

Действующее российское законодательство несколько непоследовательно осуществляет защиту нематериальных благ юридического лица. К сожалению, в уголовном процессе при нарушении иных нематериальных

благ юридического лица взыскать их невозможно. В связи с изложенным нельзя не согласиться с мнением тех авторов, которые указывают, что если право признает юридическое лицо в качестве самостоятельного субъекта права, то такой субъект должен обладать равной возможностью иметь права и исполнять обязанности, являющиеся универсальными для индивидов и юридических лиц, в том числе иметь право на компенсацию за нематериальный ущерб, причиненный данной группе.

В настоящий же момент система защиты прав потерпевшего – юридического лица в уголовном процессе остается малоэффективной. Вред неимущественным благам юридического лица, которые могут быть нарушены преступлением, не возмещается. Отсутствует механизм регулирования возникающих правоотношений.

В настоящий же момент сложилась следующая ситуация. Ст. 44 УПК РФ указывает: гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда. Гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда. Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя. Судебная практика идет по пути отказа в компенсации морального вреда юридическому лицу – потерпевшему от преступления. Гражданское законодательство указывает в ч. 7 ст. 152 ГК РФ на возможность защиты деловой репутации юридического лица по правилам защиты деловой репутации гражданина.

В данной ситуации следовало бы ч. 1 ст. 44 УПК РФ изложить в следующей редакции: Гражданским истцом является физическое или юридическое лицо, предъявившее требование о возмещении имущественного вреда, при наличии оснований полагать, что данный вред причинен ему непосредственно преступлением. Решение о признании гражданским истцом оформляется определением суда или постановлением судьи, следователя, дознавателя. Гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального и иного неимущественного вреда, причиненного преступлением.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс (Часть первая): федер. закон: от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. – 8 декабря.
2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: федер. закон: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.
3. *Абдрахманов, М. Х.* Охрана имущества и деловой репутации юридических лиц в уголовном процессе России [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. Х. Абдрахманов. – Томск, 2008.

4. Российская Федерация. Верховный Суд. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума: от 29 июня 2010 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 9.

5. *Малеина, М. Н.* Нематериальные блага и перспективы их развития [Текст] / М. Н. Малеина. – М., 2000.

6. *Плотникова, В.* Деловая репутация как объект гражданско-правовой защиты [Текст] / В. Плотникова // Хозяйство и право. – 1995. – № 11.

7. *Эрделевский, А. М.* Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики [Текст] / А. М. Эрделевский. – 2-е изд., испр. и доп. – М: Изд во БЕК, 2000.

8. *Боннер, А.* Можно ли причинить вред юридическому лицу [Текст] / А. Боннер // Российская юстиция. – 1996. – № 6.

9. *Брагинский, М. И.* Договорное право: общие положения [Текст] / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., Статут. 1998. – 678 с.

10. *Пешкова, О. А.* Защита деловой репутации и других нематериальных благ юридических лиц [Электронный ресурс] / О. А. Пешкова. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru>.

11. *Редько, Е. П.* Компенсация морального вреда как способ защиты права на судебное разбирательство в разумный срок / Е. П. Редько // Российский судья. – 2009. – № 2.

М. Ю. Дробышев

ПРАВО ПОТЕРПЕВШЕГО НА ОТКАЗ ОТ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Научный руководитель Г. Н. Чекачкова

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Анализ таких нормативных актов как Конституция РФ и Уголовно-Процессуального Кодекса РФ (далее – УПК РФ) позволяет нам утверждать, что «лица, потерпевшие от преступлений, имеют право на участие в уголовном преследовании и разбирательстве уголовных дел в суде» [1; 2].

Исследовав ст. 24 УПК РФ, можно прийти к выводу, что одним из условий отказа в возбуждении уголовного дела является отсутствие заявления потерпевшего, понимая, что это его право он тем самым может воздействовать на досудебное производство. Вышеуказанное действие потерпевшего актуально для дел частного обвинения, также как и его неявка без уважительных причин, влекущая за собой прекращение уголовного дела. Наличие заявления потерпевшего для возбуждения дела необходимо и по делам частно-публичного обвинения. Следует сказать, что УПК РФ считает

потерпевшим и юридическое лицо в случае причинения вреда имуществу и деловой репутации юридического лица, расширяя возможности отказа потерпевшего от уголовного правосудия. В ст. 23 УПК РФ установлена норма согласно которой «уголовные дела о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях, могут быть возбуждены только по заявлению потерпевшего (руководителя организации) или с его согласия, когда эти преступления причинили вред исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, и не причинили вреда интересам других организаций, а также интересам граждан, общества и государства» [2]. При отсутствии этих условий и при отсутствии волеизъявления руководителя данной организации дело не может быть возбуждено, то есть потерпевший воспользовался своим правом на отказ от уголовного судопроизводства. В любом случае отказ от правосудия в отношении обидчика допустим только добровольно.

Может возникнуть вопрос: есть ли у потерпевшего право на отказ от уголовного правосудия по делам публичного обвинения? Анализ УПК РФ говорит нам о том, что возможный отказ потерпевшего от реализации своих прав предусмотренных в ст. 42 УПК РФ не влечет прекращения дела или оправдания подсудимого. Уголовный процесс в таких случаях полностью зависит от органов предварительного расследования, прокурора и суда. Дело может быть рассмотрено и при неявке потерпевшего. Закон не обязывает его пользоваться правами, указанными в вышеназванной статье принудительно, то есть участие потерпевшего в процессе может заключаться лишь в своевременной явке по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда, даче правдивых показаний и прохождении освидетельствования, поскольку он не вправе отказаться от названных следственных действий в предусмотренных законом случаях.

Выше в нашем исследовании было сказано о добровольности отказа потерпевшим от правосудия над виновным лицом, то есть решение должно приниматься самостоятельно и без чьего-либо влияния и принуждения, самостоятельность потерпевших как частных лиц в решении вопроса о привлечении правонарушителя к ответственности оправдана потому, что дела частного обвинения совершаются обычно на личной, бытовой, семейной почве, участниками конфликта выступают члены семьи, родственники, соседи, друзья, знакомые, сослуживцы, то есть лица, с которыми потерпевший состоит в каких-либо отношениях. Вмешательство государства в разбирательство таких случаев может обострить эти отношения конфликтующих сторон. А блокирование конфликта посредством примирения их, тем более возмещение вреда (морального и имущественного) потерпевшему, восстановление его интересов, нарушенных в результате преступления, без применения карательных мер, мер принуждения, представляется

более значимым социальным эффектом, нежели привлечение виновного к уголовной ответственности и осуждение. Свобода потерпевшего распоряжаться своим правом отказаться от правосудия, его желание разрешить возникший конфликт без помощи и вмешательства государства – это его законный интерес, по своей ценности стоящий выше, чем публичный интерес по делам о преступлениях, отличающихся невысокой степенью общественной опасности.

Стоит разобраться: чем обусловлено законодательное установление возможности отказа от уголовного правосудия и какова его ценность? Прежде всего, тем, что нормы уголовного права и процесса предусматривают институт примирения потерпевшего с обвиняемым и возможность освобождения нарушителя от уголовной ответственности. У этого института, видится много плюсов: возможна большая реализация права на компенсацию потерпевшему причиненного ему ущерба в объеме, достаточном с точки зрения не лица, совершившего преступление, а самого потерпевшего, целесообразность устранения таким путем задержки в отправлении уголовного правосудия, вызываемой длительностью судопроизводства.

Отказ потерпевшего от правосудия имеет также и экономическую сторону. Он исключает финансовые расходы потерпевшего на судопроизводство, отвлечение потерпевших, свидетелей иных лиц, как возможных участников процесса, от их общественно полезной работы и личных дел, снижает нагрузку соответствующих органов предварительного расследования, прокурорского надзора и суда на разбирательство дел частного и частно-публичного обвинения, тем самым дает им возможность больше внимания уделять организованной преступности, тяжким и особо тяжким преступлениям.

В целях повышения эффективности, рассматриваемого правового института, есть необходимость дальнейшего его совершенствования. Огромным шагом вперед в уголовно-процессуальном законодательстве было бы законодательное регламентирование механизма примирения потерпевшего с обидчиком путем определения «понятие "примирение" как "добровольное раскаяние в совершении преступления лицом, против которого осуществляется уголовное преследование, перед потерпевшим и прощение последним его действий, а также достижение между ними согласия относительно порядка, размера и срока заглаживания вреда"» [3]. Тем самым давая шанс провинившимся гражданам не быть подвергнутыми к ущемлению своего права на свободу карательными органами государства.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция РФ: офиц. текст // Собрание законодательства РФ. – 2009. – 26 января. – № 4. Ст. 445.

2. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: федер. закон: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 декабря.

3. *Дмитриева, Л. З.* Право потерпевшего на отказ от уголовного правосудия [Текст] / Л. З. Дмитриева // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа: РИО БашГУ, 2003.

О. Г. Кобзева

ЭВОЛЮЦИЯ СОКРАЩЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВ В РОССИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Научный руководитель Д. В. Ванин

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Сокращенные производства на протяжении многих лет остаются неотъемлемой частью уголовного процесса многих стран мира. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон в своем словаре определяют данный вид производства как устанавливаемый законом порядок «для рассмотрения дел о маловажных проступках, в видах ускорения судопроизводства и экономии судебных сил» [1, с. 416].

Однако за время своего существования институт сокращенных производств претерпел целый ряд изменений, и то, в каком виде он существует на сегодняшний день, представляет собой итог длительных споров теоретиков и практиков уголовного процесса и работы законодателей разных эпох.

Так, на сегодняшний день с помощью сокращения процессуальной формы решаются не только малозначительные дела. Напротив, одна из форм сокращения разработана специально для разрешения тяжких и особо тяжких преступлений, борьбы с транснациональной преступностью.

Исследование же истории возникновения и эволюции сокращенных производств имеет важное значение, в том числе и для возможного прогнозирования дальнейшего развития отечественного уголовно-процессуального законодательства.

Несмотря на все споры ученых о наиболее точном и верном наименовании данного вида производств, в рамках одной работы лучше выработать один, общий подход. Так, оставив за рамками данной статьи этимологические споры, мы будем считать сокращенное и упрощенное производство тождественными, поскольку первое неразрывно связано со вторым, и существование этих категорий раздельно на сегодняшний день немыслимо.

На сегодняшний день многие ученые обращаются к вопросам изучения сокращенных производств, но лишь некоторые начинают рассмотрение данного правового института с исторического анализа проблемы. Сюда можно, пожалуй, отнести П. Н. Ременных, К. Б. Калиновского и др.

[2, с. 58; 3] Преимущественно же, материал по данной теме содержится в более ранних источниках или работах, посвященных общему развитию отечественного законодательства [4, с. 356; 5, с. 76; 6, с. 680-681; 7, с. 59; 8, с. 115]

Поскольку значимость изучения развития правовых институтов была упомянута выше, отметим, что в данной работе мы затронем советский период развития России. Этот период изначально можно охарактеризовать как время, когда на смену прежней монархической власти пришла новая, желавшая построить новое государство, разрушив все существовавшие ранее устои общества, сложившиеся на протяжении сотен лет. Вместе с новым государством и новым обществом пришли и новые законы – законы Советской России.

Этот период для многих олицетворяется с культом личности и репрессиями, однако многое он заимствовал из прежнего, дореволюционного законодательства. Так, остались и рассматриваемые нами упрощенные производства.

Политика первых лет после революции и гражданской войны, попытки построения нового общества, а затем и основа политики Сталина требовали и ускоренного правосудия, возможности быстрого смещения противящихся режиму. Не зря именно в этот период появилась, ставшая крылатой, фраза «Признание – царица доказательств». Именно признание своей вины, лежащее в основе упрощенных производств, и получило свое закрепление в советском законодательстве.

Так, изначально проекты УПК содержали в себе нормы о возможности ускорения судебного разбирательства в случае, когда подсудимый признает свою вину. При этом суд мог не только не рассматривать дальнейшие доказательства по уголовному делу, но и в случае отсутствия возражений сторон перекалфицировать обвинение, ухудшив положение лица, привлеченного к ответственности. Безусловно, это положение никак не согласуется с сегодняшним требованием закона о недопустимости поворота к худшему.

В последующем положения об упрощенной форме уголовного судопроизводства были закреплены в ст. 282 советского Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. Согласно данной норме, если подсудимый согласился с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, и дал показания, суд может не производить дальнейшее судебное следствие и перейти прямо к прениям сторон.

УПК 1960 г. вообще не предусматривал упрощенного уголовного судопроизводства.

Однако через некоторое время в данном законе получили правовую регламентацию нормы, предусматривающие так называемые согласительные примирительные процедуры. Они были зачастую взаимосвязаны с процедурами упрощенного характера (например, ст. 6 УПК РСФСР).

В 1991 г. Верховным Советом РСФСР было принято Постановление «О концепции судебной реформы в РСФСР».

По словам В. М. Лебедева, «ставились задачи расширения сфер судебной защиты прав и свобод граждан, совершенствования судопроизводства, повышения доступа к правосудию, приведения российского законодательства в соответствие с современными мировыми стандартами, нормами и принципами международного права» [10, с. 2].

Выполнение положений постановления должно было привести к коренному изменению уголовно-процессуального законодательства.

Совет судей в своем Постановлении от 3 апреля 1998 г. указал на необходимость предусмотреть сокращенный порядок судебного следствия по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести [11, с. 4]. Также он отметил необходимость в предоставлении возможности государственному обвинителю и защитнику на начальной стадии уголовного процесса (в ходе предварительного слушания) заключить с согласия обвиняемого соглашение о признании им вины, при наличии судебного контроля за соблюдением всей процедуры.

По словам П. Н. Ременных, данные меры были предприняты из-за сложившейся катастрофической обстановки в судах [3, с. 15].

Таким образом, в 1997 г. 25,1% уголовных дел было рассмотрено с нарушением процессуальных сроков, в 1998 г. - 23%, а в 1999 г. - 21,3%. Всего же в целом по стране в 1998 г. судами было окончено свыше 1137 тысяч уголовных дел, что было почти в два раза больше, нежели в 1991 г. [10, с. 3]

Одной из основных причин сложившейся ситуации являлась громоздкая и сложная процедура судебного разбирательства.

В связи с этим законодателю необходимо было разработать и нормативно закрепить комплекс норм, которые бы предоставили возможность упростить порядок судопроизводства по отдельным категориям уголовных дел.

Качественное изменение в структуре преступности, наметившееся в начале XXI в., вызвало необходимость соответствующего реагирования со стороны государства в подготовке и принятии мер по борьбе с ней. В связи с этим на сегодняшний день в УПК РФ можно выделить несколько видов упрощенных форм – институт особого принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, институт особого принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, производство у мирового судьи. Планируемым новшеством является введение института сокращенной формы уголовного судопроизводства.

Таким образом, претерпевая изменения, сокращенное производство прошло долгий путь своего развития. Менялась категория дел, по которым оно применялось, добавлялись новые институты и исчезали старые. Неизменным остается то, что государство, выполняя свою функцию по охране

граждан от преступных посягательств, стремится и к процессуальной экономии для сбережения сил и средств, а также для ускорения торжества справедливости и повышения доверия к правосудию.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Текст]. – СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1900.
2. *Калиновский, К. Б.* Основные виды уголовного судопроизводства [Текст]: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002.
3. *Ременных, П. Н.* Теоретические основы и практика применения особого порядка судебного разбирательства [Текст] / П. Н. Ременных: дис. ... канд. юрид. наук / П. Н. Ременных. – Барнаул, 2006.
4. *Момотов, В. В.* Формирование русского средневекового права в IX-XIV вв. [Текст]: монография / В. В. Момотов. – М.: ИДК; Зерцало-М, 2003.
5. *Линовский, В. А.* Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России [Текст] / В. А. Линовский. – М.: ЛексЭст, 2001.
6. *Чельцов-Бебутов, М. А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах [Текст] / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб.: Равна; Альфа, 1995.
7. *Арсентьева, Ю. В.* Освобождение от уголовной ответственности по законодательству России до Уложения 1903 года [Текст] / Ю. В. Арсентьева // Российский следователь. – 2006. – № 2.
8. Краткое изображение процессов или судебных тяжб от 30 марта 1716 г. [Текст] // Воинские процессы, приложенные при Воинском уставе; о порядке судопроизводства вообще: Собр. законов о судостроительстве и судопроизводстве уголовном с 1649 по 1825 г. включительно / Петр и Тимофей Хаевские. – СПб., 1825.
9. *Духовской, М. В.* Русский уголовный процесс [Текст] / М. В. Духовской. – М., 1910.
10. *Лебедев, В. М.* Расширение доступа к правосудию – одна из целей судебной реформы [Текст] / В. М. Лебедев // Российская юстиция. – 1999. – № 9.
11. Совет судей голосует за сделки о признании вины [Текст] // Российская юстиция. – 1998. – № 6.

М. А. Ковалев

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ

Научный руководитель В. Н. Тронева

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Правоохранительная деятельность таможенных органов – это такая их деятельность, которую они, являясь частью единой системы правоохранительных органов Российской Федерации, на основе закона и в соответ-

ствующих формах осуществляют с целью охраны общественных отношений в сфере таможенного дела [1].

Правоохранительная деятельность таможенных органов имеет следующие особенности:

1) правоохранительный статус таможенных органов прямо закреплен законом, а не вытекает из анализа выполняемых ими функций;

2) является одним из основных, но далеко не единственным направлением деятельности таможенных органов в отличие от других правоохранительных органов России;

3) носит фискальный оттенок, поскольку является одним из средств пополнения федерального бюджета России.

Таможенные органы государств-членов Таможенного союза осуществляют оперативно-розыскную деятельность в целях выявления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, признаваемое законодательством этих государств преступлением, производство по которому отнесено к ведению таможенных органов, исполнения запросов международных таможенных организаций, таможенных и иных компетентных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами [2].

Таможенные органы осуществляют прием и регистрация сообщений о преступлении. Под приемом понимают получение сообщения о преступлении должностным лицом, правомочным или уполномоченным на эти действия, а под регистрацией сообщения о преступлении – внесение уполномоченным должностным лицом таможенного органа в книгу учета сообщений о преступлениях краткой информации, содержащейся в принятом сообщении о преступлении, а также отражении в этом сообщении сведений о его фиксации в вышеуказанной книге с присвоением соответствующего регистрационного номера.

Сообщения о преступлениях вне зависимости от территории и времени совершения преступных деяний, полноты сообщаемых сведений и формы представления, а также подследственности круглосуточно принимаются во всех таможенных органах, осуществляющих функции органа дознания.

Должностными лицами, правомочными осуществлять прием сообщений о преступлениях и оформлять их в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в Центральном аппарате ФТС России, являются:

- сотрудники Главного управления по борьбе с контрабандой;
- сотрудники управления таможенных расследований и дознания;
- сотрудники управления собственной безопасности;
- сотрудники оперативно-дежурной службы РТУ ОСО [3].

Сообщение о преступлении может поступать в таможенный орган лично от заявителя, по почте, по телефону, телеграфом, факсимильным или иным видом связи, в том числе анонимно. Таможенные органы не вправе отказывать в приеме сообщений о преступлениях на основании недостаточности сообщаемых данных.

О качестве деятельности таможенных органов говорит статистика. Так, по итогам работы за I квартал 2013 г. таможенными органами Российской Федерации возбуждено 445 уголовных дел. Это на 8,8% больше, чем в аналогичном периоде 2012 г. (409 дел). В отношении конкретных лиц возбуждено 233 уголовных дела (в I квартале 2012 г. – 231 дело). Наибольшее количество возбужденных уголовных дел приходится на таможенные органы Центрального (176), Сибирского (73), Северо-Западного (50), Дальневосточного (31) таможенных управлений [4].

Перемещение товаров и пересечение таможенной границы допускается исключительно в местах, определяемых таможенными органами и под их контролем. Незаконным является перемещение вне пределов таможенного контроля с использованием тайников или других способов, осложняющих обнаружение или идентификацию объектов перемещения. Под способом, осложняющим и затрудняющим обнаружение объектов перемещения, понимается физическое сокрытие этих предметов, при котором лицо, производящее таможенный досмотр багажа пассажира, товаров и транспортных средств, не может обнаружить сокрытые от таможенного контроля предметы путем обычного визуального осмотра, либо помещение таких предметов в местах, не предназначенных для транспортировки товаров, доступ в которые затруднен – в складках одежды, под одеждой, в естественных полостях тела, в тамбурах поездов, хвостовой части самолета [5].

Так, 763 случая контрабанды наркотиков пресекли таможенные органы Российской Федерации в I полугодии 2013 г. в ходе таможенного контроля физических лиц, транспортных средств и грузов, а также оперативно-розыскных мероприятий, проводимых самостоятельно или во взаимодействии с российскими или зарубежными правоохранительными органами. В результате более 195 кг наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ изъято из незаконного оборота, в том числе более 64 кг героина, 13 кг кокаина, 53 кг гашиша, 5 кг марихуаны, 7 кг сибутрамина, более 18 кг синтетических наркотиков, входящих в курительные смеси типа «спайс» [6].

Современные требования и условия деятельности диктуют таможенным органам новые задачи, нацеливая их на использование информационных технологий и инструментальных способов контроля и администрирования. Оснащение таможенных постов современными передовыми техническими средствами контроля и обнаружения наркотических средств и психотропных веществ (мультиэнергетические и QED-детекторы), пози-

тивно сказывается на возможности таможенных органов выявлять преступления, связанные с контрабандой наркотиков на территории Российской Федерации и позволит эффективно предотвращать незаконное перемещение товаров через таможенную границу.

Библиографический список

1. *Батычко, В. Т.* Таможенное право в вопросах и ответах [Текст] / В. Т. Батычко. – Таганрог: ТРТУ, 2005. – Режим доступа: <http://www.aup.ru/books/m229/17.htm>
2. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 № 17) // Собрание законодательства РФ. – 2010. № 50. Ст. 6615 (в ред. от 16.04.2010 г.). Статья 7.
3. Инструкции о порядке приема, регистрации и проверки в таможенных органах Российской Федерации сообщений о преступлениях, утвержденной приказом ФТС России от 12 января 2007 г. № 23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=15557:2012-02-01-10-14-33&catid=92:pravoohr-deyat-cat&Itemid=2235
4. Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 1 квартал 2013 года [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной таможенной службы РФ. – Режим доступа: <http://www.customs.ru/>
5. *Свиныхов, В. Г.* Правовое обеспечение таможенного контроля [Текст] / В. Г. Свиныхов // Право и экономика. – 2005. – № 12.
6. Борьба таможенных органов с контрабандой наркотиков в I полугодии 2013 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.customs.ru/>

М. А. Лавнов

ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ

Научный руководитель Л. В. Никитина

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Изучая вопрос о правовой природе прекращения уголовного дела по п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, следует отметить, что в основе данного правового положения лежит «институт иммунитетов», которым для отдельных категорий лиц устанавливаются особые процессуальные гарантии обоснованности привлечения их к уголовной ответственности. «Применительно к уголовно-процессуальному законодательству понятие «иммунитет», - подчеркивает В. И. Руднев, – может пониматься как освобождение от выполнения процессуальных обязанностей и ответственности... Это означает, что некоторые лица – депутаты, судьи, прокуроры, близкие родственники

лица, привлекаемого к уголовной ответственности – в определенных ситуациях могут иметь возможность не давать показаний, не привлекаться к ответственности»[1, с. 37].

Рассуждая над сущностью иммунитета и характеризуя его соотношение с институтом уголовной ответственности, Е. Г. Васильева придерживается другой позиции, указывая при этом, что ни один иммунитет сам по себе не может явиться препятствием для ее реализации. Ни одному человеку в правовом государстве не должно предоставляться право совершать преступления, не подвергаясь за это уголовной ответственности только на том основании, что они являются носителями тех или иных властных полномочий. В этой связи, наличие иммунитета у лица определяется как основание для дифференциации уголовно-процессуальной формы, с целью установления дополнительных гарантий обоснованности принятия соответствующих уголовно-процессуальных решений [2, с. 129]. По нашему мнению, следует учитывать, что в юридическом смысле иммунитет согласно словарям есть исключительное право не подчиняться некоторым общим законам, предоставленное лицам, занимающим особое положение в государстве [3, с. 490]. Кроме того, термин «иммунитет» в собственном (медицинском) смысле означает невосприимчивость организма по отношению к возбудителям болезней или определенным ядам, невосприимчивость к какому-нибудь инфекционному заболеванию» [4, с. 248]. Представляется, что в таком контексте основная проблема правового иммунитета заключается в следующем. С одной стороны, он служит гарантией того, что лицо, им обладающее будет защищено от необоснованного уголовного преследования. В этом и проявляется обеспечительная функция иммунитета. С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что чрезмерные преграды для привлечения чиновников, депутатов, судей к уголовной ответственности часто делают невозможным расследование, нарушают принцип неотвратимости ответственности и не способствует формированию уважительного отношения у населения к закону и власти [5, с. 152].

По своей сущности, данное основание (п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) прекращения уголовного дела представляет собой не что иное, как отсутствие специального условия для продолжения процессуальной деятельности. То есть, оно исключает возможность ведения уголовного судопроизводства, несмотря на возможное наличие всех обстоятельств, свидетельствующих о совершенном преступлении.

Действующая редакция п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ закрепляет следующие вариации ее применения:

1. *Согласие либо отказ в даче согласия* Совета Федерации и Государственной Думы на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы.

2. *Отсутствие заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ* о наличии в действиях Генерального прокурора РФ и Председателя следственного комитета РФ признаков преступления. При этом нужно учитывать, что рассмотрение соответствующего представления, а также вынесение по результатам такого рассмотрения заключения обязательно. Поэтому формулировка «отсутствие заключения», на наш взгляд, некорректна. И более правильным было бы говорить об отсутствии признаков преступления, установленных заключением коллегией из трех судей Верховного Суда РФ.

3. *Согласие либо отказ в даче согласия Конституционного суда РФ* на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого судьи Конституционного суда РФ.

4. *Согласие либо отказ в даче согласия Высшей квалификационной коллегии судей РФ* на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого судей Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, федерального арбитражного суда, военного суда.

5. *Согласие либо отказ в даче согласия квалификационной коллегии судей РФ* на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого иных судей.

Следует отметить, что определение в УПК РФ этих понятий не нашло должной четкости, процессуальный порядок прекращения уголовного дела по указанным основаниям, на наш взгляд, во многом противоречив и нуждается в дополнительном анализе и уточнении.

Учитывая тот факт, что в соответствии с ч. 5 ст. 448 для принятия решения о прекращении уголовного дела в отношении указанных лиц необходимо наличие мотивированного отказа в даче согласия на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого, а также заключения об отсутствии признаков преступления, можно предположить, что в данном решении должен содержаться анализ доказательств, собранных на момент его принятия. Мотивированность также предполагает изложение доводов, по которым отвергнуты те или иные доказательства, а также приведение фактической и логической аргументации, обосновывающей принятие решения.

Таким образом, можно сделать вывод, что отказ соответствующего органа в даче согласия на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого, равно как и заключение коллегии, состоящей из трех судей Верховного суда об отсутствии признаков преступления представляют собой констатацию наличия реабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (преследования) – отсутствие события преступления, отсутствие состава преступления, непричастность лица к совершению

преступления. При этом в ч.2 ст. 27 УПК РФ содержится перечень оснований прекращения уголовного преследования, которые требуют согласия обвиняемого на вынесение такого процессуального решения. В этом перечне присутствуют основания, предусмотренные п. 6 ч. 1 ст. 24 и п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Такое положение свидетельствует о том, что каждое из этих оснований не исключает (может даже предполагать) констатацию совершения лицом преступления, что наряду с указанием на обязательность получения согласия обвиняемого на прекращение уголовного преследования позволяет оценить их как нереабилитирующие. Однако, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ указанные основания прекращения уголовного преследования влекут реабилитацию лица. В этой связи возникает вопрос: как соотносится такой вывод в отношении оснований прекращения уголовного преследования, предусмотренных п. 6 ч. 1 ст. 24 УПК, п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, с изложенными выше положениями ч. 2 ст. 27 УПК РФ? Ведь прекращение уголовного преследования по этим основаниям, с одной стороны, требует получения согласия обвиняемого, а с другой – влечет его полную реабилитацию.

Представляется крайне сомнительным, чтобы прекращение уголовного преследования по реабилитирующему основанию не содержало прямой ответ об отсутствии преступления или непричастности лица и требовало получения согласия на вынесение такого процессуального решения от обвиняемого.

Другая сторона проблемы – возможность обжалования решений, принятых соответствующими органами об отказе в лишении неприкосновенности данной категории лиц.

Решение Конституционного Суда РФ, а также соответствующей квалификационной коллегии судей о даче либо об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи или привлечение его в качестве обвиняемого, как уже отмечалось, должно быть мотивированным. Это решение принимается в срок не позднее 10 суток со дня поступления в суд представления Председателя Следственного комитета РФ.

Вынесенное Конституционным Судом РФ решение по вопросу о даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении его члена окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения (ч. 1 ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Вопрос о возможности обжалования решения парламента о лишении депутата неприкосновенности нашел свое разрешение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 12.04.2002 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных ор-

ганов государственной власти субъектов РФ» в связи с жалобой гражданина А. П. Быкова, а также запросами Верховного Суда РФ и законодательного собрания Красноярского края», согласно которому такое решение не может иметь преюдициального значения, исключающего судебную проверку выявленных фактов и обоснованности сделанных выводов; по своей юридической силе такое решение не является актом, которым окончательно разрешается вопрос о возможности уголовного преследования».

Что же касается решения квалификационной коллегии судей об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи или заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, то они могут быть обжалованы в судебном порядке постольку, поскольку этим решением затрагиваются права как самого судьи, так и гражданина, пострадавшего от его действий. Наличие такой возможности служит реальной гарантией осуществления конституционного права каждого на судебную защиту (ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ), а также прав, предусмотренных ст. 52 и 53 Конституции РФ. Следует иметь в виду, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции РФ. А поэтому уголовно-процессуальное законодательство должно быть приведено в соответствие с Конституцией РФ и федеральными конституционными законами РФ в части уголовно-процессуальных гарантий. В. Д. Холоденко, по этому поводу справедливо отмечает: «УПК РФ не называет заключение суда в числе судебных решений, которые могут быть обжалованы сторонами в кассационном порядке или в порядке надзора (ст. 354, ч. 1 ст. 402 УПК РФ), что... не согласуется с положениями ст.ст. 2, 46, 52 Конституции РФ и ст. 6 УПК РФ об обеспечении защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» [5, с. 9].

С вступлением в силу с 1 января 2013 г. нового порядка пересмотра судебных решений данная проблема не нашла своего разрешения поскольку, согласно ст. 389.2 УПК РФ, решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, могут быть обжалованы сторонами в апелляционном порядке. Статьями 401.1 и 412.1 УПК РФ закреплено, что суд кассационной инстанции проверяет по кассационным жалобе, представлению, а суд надзорной инстанции проверяет по надзорной жалобе или представлению законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу. В соответствии, с п. 53.1 ст. 5 УПК РФ «судебное решение» – это приговор, определение, постановление, вынесенные при производстве по уголовному делу в судах первой и второй инстанций; определение и постановление, вынесенные при производстве по уголовному делу в суде кассационной инстанции; постановление, вынесенное при производстве по уголовному делу в суде надзорной инстанции. Ни согласие квалификационной коллегии судей соответствующего уровня, ни

заключение коллегии из трех судей Верховного Суда РФ, ни Согласие Совета Федерации и Государственной Думы на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, исходя из буквального толкования норм УПК РФ, не подпадают под решения, которые могут быть обжалованы в апелляционном, кассационном или надзорном порядке.

В этой связи, представляется целесообразным закрепить на законодательном уровне возможность апелляционного обжалования решений такого рода лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются при их вынесении.

Библиографический список

1. *Руднев, В. И.* Иммунитет от уголовного преследования [Текст] / В. И. Руднев // Журнал российского права. – 1998. – № 7.
2. *Васильева, Е. Г.* Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу [Текст] / Е. Г. Васильева. – М.: Юрлитинформ, 2006.
3. Советский энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1989.
4. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка.
5. *Морозова, И. С.* Основы теории правовых льгот [Текст] / И. С. Морозова; под ред. А. В. Малько. – Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2007.
6. *Холоденко, В. Д.* Правовая регламентация уголовного преследования и обвинения [Текст] / В. Д. Холоденко / Научно-практический комментарий к положениям ФЗ от 4 июля 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ». – Саратов, 2003.

Е. В. Немашкалова

РОЛЬ ИНСТИТУТА ПОНЯТЫХ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Научный руководитель Г. Н. Чекачкова

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Согласно действующему УПК РФ, понятой – незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем или следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия [1, ч. 1 ст. 60].

Обязательное участие в некоторых следственных действиях понятых является одной из специфических черт российского уголовного процесса. Примечательно, что в уголовно-процессуальном законодательстве

развитых стран институт понятых отсутствует: в Германии, Франции, Канаде, Японии, США, Китае, многих других странах законом не предусмотрено участие в расследовании по уголовным делам лиц, на которых была бы возложена обязанность удостоверить правильность расследования, проводимого специально уполномоченными на то должностными лицами правоохранительных органов.

Не являясь, как правило, специалистами в области юриспруденции, понятые, порой, не могут эффективно исполнить свои обязанности – подтвердить правильность производства следственного действия, особенно такого сложного, каким является обыск или осмотр места происшествия. Удостоверить, что осмотр проведен правильно, способно лишь лицо, сведущее в уголовно-процессуальном праве и криминалистике. Тем не менее, ст. 170 УПК РФ предусматривает три процессуальных основания участия понятых в производстве следственных действий: обязательное участие понятых; участие понятых в производстве других следственных действий по ходатайству участников уголовного судопроизводства; участие понятых в этих же следственных действиях по инициативе самого следователя.

Сущность понятого заключается в следующем: любое действие следователя, лица, производящего дознание, оперативного работника, может быть связано с намерением, что-либо сфальсифицировать или сфабриковать. Понятые же, как незаинтересованные лица, призваны быть гарантом объективности и законности следственных действий. Иными словами, первые встречные могут и должны контролировать работу сотрудника правоохранительных органов, официально уполномоченного государством, обществом на выполнение социально значимой функции, на практике же превращенного в «заинтересованное лицо». В то же время присутствие понятых призвано оградить следователя и от клеветнических измышлений, провокаций со стороны лиц, действительно заинтересованных в исходе дела.

Если понятым были замечены какие-либо нарушения или упущения лиц, производящих следственное действие, он вправе делать заявления и замечания по поводу этого следственного действия, которые подлежат занесению в протокол. Для того чтобы установить соответствие фактов, отраженных в протоколе ходу и результатам следственного действия, понятой имеет право знакомиться с протоколом следственного действия. Если содержание протокола соответствует действительно произведенным действиям и полученным результатам, понятой должен подписать протокол. Отсутствие его подписи свидетельствует о нарушениях, допущенных при производстве следственного действия. Если понятой отказывается подписать протокол следственного действия, то следователь делает об этом отметку в протоколе и заверяет ее своей подписью. При этом понятому должна быть предоставлена возможность дать объяснения о причинах отказа, которые подлежат занесению в протокол.

Одним из ключевых признаков понятых является отсутствие их заинтересованности в деле, на чем настаивает закон. Это обстоятельство заставляет человека относиться к возложенным на него обязанностям сугубо формально. Такой понятой «в состоянии лишь подтвердить факт его присутствия при выполнении следственного действия», но не реально удостоверить содержание и результаты следственного действия [5].

Федеральным законом от 04.03.2013 года № 23-ФЗ в УПК были внесены изменения, сократившие количество следственных действий, производимых с участием понятых почти в три раза, сохранив его лишь для обыска и личного обыска, выемке информации с компьютерных носителей и предъявления для опознания. В иных случаях, там, где раньше это было обязательно, понятые принимают участие в следственных действиях по усмотрению следователя. Если в указанных случаях по решению следователя понятые в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным. Если в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись [2].

Несмотря на внешне революционную форму, его положения, на самом деле, не содержат каких-то особо принципиальных новелл, претендующих на реальное изменение сложившихся порядков и методов работы. С практической точки зрения, речь идет лишь о некотором упрощении и облегчении ряда бюрократических процедур. Не новы эти положения и для уголовно-процессуальной теории, в которой уже давно акцентировалось внимание на то, что понятые действительно необходимы лишь в тех случаях, когда затрагиваются конституционные права на неприкосновенность личности, жилища, частной жизни и другие законные интересы граждан. Это имеет место при обыске, принудительной выемке, опознании предметов или лиц по их фотографиям, а так же в случае невозможности подписания обвиняемым, потерпевшим или свидетелем протокола следственных действий в силу каких-либо физических недостатков. В иных случаях понятые должны приглашаться лишь по требованию подозреваемого, обвиняемого или их защитника, когда они считают, что нарушаются права лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и в дальнейшем возможна конфликтная ситуация [5].

Также указывалось на возможность осуществления следственных действий без участия понятых, если в них участвует представитель защиты [4].

В этом же русле – предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства об отмене обязательного участия понятых при проведении осмотра трупа; эксгумации; предъявления для опознания трупа; осмотра предметов и документов, если они были осмотрены ранее, в процессе производства других следственных действий (обыска, выемки

и т.д.). Наряду с этим, одним из условий проведения всех следственных действий, в которых теперь участие понятых сокращено, рекомендовалось применение технических средств фиксации. В случае невозможности их применения – участие понятых должно быть обязательным [3; 6].

На наш взгляд, в законе необходимо строго указать «или-или»: при наличии технической возможности фиксировать ход следственного действия без привлечения понятых; нет такой возможности – следует использовать понятых. Третьего, позволяющего недобросовестным правохранителям фабриковать материалы, варианта в законе быть не должно. Наличие этого «третьего» противоречит осознанию того, что права и законные интересы защищены. Однако при этом не может не вызвать удивление финансово-экономическое обоснование последних изменений УПК на стадии законопроекта: «Принятие федерального закона «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» не повлечет дополнительных расходов из федерального бюджета». Каким образом можно заменить участие понятых в процессуальных действиях на использование технических средств фиксации (видеозапись), если не предусматривать в федеральном бюджете массовое приобретение таких средств фиксации? Возникает опасность, что история повторится как с домашним арестом, принудительными работами и иными позитивными нововведениями. Однако в данном случае отсутствие материального обеспечения чревато оставлением «за кадром» возможных массовых нарушений прав человека.

Не менее острой является и проблема обеспечения самого участия понятых. В следственной практике за многие годы сложился порочный подход к институту понятых как к обременительной обязанности.

Можно констатировать распространенность явления, когда в качестве понятых приглашаются любые попавшиеся под руку лица без каких-либо попыток выяснить их отношение к участникам следственного действия и к расследуемому делу в целом. Нередки случаи, когда в понятые попадают люди, находящиеся в нетрезвом состоянии, с выраженными физическими или психическими недостатками, весьма преклонного возраста, проживающие далеко от места проведения расследования, что затем затрудняет допросить их, если в этом возникает необходимость.

Для оперативников и следователей поиск понятых при проведении задержаний, обысков и прочих действий давно стал настоящей головной болью. Даже днем в крупных городах сложно найти человека, который согласился бы потратить несколько часов личного времени, праздно наблюдая за обыском в квартире или осмотром, к примеру, трупа, с перспективой последующего вызова на допрос к следователю. Поэтому привлечение понятых зачастую превращается в фикцию. Ведь очевидно, что никто не станет из любви к искусству прослушивать фонограммы многие часы без

перерыва на обед или сон, и уж тем более не станет по своей воле ходить в полицию как на работу, чтобы довести данное процессуальное действие до конца. Но деваться оперативникам и следователям некуда: без подписи понятых имеющиеся доказательства будут считаться незаконными, и поэтому правоохранителям приходится постоянно выкручиваться.

Зачастую можно услышать предложения вообще отказаться от этого института, который, мол, является выражением недоверия к следователю или органу дознания. Но дело тут вовсе не в доверии, а в обеспечении проверяемости определенных видов доказательств, без чего невозможно прийти к однозначному выводу об их достоверности. Представляется, что в перспективе необходимо идти иным путем.

Институт понятых должен существовать на постоянной основе, по аналогии, например, с формированием списков присяжных заседателей путем случайной выборки по спискам избирателей, привлекая граждан в качестве понятых на короткое время – на несколько дней не более чем один раз в году. Критерии, предъявляемые к присяжным, вполне применимы и к понятым [12].

Практически повсеместно при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий (например, проверочная закупка), привлекаются граждане в качестве понятых. При этом особого внимания заслуживает тот факт, что участие понятых в проведении оперативно-розыскных мероприятий не имеет правовой регламентации, и инициатива в их привлечении к участию всецело принадлежит субъектам оперативно-розыскной деятельности [6].

Как показывает действительность, жизнь страны определяют не столько сами законы, сколько то, как их трактуют и применяют исполнители. В целом новеллы УПК, безусловно, позитивные, и вносят серьезный вклад в дело более быстрого и качественного раскрытия преступлений. Естественно, если мы имеем в виду добросовестных правоохранителей. Про недобросовестных говорить бессмысленно, потому что такие сотрудники могут извратить и использовать в своих преступных целях любые законы. И если полицейский, следователь, оперативник настроен на нарушение закона, понятые ничем не мешают, а иногда даже и помогают.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: федер. закон: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. Ст. 4921 (в ред. ФЗ от 04.03. 2013 г.).
2. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон: от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 9. Ст. 875.

3. *Афонин, В. К.* Правовое и организационное обеспечение участия поня-тых в досудебном производстве по уголовным делам [Текст]: автореф. дис. канд. юрид. наук / В. К. Афонин. – Люберцы, 2012.

4. *Сторожева, А. Н.* Понятой в российском уголовном судопроизводстве [Текст]: автореф. дис. канд. юрид. наук / А. Н. Сторожева. – Красноярск, 2006.

5. *Хитрова, О. В.* Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве [Текст]: автореф. дис. канд. юрид. наук / О. В. Хитрова. – М., 1996.

6. *Шарун, В. В.* Организационно-тактические особенности производства отдельных следственных действий с участием понятых [Текст]: автореф. дис. канд. юрид. наук / В. В. Шарун. – Калининград, 2007.

7. *Белоусов, А. В.* О необходимости изменения в институте понятых [Текст] / А. В. Белоусов // Прокурорская и следственная практика. – 2000. – № 3-4.

8. *Быков, В.* Институт понятых в уголовном процессе России [Текст] / В. Быков // Уголовный процесс. – 2002. – № 3.

9. *Михайлов, А.* «Институт понятых» – архаизм российского уголовного производства [Текст] / А. Михайлов // Законность. – 2003. – № 4.

10. *Селезнев, М.* Понятой или свидетель? [Текст] / М. Селезнев // Законность. – 1998. – № 1.

11. Понятой – а зачем он? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravorub.ru/articles/23876.html#content>.

12. Понятые – это во многом вредный институт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20120313/261945141.html.

Н. В. Несмачная

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫДАЧИ ЛИЦА ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Научный руководитель Ю. В. Францифоров

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Институт выдачи лица, совершившего преступление, долгое время не был достаточно урегулирован, и начал развиваться, а также получил законодательное закрепление только после распада СССР, в то время как в международной практике он был уже апробирован и часто применялся государствами.

В настоящее же время Россия обладает достаточным опытом по осуществлению выдачи. В заключенных Российской Федерацией международных договорах закреплены унифицированные правила, касающиеся выдачи, постепенно развивается внутригосударственное регулирование данного института, происходит совершенствование договорных правил и приведение их в соответствие с внутренним законодательством и интересами

страны. Но законодательство в этой области продвигается крайне медленно и значительно отстает от темпов развития международных договорных отношений по вопросам выдачи [1, с. 198].

При рассмотрении международных правовых актов, регулирующих вопросы международного сотрудничества, в том числе и института выдачи, следует отметить, что у ученых нет единой точки зрения, касающейся классификации указанных актов.

Так, Е. В. Курушина приводит классификацию международных актов в зависимости от их правового направления, роли, значения и влияния на процесс производства по уголовному делу: 1) акты основополагающего значения, куда входят документы, содержащие общепризнанные международные нормы, а также обеспечивающие международную защиту прав и законных интересов участников процесса РФ, универсальные международные акты, международные региональные конвенции, многосторонние соглашения и договоры между РФ и другими государствами; 2) многосторонние и двусторонние конвенции и соглашения, регламентирующие область уголовно-процессуальных отношений.

В. В. Щербаков включает в систему таких международных актов многосторонние и двусторонние договоры по борьбе с определенными видами преступлений и договоры о правовой помощи; международные соглашения, связанные с пребыванием Российских воинских формирований за границей; межгосударственные договоры о дружбе и сотрудничестве, об основах отношений; международные договоры, определяющие деятельность международных судебных органов; международные договоры, определяющие иммунитеты от юрисдикции государства [3, с. 22-41].

По нашему мнению, в нормативную базу правового регулирования международного сотрудничества и института выдачи необходимо включить: 1) международные договоры соглашения, регламентирующие порядок деятельности правоохранительных органов с соответствующими органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями в сфере уголовного судопроизводства; 2) двусторонние международные договоры, содержащие обязательства государств-участников по вопросам выдачи лица и уголовного преследования или исполнения приговора в отношении отдельных видов преступлений; 3) межправительственные соглашения регулирующие международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства с отдельными государствами; 4) межведомственные договоры и соглашения касающиеся взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими органами иностранных государств в сфере уголовного судопроизводства; 5) принципы международного права, регулирующие институт выдачи лица и уголовного преследования или исполнения приговора; 6) российское законодательство регулирующее международное сотрудничество в рамках

института выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

Таким образом, существует два уровня правового регулирования института выдачи: международный и внутригосударственный.

Вопросы международного регулирования отражаются в Минской конвенции «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 22 января 1993 г.; Европейской конвенции «О выдаче» от 13 декабря 1957 г.; Европейской конвенции «О взаимной правовой помощи по уголовным делам» от 20 апреля 1959 г.

Также в международную нормативную базу входят многосторонние конвенции, которые посвящены борьбе с отдельными видами международных преступлений и регулируют связанные с ними вопросы по выдаче: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.; Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1948 г., Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него 1973 г.; и др.

Следует отметить, что Российской Федерацией заключены многочисленные двусторонние международные договоры с отдельно взятыми государствами, в которых отдельно оговариваются вопросы выдачи.

Российской Федерацией заключены межправительственные соглашения с Финляндской Республикой (1993 г.), Соединенными штатами Америки (1995 г.), Израилем (1997 г.), Арабской Республикой Египет (1997 г.), Королевством Великобритании и Северной Ирландии (1997 г.) и др.

Говоря о внутригосударственном правовом регулировании института выдачи лица, совершившего преступление, в первую очередь стоит рассмотреть Конституцию РФ. Ч. 1 ст. 61 Конституции РФ закрепляет правило, согласно которому запрещается выдача российских граждан другому государству.

Также институт выдачи затрагивается и в ст. 13 Уголовного Кодекса РФ.

22 ноября 2001 года был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в котором впервые появилась часть пятая «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства».

Гл. 53 данного раздела регламентирует основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и международными организациями.

Институту выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора в ней посвящена гл. 54. В указанной главе изложены правила направления запроса о выдаче и его исполнения, пределы уголовной ответственности выдаваемого лица, предусмотрены основания для отказа в выдаче, определены должностные лица, полномочные принять решение

о выдаче либо отказать в удовлетворении требования запрашивающего государства, указана мера обеспечения возможной выдачи, заключающейся в избрании меры пресечения, определены процедуры выдачи под условием и на время либо окончательно, а также закреплено право на обжалование решения о выдаче.

Гл. 55 УПК РФ регламентирует вопросы передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является.

Но, следует отметить, что не все ученые считают введение части V в УПК РФ необходимым. Так, например, профессор А. П. Рыжаков считает, что некоторая часть положений указанной части в той или иной степени содержится в международных нормативных актах. Профессор заметил, что порядок международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства регулируют, прежде всего, нормы международных договоров, а не УПК РФ, и, соответственно, при противоречии положений кодекса и международного договора будет применяться правила последнего[2, с. 928].

Считаем, что с данной точкой зрения нельзя полностью согласиться, так как отсутствие внутригосударственного регулирования в данной сфере, на наш взгляд, усложняло работу правоохранительных органов, в то время как введение ч. V в УПК РФ урегулировало процесс взаимодействия судов, прокуратур, органов предварительного следствия и дознания РФ с соответствующими компетентными органами и должностными лицами иностранных государств и с международными организациями.

Следует отметить, что нормы ч. V УПК РФ уточняют, а не заменяют положения международных договоров, которые направлены на обеспечение соблюдения международных обязательств, вытекающих из этих договоров, в том числе и выдачи лиц, совершивших преступление.

Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «о практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для исполнения наказания» также разъясняет вопросы выдачи лиц, совершивших преступление, и является частью внутригосударственной нормативной базы.

Разъяснения, данные в указанном постановлении, способствуют обеспечению единства судебной практики по применению законодательства РФ, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, регулирующих вопросы выдачи лица иностранному государству для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является.

Следует обратить внимание на то, что в Российской Федерации ведущую роль по осуществлению выдачи (проведение проверок, подготовка

соответствующих документов, принятие решения об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении ходатайств о выдаче) исполняет Генеральная прокуратура Российской Федерации и ее подразделения в Субъектах Федерации. Данные органы в своей практической деятельности руководствуются внутренними ведомственными документами.

В настоящее время многими государствами уже принят специализированный закон, закрепляющий положения о выдаче.

В Российской Федерации отсутствует федеральный закон, регулирующий вопросы выдачи, поэтому, на наш взгляд, происходит завышение значимости международных договоров Российской Федерации, однако их применение невозможно без российских уголовно-процессуальных норм, предназначенных для исполнения поручений иной страны по уголовным делам.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что Российской Федерации необходимо принятие специализированного закона, способного устранить существующие проблемы.

Но, следует отметить, что в 2000 г. сотрудниками НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ был разработан проект федерального закона «О выдаче (экстрадиции)».

Проект закона содержит 27 статей и состоит из 5 разделов: общие положения, запрос о выдаче, порядок выдачи, порядок передачи выдаваемого лица, передача лица, осужденного к лишению свободы.

Несмотря на то, что в указанном проекте отражены многие положительные моменты, в нем существует и большое количество недостатков, пробелов.

Считаем, что принятие специализированного федерального закона о выдаче необходимо для дальнейшего развития указанного института.

В этом законе должны быть восполнены пробелы, присутствующее в УПК РФ, а также существующую на данный момент коллизию российских и международных норм.

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что:

1. Правовое регулирование института выдачи лица для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора осуществляется как на международном, так и на внутригосударственном уровне.

2. В настоящее время институт выдачи продолжает свое развитие и движется в демократическом направлении.

3. Имеются коллизии международного договорного права и национального права, а также имеются внутренние противоречия в самом уголовно – процессуальном праве касающиеся выдачи лица для уголовного преследования или исполнения приговора.

4. Российской Федерации необходимо развивать внутригосударственное законодательство путем принятия специализированного закона о

выдаче для закрепления национальных интересов, а также устранения пробелов и несовершенств нашего уголовно-процессуального законодательства.

Библиографический список

1. *Волженкина, В. М.* Выдача в Российском уголовном процессе [Текст] / В. М. Волженкина. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002.
2. *Рыжаков, А. П.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Текст] / А. П. Рыжаков. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2003.
3. *Щербаков, В. В.* Реализация норм международного права в деятельности органов предварительного расследования [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Щербаков. – М., 2004.

Т. Л. Пагава

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Научный руководитель В. Н. Тронева

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Конституция Российской Федерации 1993 г. впервые в истории России провозгласила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2), они неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ст. 17). Конституция установила, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. В свете этих положений Конституции РФ в редакции Закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 ноября 1995 г. среди важнейших функций прокуратуры назван надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (п. 2 ст. 1) [1].

Прокурорский надзор в России имеет богатую трехсотлетнюю историю. Днем рождения прокуратуры в России принято считать 12 января 1722 г. Именно тогда император Петр Первый издал указ в котором говорилось, что надлежит учредить при Сенате пост Генерал-Прокурора и Обер-Прокурора, а также во всякой Коллегии по прокурору, которые должны будут рапортовать Генерал-Прокурору. Главной целью создания нового государственного органа при Сенате был контроль за воплощением в жизнь реформ и преобразований Петра, несмотря на сопротивление местных вла-

стей. Таким образом, основной функцией прокуратуры изначально был именно надзор. Прокурор надзирал за тем, чтобы Сенат добросовестно и по справедливости рассматривал дела, относящиеся к его компетенции, и действовал в строгом соответствии с законом.

Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина является самостоятельным видом надзора [2]. Прокуратура РФ относится к числу государственных органов, которые непосредственно выполняют обязанность государства по соблюдению и защите прав и свобод человека. Защита прав и свобод человека и гражданина средствами прокурорского надзора охватывает всю разностороннюю деятельность прокуратуры. Это обстоятельство обуславливает определение прокурорского надзора как гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина и важнейшего направления деятельности прокуратуры.

Ст/ 26 Федерального закона «О Прокуратуре» предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

Цель прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина заключается в том, чтобы добиться такого состояния в сфере прав и свобод человека и гражданина, при котором, с одной стороны, права и свободы действительно соблюдались бы всеми органами и должностными лицами, а с другой стороны, гражданин был убежден в том, что его права и свободы находятся под надежной охраной и в случае их нарушения он вправе обратиться за защитой к компетентным государственным органам, у которых в свою очередь есть обязанность по охране и защите прав и свобод человека и гражданина.

К основным задачам прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина относятся:

1) обязательное вмешательство прокурора в связи с поступившей информацией о нарушении законов путем принятия мер к выявлению и устранению нарушений законов и способствующих этому обстоятельств;

2) наиболее полное использование возможностей прокурорского надзора за исполнением законов в предупреждении правонарушений, прежде всего, преступлений;

3) активизация и совершенствование деятельности органов государственного контроля и правоохранительных органов, направленной на обеспечение исполнения законов и подзаконных актов;

4) укрепление законности и правопорядка путем проведения прокурорских проверок в основном в этих органах и поручения проведения ими проверок в подчиненных, подконтрольных и нижестоящих органах, на предприятиях, в учреждениях и в организациях.

Прокурор или его заместитель приносит протест на акт, нарушающий права человека и гражданина, в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо обращается в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством Российской Федерации [3].

К полномочиям прокурора в данной сфере относятся:

1) рассматривать и проверять заявления (просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц), жалобы (просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц) и иные сообщения о нарушении прав и свобод человека и гражданина;

2) разъяснять пострадавшим порядок защиты их прав и свобод;

3) принимать меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба;

4) при предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения органов, указанных выше;

5) иметь доступ к их документам и материалам, проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона;

6) требовать от руководителей и других должностных лиц указанных органов представления необходимых документов, материалов, статистических и иных сведений;

8) выделять специалистов для выяснения возникших вопросов;

9) проводить проверку по поступившим в органы прокуратуры материалам и обращениям, ревизии деятельности подконтрольных или подведомственных им организаций;

Выделение рассматриваемого направления деятельности прокуратуры свидетельствует о признании значительно возросшего в современной конкретно-исторической ситуации правозащитного потенциала прокуратуры, о существенном усилении позиций органов прокуратуры в механизме государственной охраны прав и свобод человека и гражданина.

Многое на этом направлении прокурорского надзора нуждается в дальнейшем осмыслении, анализе, изучении, научном обосновании. Воз-

можны и разумные корректировки, связанные с совершенствованием самого предмета надзора. Но сегодня хотелось бы подчеркнуть один принципиально важный вопрос: нельзя противопоставлять, как это иногда просматривается в науке и практике, защиту прав и свобод человека и гражданина, с одной стороны, защите интересов государства, всего общества – с другой. Все это неразрывно связано. Охраняя права и свободы граждан, мы одновременно защищаем общественные и государственные интересы. И, наоборот, без обеспечения государственных и общественных интересов невозможно обеспечить права и свободы граждан.

Библиографический список

1. *Рохлин, В. И.* Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [Электронный ресурс] / В. И. Рохлин // Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. – Режим доступа к журналу: <http://law.vl.ru/analit/>
2. *Ахетова, О. С.* Прокуратура и прокурорский надзор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://be5.biz/pravo/paos/27.htm>
3. Российская Федерация. Законы. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон: от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 30 декабря 2012 г. № 284-ФЗ). – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164358/2/>

Н. В. Спесивов

О ПОНЯТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Научный руководитель Н. С. Манова

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Современное международное право характеризуется «конкретизацией общечеловеческих стандартов прав и свобод личности, с которыми государства должны соизмерять обращение с собственными гражданами» [5, с. 11]. Его нормы оказывают существенное влияние на национальное законодательство; поэтому интеграция России в мировое сообщество невозможна без приведения внутреннего законодательства и правоприменительной деятельности в соответствие с международными стандартами прав человека.

В словаре русского языка понятие «стандарт» определено как типовой вид, образец, которому должно соответствовать, удовлетворять что-либо по своим признакам, свойствам, качествам; как нечто шаблонное, трафаретное [6, с. 622]. То есть, под стандартом понимается некий элемент или единица, применяемая для сравнения, для приведения чего-либо в со-

ответствие. В стандартах устанавливаются требования к соответствующим процессам, порядку осуществления определенных действий. Стандарты в любой области человеческой деятельности вырабатываются на основе соглашения заинтересованных сторон и должны быть утверждены и признаны.

Определяя универсальное значение международных стандартов, юристы характеризуют их как минимальные правовые требования, необходимые для создания основы для нормального существования международной системы в целом или в какой-либо конкретной области [3, с. 224], как признанные мировым сообществом и закрепленные в его документах юридические нормы или модели правовых норм, установленные соглашением сообщества государств [2, с. 41; 4, с. 129]. Иными словами, международные правовые стандарты рассматриваются как закрепленные в общепризнанных актах положения, в которых определены основные права, свободы и обязанности лиц, находящихся под юрисдикцией сообщества мировых государств.

Понятие «стандарты», которое с 1990 г. появляется в документах Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), касающихся человеческого измерения, использовалось в связи с идеей не создавать принципиально новых положений в системе европейского права, а выделить и сгруппировать нормы и принципы, лежащие в основе правового статуса человека. Стандартам придается некая обособленность в качестве группы положений – принципов в системе общего права. Тем самым стандарты в области прав личности рассматривают как нормы-требования к регулированию и защите прав человека, закрепленных в международно-правовых документах.

Как отмечается в литературе, понятие «международные стандарты прав человека» носит, прежде всего, прикладной характер и применяется как норма «обычного права». Вместе с тем это понятие рассматривается в числе обязательных требований, содержащихся в международных договорах [15]. Тем самым, при характеристике понятия международных стандартов в них включаются не только нормы международного права, но также и общепризнанные нормы, нормы-принципы (например, принципы Совета Европы). Под общепризнанными нормами в международной практике понимаются такие, которые признаны «достаточно представительным большинством государств», имеют наиболее общую форму выражения.

Принципы международного права носят универсальный характер, являясь фундаментом международного правопорядка. Действие принципов распространяется на любую деятельность государств на международной арене. Они определяют направленность, сущность и характер международно-правового регулирования в целом. Стандарты же базируются на принципах и аккумулируют их применительно к конкретной отрасли права, устанавливая соответствующие параметры. Таким образом, указанные

категории можно соотнести между собой как нормативное обоснование и систему требований, сформировавшуюся на его основе.

Иногда общепризнанные нормы называют основными принципами международного права. Такие нормы отражают коренные, фундаментальные интересы государств и народов и представляют собой нормативную основу всей системы международного права, служат его фундаментом. Этому способствует одно из отличительных свойств принципов – их императивность, означающую, что отклонение этих норм признается международным сообществом государств как недопустимое, поскольку может причинить ущерб интересам всех государств [11, с. 14-16].

В связи с этим некоторые авторы предлагают рассматривать стандарты как правовые положения-принципы, которые выражают наиболее передовые правовые концепции, определяющие статусное положение личности [13, с. 5], как принципы международного права, относящиеся к той или иной сфере правового регулирования [1, с. 11; 6, с. 20]. О. Н. Малиновский отмечает, что международные стандарты в области прав человека не только находятся в полной гармонии с универсальными принципами, но и расширяют их границы, создавая тем самым более высокий порог защищенности личности и ограждая сферу ее интересов от бесконтрольного вмешательства со стороны государства [11, с. 7]. Судья Европейского суда по правам человека А. И. Ковлер определяет стандарты как универсальную шкалу ценностей, с которой соотносятся национальные реалии [14].

Общим для всех изложенных точек зрения является указание на системообразующий характер международных стандартов, их определяющее воздействие на систему обеспечения прав личности во всех сферах действия права, их приоритет над национальным законодательством. Сам смысл системы международных стандартов в области прав человека заключается в том, чтобы основные права и свободы человека возобладали над национальным суверенитетом.

Международные принципы прав человека можно рассматривать в качестве нормативно закрепленных положений, а также как некую модель, критерий или «цивилизационный ориентир для развития правовой сферы государств» [9, с. 210]. В последнем случае стандарт рассматривается в широком значении слова, когда в него могут быть включены не только нормы права, закрепленные в определенных источниках, но и правовые идеи и взгляды.

Таким образом, международные стандарты в области прав человека являются собирательной категорией, которая аккумулирует и отражает состояние права в обществе на определенном этапе исторического развития. Данное понятие представляет собой обобщенное представление о правах и свободах человека и гражданина, выражение общих ценностей всего человечества с учетом современного состояния права и правовой науки, а также

развития идеалов правового государства. Общие правовые ценности, принцип верховенства права, господство закона, признание и соблюдение прав и свобод человека – это фундаментальная основа того, что принято называть стандартами современной мировой цивилизации.

Международные стандарты ориентированы не на одно государство, а на все или большинство государств. И хотя при их включении во внутреннее законодательство, безусловно, должны учитываться объективно существующие значительные различия в национальных системах уголовного судопроизводства, стандарты в области прав человека несут на себе характер универсальности, не подверженной изменению в зависимости от той или иной правовой системы, особенностей государственного устройства и т.д. В то же время стандарты в области прав человека обладают таким качеством как способность к наращиванию; они могут быть расширены каждым государством в национальном законодательстве. Безусловно, что такое расширение может производиться с учетом мнения других стран сообщества, и оно не должно носить постоянного характера, так как система данных положений должна быть стабильной, для того, чтобы на нее можно было ориентироваться.

Тем самым, стандарты прав и свобод человека – это та нормативная основа, на которую должны ориентироваться все государства при признании и обеспечении провозглашаемых прав своих граждан. Они объединяют в себе фундаментальные права личности, которые имеют определяющее значение для защиты прав человека от неоправданного уголовного преследования: право на жизнь, запрещение пыток, право на свободу и личную неприкосновенность, право на справедливое судебное разбирательство и т.д.

Библиографический список

1. *Автономов, А. С.* Международные стандарты в сфере отправления правосудия [Текст] / А. С. Автономов. – М., 2007.
2. *Варпаховская, Е. М.* Международно-правовые стандарты в области защиты прав жертв преступлений [Текст] / Е. М. Варпаховская. – Иркутск, 2008.
3. *Волков, В. П.* Проблемы обеспечения конституционной законности избирательного процесса в интересах укрепления российской государственности [Текст] / В. П. Волков. – М., 2009.
4. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации [Текст]: учебник для вузов. – М., 1999.
5. Институт прав человека в России [Текст]. – Саратов, 1998.
6. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М., 1988.
7. *Пономаренков, В. А.* Этносоциальная детерминация уголовно-процессуального доказывания / В. А. Пономаренков. – Самара, 2008.

8. *Васильева, Е. Г.* Основные международные стандарты системы уголовного правосудия [Текст] / В. Г. Васильева // Российское правосудие. – 2008. – № 10.

9. *Гараева, Г. Ф.* Европейские правовые стандарты как фактор гармонизации международного и национального механизма защиты прав человека [Текст] / Г. Ф. Гараева // Международное и национальное правосудие: теория, история, практика. Материалы международной научно-практической конференции. 20 мая. 2010 г. – СПб., 2010.

10. *Косолапов, М. Ф.* Значение международно-правовых стандартов в российской правоприменительной практике [Текст] / М. Ф. Косолапов // Право и его реализация в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. – Саратов. 2011.

11. *Тиунов, О.* Решения Конституционного суда РФ и международное право [Текст] / О. Тиунов // Российская юстиция. – 2001. – № 10.

12. *Малиновский, О. Н.* Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права [Текст]: Дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Малиновский. – Краснодар, 2003.

13. *Ягофаров, С. М.* Международные стандарты по правам человека в сфере российского уголовного судопроизводства [Текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. М. Ягофаров. – Челябинск, 2005.

14. Из выступления на семинаре «10 лет Конституции России», состоявшемся в Милане в ноябре 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sartraccs.ru/Pub_inter/russiamanual.pdf

15. *Лантев, П. А.* Международно-правовые процедуры и контрольные механизмы в области защиты прав человека и охраны частной жизни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libertarium.ru/libertarium/immunity_doc4 (дата обращения 23. 06. 2012 г.).

М. А. Челядина

ОХРАНА ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Научный руководитель Г. Н. Чекачкова

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

На начальной стадии уголовного процесса компетентные органы рассматривают сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, и по итогам рассмотрения, принимают решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении. Стадия возбуждения уголовного дела играет важную роль в обеспечении прав граждан. Так, она обеспечивает законность и обоснованность возбуждения уголовного дела. В случае необоснованного возбуждения уголовного дела права граждан могут быть

нарушены тем, что граждане будут вовлечены в расследование и судебные процедуры [1, с. 335-336]. Как известно, любое вмешательство следственных и судебных органов в жизнь граждан затрагивает, а в отдельных случаях ограничивает права последних, а согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, следовательно, это вмешательство должно быть законно и обосновано [2].

Для того чтобы возбудить уголовное дело необходимо наличие законного повода и оснований. Согласно ч. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ), поводами для возбуждения являются: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [3].

Перечень участников стадии возбуждения уголовного дела законодательно не закреплен. Среди ученых также нет единого мнения по этому вопросу. Бесспорно только то, что к числу участников данной стадии, прежде всего, относятся дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа. Круг других участников широк и не определен. В связи с этим возникает сложность при определении и обеспечении прав указанных лиц. Рассмотрим правовой статус участников стадии возбуждения уголовного дела, права которых на наш взгляд, наиболее затрагиваются на данной стадии и, вследствие чего, эти лица нуждаются в особой защите со стороны закона.

Одним из таких участников является лицо, которое подает заявление о преступлении. Для его обозначения будем использовать термин, предложенный Г. П. Химичевой – заявитель о преступлении [4]. УПК РФ не содержит определения заявления о преступлении. Г. П. Химичева определяет заявление о преступлении как сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, отвечающее требованиям, предусмотренным ст. 141 УПК РФ [4]. Правовой статус заявителя о преступлении УПК РФ четко не регламентирован, это лицо практически лишено прав. Оно может только обжаловать постановление о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела после получения его копии, в соответствии с ч. 2 ст. 145 и ч. 4 ст. 148 УПК РФ [3]. Заявителем может быть как лицо, которому причинен вред преступлением, так и лицо, которому вред преступлением не причинен. В первом случае заявитель может быть в последствии признан потерпевшим, в соответствии со ст. 42 УПК РФ [3]. Однако для признания лица потерпевшим необходимо, чтобы следователь,

дознатель или суд вынес соответствующее постановление, что по смыслу УПК РФ может быть сделано только после возбуждения уголовного дела. Следовательно, на стадии возбуждения уголовного дела заявитель, которому причинен вред преступлением, не обладает правами потерпевшего. Во втором случае лицо может впоследствии обладать статусом свидетеля, но это возможно также только по уже возбужденному и расследуемому уголовному делу. И здесь мы снова видим, что заявитель, которому преступлением не причинен вред, не обладает правами свидетеля.

Главное требование к заявлению о преступлении – оно должно быть подписано заявителем. Согласно ч. 6 ст. 141 УПК РФ, заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. В соответствии с ч. 7 ст. 141 УПК РФ, анонимное заявление не может служить поводом для возбуждения уголовного дела [3]. Данные положения, по нашему мнению, необходимы, так как анонимное заявление может содержать ложную информацию, и в результате его принятия были бы необоснованно затронуты права граждан, вовлеченных в расследование этого преступления. При этом не возможно было бы привлечь к ответственности заявителя за заведомо ложный донос. На практике анонимные заявления передаются в оперативные службы в целях использования для пресечения или раскрытия преступлений. Исследование анонимных заявлений показало, что всего лишь 19,4% из них содержат ложные доносы [4]. Очень часто заявитель подает анонимное заявление, так как боится негативного воздействия со стороны лица, совершившего преступление. В данном случае мы наблюдаем недостаточное обеспечение безопасности заявителя и необходимость ее обеспечения. На наш взгляд, вполне подходящим решением данной проблемы является решение, предложенной Г. П. Химичевой, а именно, применять по отношению к заявителю меры государственной защиты. Как справедливо отмечает автор, меры безопасности, предусмотренные ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ, распространяются на производство следственных действий, а также на более поздние этапы уголовного судопроизводства и применяться к заявителю не могут. Поэтому для защиты прав заявителя необходимо предусмотреть подобные меры. Так, Г. П. Химичева предлагает не указывать данные в протоколе устного заявления о преступлении как в случае, предусмотренном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, для протокола следственного действия [4].

Когда решается вопрос о возбуждении дела в отношении конкретного лица, появляется еще один участник, права которого наиболее затрагиваются на стадии возбуждения уголовного дела и наиболее нуждающийся в защите. Это лицо, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Это лицо либо явилось с повинной, либо было указано в заявлении о преступлении как лицо, совершившее данное преступление,

либо о его возможной причастности к преступлению стало известно из других источников. УПК РФ не содержит наименования данного лица. Рассмотрим правовое положение лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела, когда данное лицо было задержано в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ. В данном случае такое лицо именуется подозреваемый.

Согласно ч. 1 ст. 46 УПК РФ, подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, либо задержанное в соответствии со ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения, либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления дознавателем [3]. Из этой нормы следует, что в большинстве случаев подозреваемый как участник уголовного процесса появляется уже после возбуждения уголовного дела, то есть на стадии предварительного следствия. Однако если лицо было задержано в соответствии со ст.ст. 91, 92 УПК РФ до возбуждения уголовного дела, что часто происходит на практике, то оно также является подозреваемым.

В. Белоусов приводит следующую ситуацию. Согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ, задержать лицо по подозрению в совершении преступления при наличии необходимых на то оснований вправе орган дознания, дознаватель, следователь. В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ, после доставления лица в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания. Однако на практике фактическое задержание осуществляют иные лица: оперативные работники и др. В этом случае срок в 48 часов, предусмотренный ч. 1 ст. 10 УПК РФ, начинает течь с момента доставления задержанного лица в орган дознания, дознавателю либо следователю. В период с момента фактического задержания до доставления в орган дознания, дознавателю либо следователю лицо не обладает статусом подозреваемого, а, следовательно, не обладает правами подозреваемого, в частности, правом пользоваться помощью защитника, предусмотренным п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ [5, с. 77-80]. Из сказанного выше следует, что сразу два конституционных права личности обеспечиваются не в полной мере. Это право, предусмотренное ч. 2 ст. 22 Конституции РФ: до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов, а также предусмотренное ст. 48 Конституции РФ: каждый задержанный имеет право пользоваться помощью защитника с момента задержания [2].

Более того, В. Белоусов утверждает, что протокол задержания составляется в таких ситуациях только после возбуждения дела, из-за того, что, во-первых, задержание применяется за совершение преступления, а факт его совершения считается установленным лишь по вынесении постановления о возбуждении уголовного дела, а во-вторых, задержание является мерой процессуального принуждения, которая по смыслу закона применя-

ется только после возбуждения уголовного дела [5, с. 77-80]. В данном случае задержанное лицо еще дольше не может пользоваться помощью защитника.

Таким образом, мы видим, что права участников стадии возбуждения уголовного дела обеспечиваются недостаточно эффективно. Причиной этому, на наш взгляд, в том числе является и отсутствие законодательного закрепления, как прав участников данной стадии, так и перечня самих участников. Так как круг участников стадии возбуждения уголовного дела зависит от конкретной ситуации, то представляется невозможным закрепить в УПК РФ их закрытый перечень. В целях наиболее полного обеспечения прав личности на данной стадии, представляется необходимым ввести в УПК РФ нормы, регламентирующие правовое положение заявителя о преступлении и лица, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела как лиц, нуждающихся в особой защите со стороны закона.

Библиографический список

1. Уголовный процесс Российской Федерации [Текст]: учебник / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. – М.: Проспект, 2009. 736 с.
2. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция РФ: офиц. текст // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4. Ст. 445.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс: федер. закон: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. Ст. 4921 (в ред. ФЗ от 5.04.2013г.№54-ФЗ)
4. *Химичева, Г. П.* Возбуждение уголовного дела: проблемы правовой регламентации и совершенствования деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.k-press.ru/bh/2003/2/himicheva/himicheva.asp>
5. *Белоусов, В.* О защите прав подозреваемого на стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / В. О. Белоусов // Уголовное право. – 2007. – № 2.

А. А. Шевченко

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ КАК ГАРАНТИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Научный руководитель В. Н. Тронева

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте России»

Презумпция невиновности является одной из основополагающих гарантий защиты прав личности в уголовном судопроизводстве.

Так, еще в XVII в. Чезаре Беккариа утверждал, что «никто не может быть назван преступником, пока не вынесен обвинительный приговор» [1, с. 260].

Следует отметить, что данная презумпция вовсе не является новеллой для современного законодательства.

Первая письменная формулировка презумпции невиновности содержалась во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. В ст. 9 Декларации говорилось: «Каждый человек предполагается невиновным, пока его не объявят (по суду) виновным».

Нормативное закрепление данного принципа в законодательстве государств является, по образному определению Н. И. Газетдинова, своеобразной «лакмусовой бумагой», показателем установившейся демократии в стране [2, с. 15].

Неслучайно данный принцип нашел отражение в крупнейших международно-правовых актах – Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Так, ст. 11 Всеобщей декларации прав человека провозглашает: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты».

В Конституции Российской Федерации право каждого считаться невиновным включено в число основных субъективных прав и обусловлено обязанностью государства охранять достоинство личности в качестве неотъемлемого и абсолютного права.

Ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

В настоящее время в юридической науке ведутся оживленные дискуссии относительно понятия и содержания принципа презумпции невиновности, его места в системе принципов российского права, действия презумпции на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Традиционно презумпция невиновности рассматривается как конституционный принцип уголовного судопроизводства, однако действие данного принципа не ограничивается только сферой уголовно-процессуальных отношений.

Представляется, что принцип презумпции невиновности является общеправовым, поскольку распространяет свое действие на отношения в рамках не только уголовного, но и административного судопроизводства, т.е. на процессуальные отношения, возникающие в связи с совершением какого-либо правонарушения.

Более того, ограничение действия принципа презумпции невиновности только сферой уголовного судопроизводства, тем более, стадией судебного разбирательства едва ли соответствует задаче защиты прав и охраняемых законом интересов личности в демократическом обществе.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением В. Н. Кудрявцева, распространяющего действие принципа презумпции невиновности на все виды применения взысканий за правонарушения, в том числе в дисциплинарном или административном порядке [3, с. 250].

При таком подходе становится очевидным, что в презумпции невиновности находят свое выражение не только правовые, но и нравственные гуманистические принципы.

В рамках данной статьи будет рассмотрены особенности реализации принципа презумпции невиновности в узком смысле слова, т.е. в уголовном судопроизводстве.

Так, в ч. 1 ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации подчеркивается, что обвиняемый не является, а считается невиновным.

Подобная трактовка данного принципа указывает на юридическую условность презумпции невиновности, которая сдерживает поспешность в отношении признания лица виновным в совершении преступления и обращения с ним как с преступником.

Вина обвиняемого подлежит доказыванию на всех стадиях уголовного судопроизводства, начиная с этапа собирания доказательств на стадии предварительного следствия и заканчивая исследованием судом материалов дела.

Ключевыми являются закрепленные в Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуальном кодексе РФ положения об осуществлении правосудия только судом и о недопустимости признания лица виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда.

Составляемые в ходе предварительного следствия процессуальные документы (постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение) всего лишь выражают субъективное мнение следователя, прокурора – лиц, наделенных государственно-властными полномочиями.

Так, М. С. Строгович указывал, что виновным может быть признано то лицо, виновность которого доказана, пока же виновность не доказана, лицо считается невиновным. В соответствии с презумпцией невиновности органы следствия, прокуратура и суд могут делать выводы о виновности обвиняемого в той мере, в какой эти выводы подтверждены проверенными и доброкачественными доказательствами [4, с. 274].

Мнение об опровержимости презумпции невиновности высказывал В. П. Божьев. По его мнению, предположение о невиновности действует до тех пор, пока на основе достаточных, достоверных и объективных доказательств в предусмотренном законом порядке не будет установлена приговором суда виновность лица в совершении преступления [5, с. 87].

Таким образом, предположение о виновности лица является по сути гипотезой, которая должна быть подтверждена либо опровергнута совокупностью собранных по делу доказательств.

Поспешный вывод о заведомой виновности лица, привлеченного в качестве обвиняемого, может оказаться ошибочным.

Однако ошибки в сфере уголовного судопроизводства могут оказаться непоправимыми, вот почему такое значение имеет внимательное изучение материалов дела и объективный анализ всех обстоятельств.

Нормативное закрепление принципа презумпции невиновности является важным критерием правового государства, однако этого недостаточно.

Необходимо, чтобы этот принцип действительно работал, не оставаясь декларативным заявлением на бумаге.

Если в государстве не только провозглашается, но и на практике реализуется принцип презумпции невиновности, в соответствующих отраслях права должна быть создана система гарантий, исключающих признание невиновных лиц виновными и их наказание.

Содержание презумпции невиновности раскрывается в целом ряде правовых норм, строгое соблюдение которых в процессе уголовного судопроизводства призвано обеспечить ее реализацию.

Крайне важно, чтобы о существовании принципа презумпции невиновности помнили правоприменители: и судьи, и сотрудники правоохранительных органов, и лица, от которых зависит реализация прав граждан в социальной, жилищной и иных сферах жизнедеятельности.

Признание социальной ценности презумпции невиновности должно быть естественным для правосознания участников процесса.

На практике нередки случаи, когда к лицу, являющемуся подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, начинают относиться как к преступнику, вина которого уже доказана.

Несомненно, профессиональная деформация в деятельности сотрудников правоохранительных органов неизбежна. Однако она не должна стать решающим фактором в определении судьбы человека, каким-либо образом повлияв на вынесение приговора.

Тем более недопустим обвинительный уклон в деятельности сотрудников предварительного следствия и суда, который может привести к

неправильной квалификации совершенного деяния, субъективной оценке обстоятельств, имеющих значение для рассматриваемого дела.

Еще более опасным является формирование аналогичного отрицательного отношения общественности к лицам, привлеченным в качестве подозреваемых, обвиняемых по уголовному делу.

Прикрепление такого рода негативных социальных ярлыков, зачастую необоснованных, может самым неблагоприятным образом повлиять на судьбу человека, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства.

Необходимо помнить, что привлечение лица в качестве подозреваемого, обвиняемого, применение к нему процессуальных мер принуждения не означает виновность лица в совершении инкриминируемого ему деяния. При этом действие принципа презумпции невиновности распространяется не только на стадию предварительного расследования, но и на стадию судебного разбирательства.

Таким образом, принцип презумпции невиновности является общеправовым принципом, наиболее ярко проявляющимся в качестве одной из необходимых гарантий защиты прав личности в сфере уголовного судопроизводства.

Реализация принципа презумпции невиновности – непростая задача, требующая усилий и внимательного отношения как законодателя, так и правоприменителей.

Воплощение указанного принципа в жизнь невозможно без повышения правовой культуры общества и правосознания отдельных лиц, осуществляющих правосудие.

В связи с вышеизложенным представляется, что принцип презумпции невиновности как гарантия защиты прав личности должен найти отражение не только в букве закона, но и в сердцах людей, наделенных властными полномочиями.

Библиографический список

1. *Беккариа, Ч.* О преступлениях и наказаниях [Текст] / Ч. Беккариа. – М.: Логос, 1999.
2. *Газетдинов, Н. И.* Реализация принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России [Текст] / Н. И. Газетдинов // Журнал российского права. – 2005. – № 1. С. 15-18.
3. *Кудрявцев, В. Н.* Правовое поведение: норма и патология [Текст] / В. Н. Кудрявцев. – М.: Либрис, 1995.
4. *Ефимичев, П. С.* Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности [Текст] / П. С. Ефимичев, С. П. Ефимичев. – М.: Юстициформ, 2008.
5. *Божьев, В. П.* Уголовный процесс [Текст] / В. П. Божьев. – М.: Спарк, 2008.

М. В. Юшин

НАРУШЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА ТРУПА И ЭКСГУМАЦИИ

Научный руководитель Тронева В. Н.

**Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте России»**

Эффективное расследование преступлений во многом зависит от правильного и организованного производства следственных действий. Именно при производстве следственных действий собираются, закрепляются, а в дальнейшем и используются доказательства, уличающие лицо в совершении преступления, а также устанавливающие и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

На фоне этого у органов расследования возникает необходимость извлечения погребенного трупа из мест официального захоронения, массовых захоронений в целях осмотра, проверки, уточнения и получения новых доказательств, опознания или экспертного отождествления захороненного трупа, экспертного исследования, получения образцов для сравнительного исследования, а также для патолого-анатомического исследования, направленного на обнаружение и изъятие вещественных доказательств. Иными словами, необходимость в производстве эксгумации.

В действующем УПК РФ законодатель, придавая эксгумации статус самостоятельного следственного действия, предоставил реальную возможность для проведения научных исследований в рамках разработки теоретических положений и практических рекомендаций, связанных с проблемами производства эксгумации, а также использованием по уголовным делам.

Термин «эксгумация» (с латинского языка «ex» – «из», «humus» – «земля»; нем. «Exhumation») означает: извлечение захороненного трупа из земли для судебно-медицинской, криминалистической экспертизы или патологоанатомического исследования.

Эксгумация – это самостоятельное следственное действие, направленное на извлечение погребенного трупа из места официального захоронения, производимое в рамках уголовного судопроизводства по постановлению следователя (определению суда) для осмотра (в т.ч. повторного), опознания или экспертного отождествления захороненного трупа, получения образцов для сравнительного исследования, экспертного исследования (первичного, дополнительного, повторного) с целью выяснения обстоятельств, установление которых требует познаний в области судебной медицины, криминалистики, судебной биологии, судебной токсикологии и др., а также для патолого-анатомического исследования, направленного на

обнаружение и изъятие вещественных доказательств, с последующим захоронением трупа.

В соответствии с ч. 3 ст. 178 УПК РФ при необходимости извлечения трупа из места захоронения следователь выносит постановление об эксгумации и уведомляет об этом близких родственников или родственников покойного. Постановление обязательно для администрации соответствующего места захоронения. В случае, если близкие родственники или родственники покойного возражают против эксгумации, разрешение на ее производство выдается судом.

В ст. 29 и ст. 37 УПК РФ, такого полномочия, как разрешение на проведение эксгумации трупа, суд, а также прокурор согласно УПК РФ давать не вправе.

Можно предложить следующие инициативы:

- дополнить ст. 29 УПК пунктом 13 следующего содержания: «Принимает решение об эксгумации трупа и изъятии образцов или частей эксгумированного трупа для производства экспертных исследований»;

- внести в ч. 3 ст. 178 УПК РФ первый абзац следующего содержания: «В случае установления новых обстоятельств по делу, а также при некачественном первоначальном судебно-медицинском исследовании трупа следователь на основании постановления и судебного решения производит извлечение трупа из места его официального захоронения...».

Анализируя проблему, связанную с пробелом в законодательстве о регулировании вопросов захоронения эксгумированного трупа, предлагаю законодательное ее разрешение, а именно:

- дополнить ст. 178 УПК РФ еще одним пунктом следующего содержания: «Лица, ответственные за проведение эксгумации трупа, изъятие, хранение и захоронение трупа и его частей, после проведения экспертных исследований несут ответственность в соответствии с действующим законодательством»;

- внести в УПК РФ статью «Захоронение эксгумированного трупа» следующего содержания:

«Захоронение эксгумированного трупа или его частей производится по решению суда, принявшего решение об эксгумации трупа, в присутствии понятых, родственников покойного, если это невозможно, то с участием представителя администрации места захоронения, а в случае отсутствия такового – представителя администрации органа местного самоуправления с обязательным оглашением сопроводительных документов, подписанных судебно-медицинским экспертом, производившим судебно-медицинское исследование данного трупа или его частей».

С позиции оптимизации документирования производства эксгумации следует внести дополнения и изменения в имеющийся бланк протокола эксгумации, закрепив его содержание в новой статье.

Ягнакова Е. А.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ НАКАЗАНИЯ И ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Научный руководитель Т. К. Сацкевич

Волгоградский кооперативный институт (филиал) АНО ВПО Центросоюза
Российской Федерации «Российский университет кооперации»

Право на жизнь представляет собой абсолютную ценность мировой цивилизации, является первоосновой для всех других прав и свобод, складывающихся в обществе, ибо все остальные права утрачивают смысл в случае гибели человека.

Это фундаментальное право вполне допустимо рассматривать *в двух аспектах*:

во-первых, как право личности на свободу от любых незаконных посягательств на жизнь со стороны государства, его представителей либо частных лиц;

во-вторых, как право личности на свободное распоряжение своей жизнью. Последнее позволяет говорить о праве на жизнь как негативном праве – как свободе жить.

Право на жизнь означает, что государство обязано защитить человека от посягательств на его жизнь. Допустимым признаются лишь те ограничения этого права, которые содержатся в международных нормативных актах по правам человека. К примеру, Европейская Конвенция о защите прав человека не признает нарушением лишение жизни, если оно является результатом применения силы, абсолютно необходимой «для защиты любого лица от незаконного насилия», «для осуществления законного ареста или предотвращения побега лица, задержанного на законных основаниях» и «для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа» [1].

Многие люди склонны понимать право на жизнь расширительно, включая в него все, что может повлечь смерть: низкий уровень жизни, случайно упавший кирпич и т. п. Важно понимать, что право на жизнь означает для государства ответственность не за любой случай смерти, а только ответственность за нарушение его обязательств, предусмотренных статьями национальных законов и ратифицированных международных актов в сфере прав человека. Существующие в государстве уровень медицинского обслуживания, социальных гарантий, льгот и пособий, обеспечивающих качество жизни, безусловно, чрезвычайно значимы. Но они защищаются не правом на жизнь, а другими правами человека. Право на жизнь включает в себя обязательства, связанные с непосредственной угрозой лишения человека жизни [5, с. 3-35].

К сожалению, со временем в России человеческая жизнь перестала быть высшей ценностью, в результате чего убийства превратились в обычные преступления, и их количество стало невероятно расти.

В настоящее время в нашем обществе резко увеличилась категория особо тяжких преступлений. В соответствии со ст. 15 ч. 5 Уголовного кодекса Российской Федерации, особо тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание [3].

Таким более строгим наказанием, по мнению законодателя, должна быть смертная казнь (ст. 59 УК РФ), но на данный момент в России она не действует. Это неправильно. Получается, серийный убийца, который убил более 10 человек умышленно, будет отбывать наказание в местах лишения свободы пожизненно и находиться на государственном обеспечении. Согласно постановлению Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве», в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам ч. 2 указанной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден [4]. К этим лицам должна применяться смертная казнь, т. к. они осознавали общественную опасность своих действий (бездействия), предвидели возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желали их наступления. Они не имели права отбирать жизни у невинных жертв.

Но, в то же время, существует ярая точка зрения отмены смертной казни, как вида наказания вообще. И сторонников у этой позиции ничуть не меньше, чем противников.

Право на жизнь естественным образом выступает как ограничитель смертной казни. В Европе второй половины XX – начала XXI века общество все больше и больше приходит к мысли о необходимости отказа от смертной казни. Принятая в 1950 г. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод содержит ст. 2, в которой, в частности, зафиксировано: «Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание»[1]. Принятый в 1983 г. дополнительный протокол №6 к Европейской конвенции устанавливает для членов Совета Европы другую, обязательную для исполнения в мирное время, норму: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен» (ст.1). Все государства-члены Совета Европы за исключением России ратифицировали

Протокол. Наконец, протоколом № 13, открытым для подписания и ратификации 3 мая 2002 г., для членов Совета Европы запрет на смертную казнь распространяется на любые обстоятельства. На начало 2008 г. Протокол № 13 ратифицировали 37 государств-членов, семь государств подписали Протокол, но пока его не ратифицировали (Албания, Армения, Испания, Франция, Италия, Литва, Польша). Российская Федерация и Азербайджан пока не подписали Протокол № 13. Совет Европы призывает Соединенные Штаты и Японию, государства, имеющие статус наблюдателя в Организации, также отменить смертную казнь [6].

В Конституции Российской Федерации 1993 г. (ст. 20, ч. 2) при закреплении гарантий права на жизнь, за государством сохраняется возможность осуществления смертной казни «впредь до ее отмены» [2]. Такая формулировка, по мысли авторов Конституции, наряду с наличием существенных ограничений на возможность применения государством смертной казни, должна была отчетливо показать стремление к отмене смертной казни.

В связи с вступлением в Совет Европы в 1998 г. Россия взяла на себя обязательство подписать в течение одного года и ратифицировать не позднее, чем через три года с момента вступления, Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, касающийся отмены смертной казни в мирное время, но до сих пор не сделала этого. Правда, был установлен мораторий на исполнение смертных приговоров. Однако такая ситуация не может продолжаться бесконечно долго.

Неопределенность с реализацией конституционной нормы и международных обязательств России связана в первую очередь с отсутствием консенсуса по вопросу отмены смертной казни как в обществе, так и среди политиков.

Библиографический список

1. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод: от 4 ноября 1950 г.
2. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция РФ: офиц. текст // СЗ РФ. – 2009. – № 4. ст. 445.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2013) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 17 июня. – № 25. Ст. 2954.
4. Российская Федерация. Верховный Суд. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума: от 27 января 1999 № 1 (ред. от 03.12.2009) // Российская газета. – 1999. – 9 февраля.
5. *Вихровски, М.* Право на жизнь [Текст] / М. Вихровски. – Варшава, 2005.
6. Право на смертную казнь [Текст]: сб. статей / под ред. А. В. Малько. – М.: Частное право, 2004.

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

Аширбекова Мадина Таукеновна, д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС;

Бобко Ульяна Петровна, ассистент кафедры правознавства Львовского государственного университета ветеринарной медицины и биотехнологий;

Волколупова Валентина Александровна, к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России»;

Вологина Эйда Алексеевна, к.ю.н., профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала РАНХиГС;

Голоманчук Эйда Владимировна, к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала РАНХиГС;

Голоманчук Евгений Александрович, специалист юридического отдела ООО «Юридическая фирма Вологин и К»;

Днепровская Марина Анатольевна, декан факультета подготовки специалистов для судебной системы Восточно-Сибирского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»;

Евдокимов Андрей Григорьевич, врач психиатр-нарколог ГБУЗ «Волгоградский областной клинический наркологический диспансер», к.м.н;

Зотова Светлана Александровна, помощник судьи Волжского городского суда;

Косарев Виктор Николаевич, к.ю.н., доцент НОУ ВПО «Волжский филиал Международного юридического института»;

Косарева Людмила Викторовна, атташе Министерства иностранных дел России;

Кравченко Дмитрий Валерьевич, заместитель руководителя секции проблем судебно-экономической экспертизы Международного Союза (Содружества) адвокатов;

Люблин Виталий Давидович, к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой правоведения Львовского национального университета ветеринарной медицины и биотехнологий им. С.З. Гжицкого

Макогон Ирина Викторовна, старший преподаватель ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия МВД России»;

Мальцев Василий Васильевич, д.ю.н., профессор кафедры уголовного права Волгоградской академии МВД;

Мелихов Петр Андреевич, старший преподаватель кафедры правоведения Волгоградского государственного аграрного университета;

Некенова Светлана Бадняевна, ассистент ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет»;

Омарова Асель Сабетовна, судья Волжского городского суда Волгоградской области, старший преподаватель Волжского филиала Международного юридического института;

Печников Геннадий Алексеевич, д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса Волгоградской академии МВД;

Пикуров Олег Николаевич, к.ю.н., старший помощник прокурора области по правому обеспечению и взаимодействию с общественностью прокуратуры Волгоградской области;

Посник Виктор Сергеевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, к.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС;

Решетников Владимир Михайлович, к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС;

Родин Александр Филиппович, к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС;

Сенцов Александр Сергеевич, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС, к.ю.н., доцент;

Сергачева Ольга Александровна, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС;

Симонова Светлана Сергеевна, преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС;

Тацишин Игорь Богданович, к.ю.н., доцент кафедры правоведения Львовского национального университета ветеринарной медицины и биотехнологий им. С.З. Гжицкого;

Тронева Виктория Николаевна, к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС;

Хазиев Шамиль Николаевич, руководитель секции проблем судебно-экономической экспертизы Международного Союза (Содружества) адвокатов;

Чекачкова Галина Николаевна, к.ю.н., старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС;

Шабунин Владимир Александрович, руководитель следственного отдела Грязинского межрайонного следственного отдела следственного управления Следственного комитета РФ по Липецкой области;

Шамонова Тамара Николаевна, к.ю.н., доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России;

Шевчук Ирина Викторовна, к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Волгоградского филиала РАНХиГС.

СТУДЕНТЫ И АСПИРАНТЫ

Афонина Наталья Олеговна, аспирант кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Байгончкова Наргиза Алымбековна, адъюнкт Волгоградской академии МВД России;

Белова Наталья Тимофеевна, студент 3 курса Волгоградского филиала РАНХиГС;

Бобко Ульяна Петровна, аспирант Львовского государственного университета внутренних дел, ассистент кафедры правоведения Львовского национального университета ветеринарной медицины и биотехнологий им. С. З. Гжыцького

Высоцких Сергей Сергеевич, студент 3 курса Волгоградского филиала РАНХиГС;

Гончарова Екатерина Андреевна, студент 3 курса Волгоградского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации;

Гуторов Никита Андреевич, студент 3 курса Волгоградского филиала РАНХиГС;

Дробышев Максим Юрьевич, студент 4 курса Волгоградского филиала РАНХиГС;

Кобзева Олеся Геннадьевна, магистрант ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Ковалев Матвей Алексеевич, студент 2 курса Волгоградского филиала РАНХиГС;

Лавнов Михаил Александрович, аспирант ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Немашкалова Евгения Валерьевна, студент 5 Волгоградского филиала РАНХиГС;

Несмачная Нина Валерьевна, аспирант ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Пагава Теймураз Леванович, студент 2 курса Волгоградского филиала РАНХиГС;

Спесивов Никита Владимирович, аспирант ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»;

Челядина Мария Андреевна, студент 3 курса Волгоградского филиала РАНХиГС;

Шевченко Анастасия Александровна, магистрант Волгоградского филиала РАНХиГС;

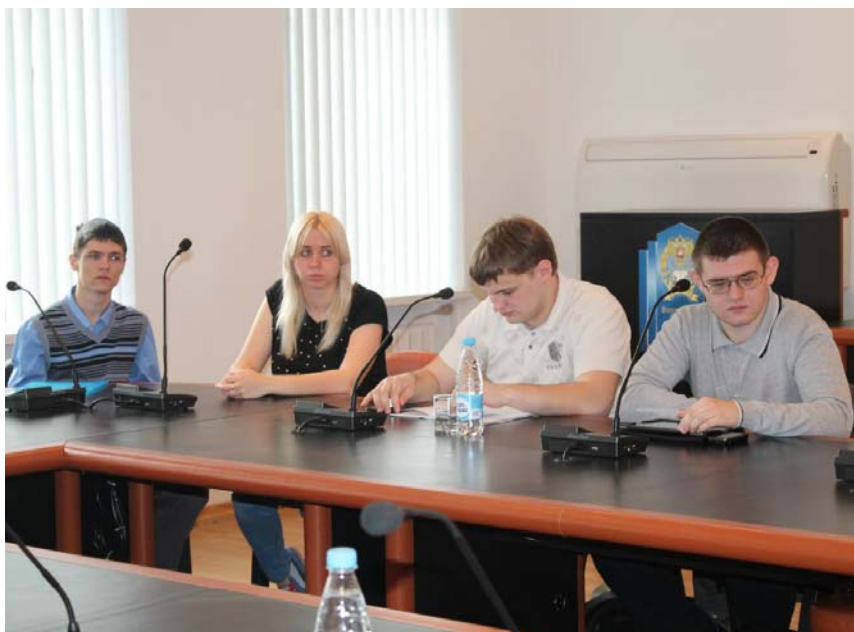
Юшин Максим Валерьевич, студент 3 курса Волгоградского филиала РАНХиГС;

Ягнакова Екатерина Андреевна, студент 3 курса Волгоградского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации.

ФОТОГРАФИИ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРАВ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА**

Материалы

Международной научно-практической конференции

(18 апреля 2013 г., г. Волгоград)

Статьи печатаются в авторской редакции

Компьютерная верстка *П. В. Епифановского*

Подписано в печать от 02.12.2013 г. Формат 60x84 1/16.

Печать офсетная. Гарнитура ТАЙМС.

Физ. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 12,9.

Тираж 100 экз.

Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы»
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена 10.